

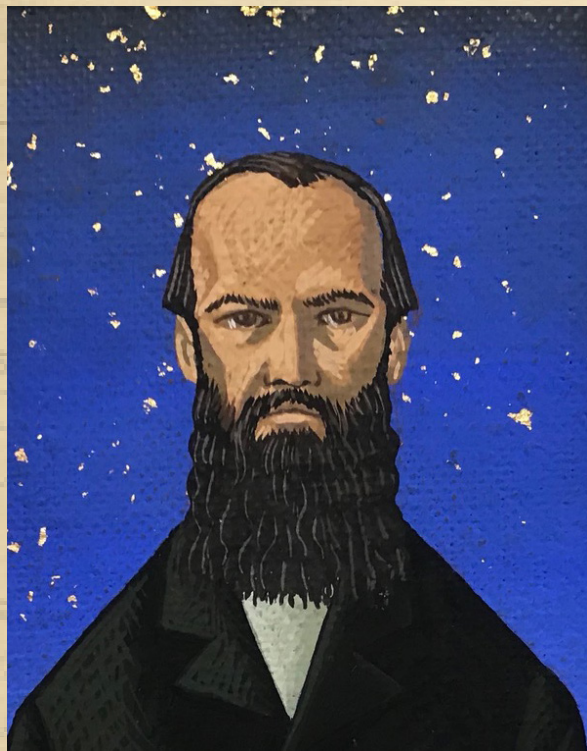
НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023

Том 10

№ 4

Ономастикон в тезаурусе Достоевского: Какие новые исторические и литературные имена открыты здесь и сейчас в рукописях Достоевского? Как из двух сохранившихся слов составить текст утраченной пьесы Достоевского «Мария Стюарт»? **Комментарии к «Братьям Карамазовым»:** Зачем крестьянские девки прыгали с лавки в сарафан или панёву? Кто до Ивана Карамазова возвращал «билет» Богу? **Писатель в законе:** Как судили растлителей в Российской Империи? **Адреса знакомых:** Где жил Николай Страхов в Петербурге? **Терминологический тезаурус:** Какие категории поэтики Михаила Бахтина используют или не используют современные исследователи? **Достоевский на симпозиуме:** что обсуждали в Японии?

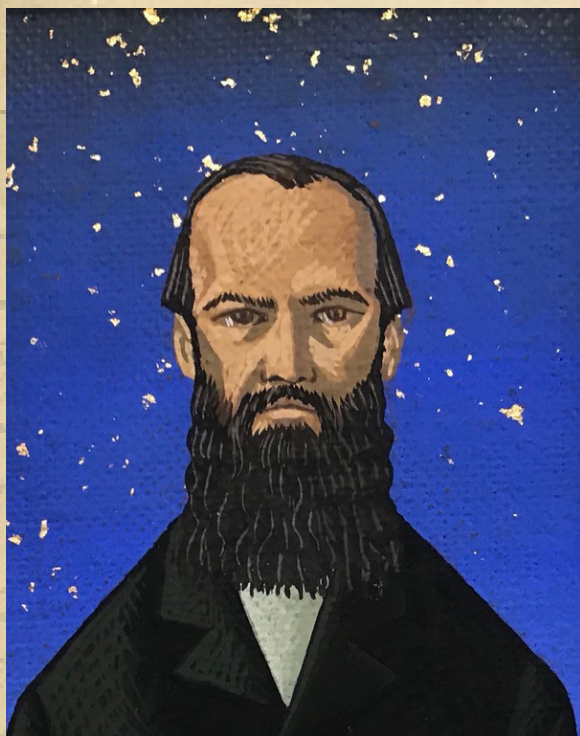
The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2023

Vol. 10

No. 4

Onomasticon in Dostoevsky's Thesaurus:

What new historical and literary names have been discovered in Dostoevsky's manuscripts here and now? How to recreate the text of Dostoevsky's lost play "Mary Stuart" from two preserved words? **Comments on the "Brothers Karamazov":** Why did peasant girls jump from the bench into a sundress or a paneva? Who returned the "ticket" to God before Ivan Karamazov? **A writer in law:** How were molesters tried in the Russian Empire? **Addresses of acquaintances:** Where did Nikolai Strakhov live in St. Petersburg? **Terminological thesaurus:** Which categories of Mikhail Bakhtin's poetics are used or not used by modern researchers? **Dostoevsky at the symposium:** What was discussed in Japan?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023

Том 10 № 4

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Восьмой год издания

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —
доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2023

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2023

Vol. 10 No. 4

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Петрозаводск, Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Хорст-Юрген Геригк (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Александр Васильевич Подосинов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Alexander V. Podosinov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Александр Васильевич Антощенко (Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Alexander V. Antoshchenko (Petrozavodsk, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Кэрол Аполлонио (Дарем, США) — PhD, профессор

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Тарасова

- Сцена «праздника» в черновом и печатном тексте
«Бесов» Достоевского 5

М. В. Заваркина

- «Книги не товар»: книгоиздатели и книготорговцы
в записных тетрадях Достоевских 1875–1877 гг. 28

В. А. Викторович

- Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт»
(материалы к реконструкции замысла) 55

А. С. Бессонова

- «Это в каком-то нашем народе...»:
Обычаи и ритуалы крестьян Каширского уезда
по этнографическим описаниям соседей Достоевского 102

А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, Я. О. Резаков

- Издательское дело и книжная торговля Достоевских 128

А. Н. Перикина

- Мотив растления в произведениях Достоевского
в контексте законодательства XIX века 144

Б. Н. Тихомиров

- Санкт -Петербургские адреса Николая Страхова 155

С. С. Шаулов

- Терминологический тезаурус М. М. Бахтина
в современном российском достоевсковедении 176

В. В. Борисова

- Достоевский в Нагое: XVIII Симпозиум
Международного общества Достоевского 195

CONTENTS

N. A. Tarasova

- The Scene of the “Holiday”
in the Draft and Printed Text of Dostoevsky’s “Demons” 5

M. V. Zavarkina

- “Books are Not a Commodity”: Book Publishers and Booksellers
in the Notebooks of the Dostoevskys 1875–1877 28

V. A. Viktorovich

- Dostoevsky’s Lost Play “Mary Stuart”
(Materials for the Reconstruction of the Idea) 55

A. S. Bessonova

- “It’s in Some of Our Nation...”:
Customs and Rituals of the Kashirsky District Peasants
According to the Ethnographic Descriptions of Dostoevsky’s Neighbors 102

A. V. Sharavin, I. L. Startseva, Ya. O. Rezakov

- The Motif of Returning the Ticket to God
in the Novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky 128

A. N. Pershkina

- The Molestation Motif in F. M. Dostoevsky’s Prose in the Context
of the 19th-Century Legislation of the Russian Empire 144

B. N. Tikhomirov

- St. Petersburg Addresses of Nikolai Strakhov 155

S. S. Shaulov

- The Terminological Thesaurus by M. M. Bakhtin
in Modern Russian Dostoevsky Studies 176

V. V. Borisova

- Dostoevsky in Nagoya: The XVIII Symposium
of the International Dostoevsky Society 195

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6941

EDN: LWKNCZ

Сцена «праздника» в черновом и печатном тексте «Бесов» Достоевского

Н. А. Тарасова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: nsova74@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется черновой автограф романа Ф. М. Достоевского «Бесы» — страницы, содержащие сцену чтения Кармазиновым его сочинения «Merci». Черновой автограф романа «Бесы» представляет собою связный текст, содержащий большое количество авторской правки между строками и на полях. Анализ рукописи позволил установить неточности ее прочтения публикаторами, влияющие на истолкование текста, исправить их и сопроводить необходимым текстологическим комментарием, затрагивающим, в частности, такие проблемы, как установление текста, выявление и анализ новых разночтений между источниками текста, а также пропусков текста в печати. Текстологическую часть работы продолжил предлагаемый в статье историко-литературный и реальный комментарий к новонайденным сведениям об особенностях развития художественного замысла романа «Бесы», поясняющий значение для романного сюжета ряда литературных и исторических мотивов, которые были установлены в процессе анализа рукописных и печатных источников. Рассмотрены исторический подтекст и символика античных мотивов, отразившихся в сцене литературного чтения в «Бесах», а также содержание ряда исторических источников (сочинения античных авторов по истории Древнего Рима, лекции Т. Н. Грановского, ставшего прототипом Степана Трофимовича Верховенского). Новые сведения, открывающиеся при изучении чернового автографа «Бесов», свидетельствуют о том, что античный «след» сыграл немаловажную роль при разработке этого замысла, а также о сложности романной повествовательной структуры.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, роман Бесы, черновой автограф, Merci, Т. Н. Грановский, аллюзия, античные мотивы

Для цитирования: Тарасова Н. А. Сцена «праздника» в черновом и печатном тексте «Бесов» Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 5–27. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6941. EDN: LWKNCZ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6941

EDN: LWKNCZ

The Scene of the “Holiday” in the Draft and Printed Text of Dostoevsky’s “Demons”

Natalia A. Tarasova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: nsova74@mail.ru

Abstract. The article analyzes the material of the draft manuscript of F. M. Dostoevsky’s novel “Demons”, specifically, the pages containing the scene of Karmazinov reading his work “Merci”. The draft manuscript of the novel “Demons” is a syntactically coherent text containing a large number of author’s edits between the lines and in the margins. The analysis of the manuscript made it possible to identify inaccuracies in its reading by publishers that negatively affect the interpretation of the text. In addition, this analysis helped to correct these errors and accompany them with the necessary textual commentary, affecting, in particular, such problems as the establishment of the text, the identification and analysis of new discrepancies (variants) between the sources of the text, as well as text omissions in print. The textual part of the work is continued by the historical-literary and real commentary proposed in the article based on the newly discovered information about the features of the creation of the artistic concept of “Demons,” explaining the significance of literary and historical motifs that are associated with ancient culture and history for the novel plot. In the process of analyzing handwritten and printed sources, literary and historical allusions were established, which the specified episode of the novel “Demons” contains. In addition, the article examined the historical subtext and symbolism of ancient motifs that were reflected in the scene of literary reading in “Demons,” as well as the content of some historical sources (works by ancient authors on the history of Ancient Rome; lectures by T. N. Granovsky, who became the prototype of the hero of the novel, Stepan Trofimovich Verkhovensky). New information revealed during the study of the draft manuscript of “Demons” indicates, on the one hand, that the ancient “trace” played an important role in the development of the idea of this novel, on the other hand, the complexity of the novel’s narrative structure.

Keywords: F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, novel Demons, draft manuscript, Merci, T. N. Granovsky, allusion, antique motifs

For citation: Tarasova N. A. The Scene of the “Holiday” in the Draft and Printed Text of Dostoevsky’s “Demons”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 5–27. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6941. EDN: LWKNCZ (In Russ.)

.....

Черновой автограф романа «Бесы» представляет собою связный текст, содержащий большое количество авторской правки между строками и на полях. Отдельные его фрагменты были опубликованы А. С. Долининым в 1924 г. и Б. В. Томашевским в 1935 г.¹, а основная часть рукописи представлена в виде вариантов к печатному тексту романа в первом академическом Полном собрании сочинений Достоевского (Д30; т. 11: 335–413; т. 12: 11–108). Во многих случаях на полях черновика имеются наброски, относящиеся, как правило, к последующим страницам автографа: так Достоевский фиксирует идеи, мотивы, фрагменты будущих диалогов. По форме такие записи напоминают первоначальную стадию работы над художественным замыслом, отраженную в записных тетрадах, но в данном случае наброски занимают меньше места, что не снижает их роль и в развитии повествования. Это не исключительная характеристика творческого процесса в «Бесах» — так выглядят черновые автографы и других произведений писателя: основное место занимает связное повествование, иногда дополняемое краткими заметками и планами на полях рукописи. Исследование чернового автографа позволяет сопоставить его с печатными источниками текста, проанализировать особенности авторской работы над романным замыслом, установить как творческие, так и нетворческие (не принадлежащие автору) изменения текста, получить новые сведения о творческой истории романа.

Как было указано выше, на полях рукописи время от времени появлялись наброски, чаще к последующим ее страницам. Примером являются две записи по левому полю листа, опубликованные с неточностями. В вариантах чернового автографа в Д30 наброски, находящиеся рядом, отделены друг от друга, и одна запись прочитана неверно:

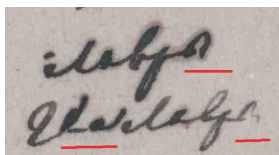
- «<...> 2. Лавры. 3. Ну-с нет-с. Мы, может быть, и не хотим чтения. Буфет.
4. Одним словом, всё лицо его говорило. 5. **Г<осподи>н Лавр<ов>**. <...>» (Д30;
т. 11: 363; здесь и далее выделено нами. — Н. Т.).

В рукописи этой фамилии нет — Достоевский написал слова «Лавры» и «Г<оспо>да»:

¹ В археографической справке неверно указаны страницы, на которых расположена публикация А. С. Долинина «Страницы из "Бесов"» (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 12. С. 158–159. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках). Большая часть этой публикации посвящена не черновому автографу, а главе «У Тихона», но в связи с ней Долинин воспроизводит отрывки из чернового автографа романа. См.: Долинин А. Страницы из «Бесов» // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. II. С. 544–556; [Томашевский Б. В.] Бесы / ред. и вступ. ст. Б. Томашевского // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / АН СССР; Ин-т рус. л-ры; Лит. архив; под ред. А. С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 396–428.

«Лавры.

Г<оспо>{д}а. Лавры» (РГБ. Ф. 93. I. 1. 3/3. Л. 5).

Илл. 1. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 1. A fragment of the draft manuscript of the “Demons”

Первое слово является отсылкой к содержанию «поэмки»² Кармазинова «Merci»:

«...и вдруг из тумана, в лавровом венке, над кровлями Рима появился Анк Марций»; «Рим, лавры... но он даже не верит в лавры...» (Д35: 408); «...начали упрашивать со слезами: "Пиши, о, пиши для нас, Кармазинов, — для отечества, для потомства, для лавровых венков"» (Д35: 411),

а также к «церемонии с лавровым венком», который принесла Юлия Михайловна по окончании чтения:

«— Лавры! — произнес Кармазинов с тонкою и несколько язвительною усмешкой; — я, конечно, тронут и принимаю этот заготовленный заранее, но еще не успевший увянуть венок с живым чувством...» (Д35: 411).

Слово «Г<оспо>да» отсылает к репликам, которые звучат в диалоге Кармазинова с публикой:

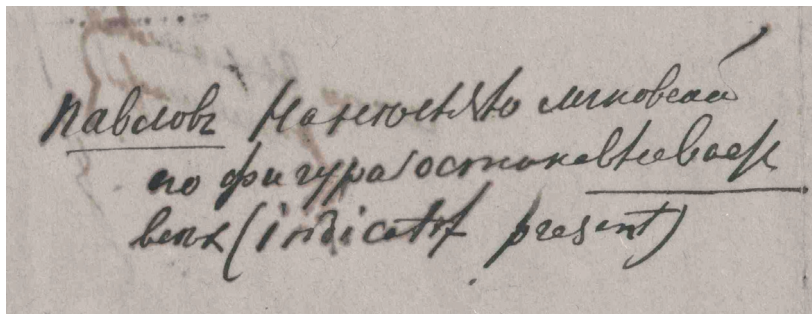
«— Господа, я менее всего ожидал таких возражений»; «— Господа, всего более удивляет меня, что это так серьезно»; «— Господа, — прокричал он наконец, уже совсем уязвленный, — я вижу, что моя бедная поэмка не туда попала. Да и сам я, кажется, не туда попал» (Д35: 409–410).

Далее обращение «Господа» звучит в выступлении Степана Трофимовича и последнего чтеца (см.: Д35: 413, 416).

² В тексте романа сочинение Кармазинова упоминается чаще всего по названию: Юлия Михайловна называет его «последняя вещь, еще никому не известная»; «последняя статья»; «одно из самых последних изящнейших беллетристических вдохновений Семена Егоровича»; в разговоре Кармазинова и Петра Степановича это «рукопись»; в черновом диалоге Верховенского-младшего с Юлией Михайловной — «статья» (см. ниже) (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2021. Т. 10: Бесы. С. 260, 388, 315. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д35 и указанием страницы в круглых скобках).

В другом случае, где в рукописи действительно появляется фамилия, контекст, в котором она упоминается, опубликован неполностью и без связи с другими набросками:

«Павловъ. На нѣсколько мгновений его фигура останавливаетъ всѣхъ (**indicatif present**)» (РГБ. Ф. 93. I. 1. 3/3. Л. 6 об.).

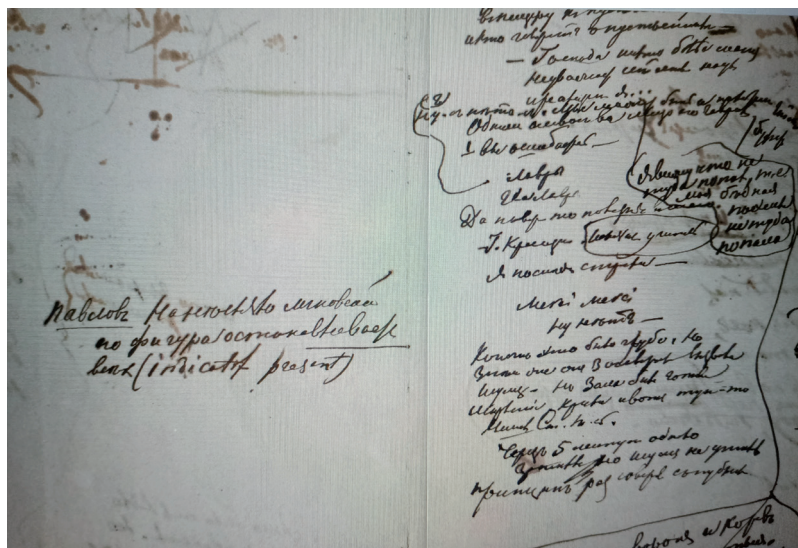
Илл. 2. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 2. A fragment of the draft manuscript of the “Demons”

В вариантах чернового автографа в ДЗ0 пропущен конец записи: «На обороте страницы заметка: ПАВЛОВ. На несколько мгновений его фигура останавливает всех» (ДЗ0; т. 11: 366). Помета «indicatif present» подразумевает «présent de l’indicatif» (фр.) — указание на грамматическую форму настоящего времени, когда действие совпадает с моментом речи. Имеется в виду участник литературного вечера у предводительши, названный в окончательном тексте «маньяком» (ДЗ5: 416, 424; слова хроникера Антона Лаврентьевича Г-ва, а во втором эпизоде — Петра Верховенского). В рукописи указана фамилия прототипа — профессора Петербургского университета П. В. Павлова, выступление которого Достоевский слышал на литературном вечере 2 марта 1862 г. (см. подробнее: ДЗ0; т. 12: 312–313, примеч. Т. И. Орнатской). Слова «indicatif present» означают именно то, что Достоевский впоследствии отразит в окончательном тексте романа — «третий чтец» появлением своим и своей речью вызывает внимание публики на себя:

«Его нимало не смущало, что ему придется читать в такой суматохе, напротив, видимо радовало. Это было так очевидно, что сразу обратило на себя внимание» (ДЗ5: 416).

Набросок расположен на незаполненной странице, но в таком ее месте (внизу ближе к правому полю), что при взгляде на него возникает предположение о связи этой записи с другими, на соседней странице разворота листа: заполняя страницу, Достоевский мог переходить на соседнюю (обычно справа налево). Так и в этом случае, что очевидно при сопоставлении записей с разных страниц автографа.

Илл. 3. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 3. A fragment of the draft manuscript of the "Demons"

Было бы неверным рассматривать этот набросок как нечто отдельное от всех записей, ориентируясь только на его расположение. Заметка, судя по всему, относится именно к тем наброскам, в которых упоминаются «лавры» и «господа». Достоевский записывает план, в котором намечает хронологию развития событий в сцене с участием чтецов:

«<—> Господа я менѣ всего ожидать подобное возраже<ніе>.

<—> Въ нашъ вѣкъ стыдно читать, что миръ стоитъ на трехъ рыбахъ. И что вы спускались въ пещеру къ пустыннику. Да и кто говоритъ о пустыникахъ.

— Господа никто болѣе меня не уважаетъ естеств<енныя> науки и реализмъ. Я... {Я вижу, что не туда попалъ, т. е. моя бѣдная поэмка не туда попала.}

<—> Вы ошибаетесь.

{<—> Ну-съ нѣтъ-съ. Мы можетъ быть и не хотимъ Чтенія.

Буфетъ.}

Однимъ словомъ все лицо его говорило.

Лавры.

Г<оспо>{д}а. Лавры.

<—> Да поваръ-то полезнѣе вашего.

— Г<осподинъ> Кармазин<овъ>. Школьный учитель³.

Я послѣдн<ія> строки —

"Merci, merci"⁴.

³ Обведено чертой.

⁴ В рукописи кавычки отсутствуют.

<—> Ну нѣтъ —

Конечно это было грубо. Но зачѣмъ же онъ заговорилъ — вызвали шумъ. Но зала была готова. Шарканіе, крики и вотъ тутъ-то вышелъ Ст<епанъ> Т<рофимови>чь.

Черезъ 5 минутъ однако затихло.⁵ Но шумъ не утихалъ.

Принципъ разговоровъ съ публик<ой>.

<—> Ну на счетъ воронъ и коровъ я позволю себѣ удержаться. Я слишкомъ уважаю даже всякую публику, въ принципѣ, чтобы позволить себѣ дѣлать сравненія, хотя бы самыя невинныя. — <л. 5>

Павловъ. На нѣсколько мгновеній его фигура останавливаетъ всѣхъ (indicatif present). <л. 6 об.>» (ср. печатный текст романа: ДЗ5: 406–417).

Связь записей показана и графически: под словом «останавливаетъ» к наброскам на <л. 5> проведена черта.

Еще один лексический пропуск приводит к неполному и неточному воспроизведению записи Достоевского в ДЗ0. Кроме того, обнаруживается существенный пробел в научном комментарии к данному месту — фрагменту диалога Петра Верховенского с Юлией Михайловной после скандала на «празднике»⁶:

«Для удовлетворенія [общества] {публики} пошлите къ нему завтра же двухъ докторовъ административно для освидетѣльствованія {даже сегодня} — и дѣлу конецъ.⁷ {Ну-съ теперь очередь Кармазинова.}⁸

{— А что Кармазиновъ вышелъ **зеленымъ осломъ** [въ камергерск<омъ> мундирѣ] и [про]тащилъ свою статью цѣлый часъ — это тоже принадлежитъ къ заговору?⁹

— О Кармазиновъ, quel<le> honte,¹⁰ я сгорѣла, сгорѣла со стыда за нашу публику<!>¹¹

{— Ну, а я бы [за него] сгорѣлъ, а не за публику, или еще лучше: Я бы его самого сжегъ, а самъ бы только руки погрѣлъ на огнѣ.¹² {погрѣлся. Впрочемъ>,

⁵ Далее знак: ///

⁶ Стоит отметить, что практика публикации черновых связанных текстов в виде вариантов к печатным текстам приводит к тому, что некоторые места рукописей, нуждающиеся в историко-литературном или реальном комментарии, не получают такового, если не вошли в печатный текст; то есть собственно *варианты* чернового автографа не всегда комментируются, что может привести к утрате значимой информации, касающейся в том числе и творческой истории замысла.

⁷ Далее знак: x

⁸ Вписано на полях слева.

⁹ Ср. в окончательном тексте: «Другое дело Кармазинов, тот вышел зеленым ослом и протащил свою статью целый час, — вот уж этот, без сомнения, со мной в заговоре!» (ДЗ5: 423).

¹⁰ какой стыд (фр.).

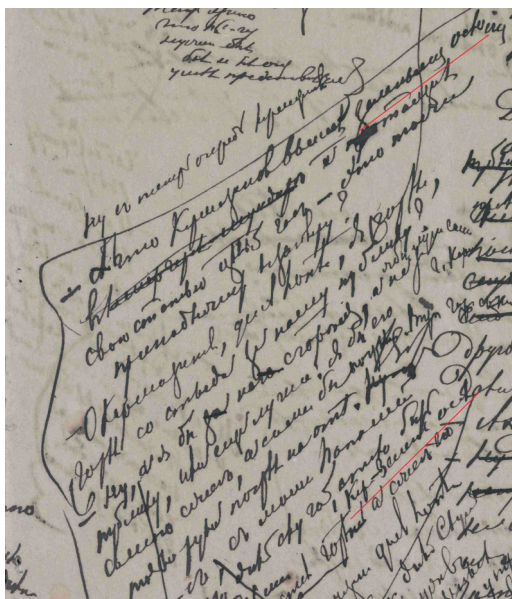
¹¹ В рукописи вопросительный знак (описка).

¹² руки погрѣлъ на огнѣ. — незачеркнутый вариант.

чортъ съ нимъ [но всѣ<ъ>]] [Ну-съ] Ну-съ, съ моимъ Папашей только дикій случай, стало быть<,> а не больше.]

{<—> я бы лучш<е> само<го> г<осподина> Карм<азинова> <Не закончено.>}
[<—> Я бы не сталъ горѣть<,> а сжегъ его самого,]

<—> Кармазиновъ <—> quel<le> honte <—> съ Папашей дикій случай. {Кар<мазиновъ> — **зелены<й> осель**.}¹³ (И такъ вотъ уж<е> въ двухъ значительныхъ эпизодахъ сего утра не усматриваю заговора.<)>¹⁴» (РГБ. Ф. 93. I. 1. 3/4. Л. 4).

Илл. 4. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 4. A fragment of the draft manuscript of the “Demons”

В Д30 этот фрагмент опубликован с неточностями, упоминание о «зеленом осле», как мы отметили, отражено с пропуском слова:

«б. А что Кармазинов вышел [в камергерском мундире] и [протащил] тащил свою статью целый час — это тоже принадлежит к заговору? <...> **Кармазинов осел**. Я бы не стал гореть, а сжег его самого» (см. подробнее: Д30; т. 11: 382).

Сравнение Кармазинова с зеленым ослом — это литературная аллюзия: отсылка к вольному переводу басни немецкого философа и поэта Христиана

¹³ Вписано на полях слева выше, связано соединительной линией со словами «(И такъ вотъ уж<е>...)». В вариантах Д30 пропущена часть записи — слово «зелены<й>», — из-за чего смысл всей фразы оказывается измененным.

¹⁴ Текст: — А что Кармазиновъ вышелъ зеленымъ осломъ ~ заговора.<)> — вписан на полях слева и отчеркнут.

Геллерта (1715–1769) «Der grüne Esel»¹⁵ авторства И. И. Хемницера — «Зеленый осел» (1782). Параллель с последним источником указана М. Ю. Жуковой: «В известных нам изданиях романа этот речевой оборот (из печатного текста "Бесов": "вышел зеленым ослом". — Н. Т.) остается без комментария, хотя современный читатель, казалось, вполне мог бы на него рассчитывать. Сам автор не счел нужным разъяснить данную характеристику, очевидно полагая, что ее смысл вполне понятен читателю из контекста. Однако уяснить смысл из контекста читатель мог только при наличии определенного фоновознания, а именно — знакомства с хрестоматийной басней И. И. Хемницера...» [Жукова: 444].

Как следует из научного описания библиотеки Достоевского, в ней могли быть следующие издания:

а. Сочинения Хемницера. — СПб.: Изд. А. Смирдина, 1847. — 179 с. (На шмуцтитуле: Полное собрание сочинений русских авторов).

б. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографическою статьею и примечаниями Я. Грота: С приложением портрета и снимка с почерка Хемницера. — СПб.: Изд. II Отд-ния имп. Акад. наук, 1873. — XI, 434 с., 1 л. портр., 1 л. факс» (подробнее см.: [Библиотека Ф. М. Достоевского: 98]).

Издание 1873 г. в данном случае не рассматривается, потому что указанные записи из чернового автографа «Бесов» датируются 1872 г. Что касается издания 1847 г., то оно включает и басню «Зеленый осел». Приведем ее текст по этой публикации:

«XLIV

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛЪ

Какой-то съ умысла дуракъ
Взявъ одного Осла, его раскрасилъ такъ,
Что весь зеленый сталъ, а ноги голубыя.
Повелъ Осла казать по улицамъ дуракъ.
И старики, и молодые,
И малый, и большой,
Гдѣ ни взялись, кричать: "Ахти! Оселъ какой:
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славной вѣкъ бывали".

¹⁵ Сюжет ее в свою очередь восходит к басне Абстемия (Лоренцо Бевилакка; ок. 1440–1508) «De vidua et asino viridi» («О вдове и зеленом осле») (см.: Степанов Н. Л. Иван Хемницер // Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 44–45. (Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.); [Боброва Л. Е., Вацуру В. Э.] Примечания // Там же. С. 312). См. также: [Жаткин, Круглова], [Свирипа].

По улицамъ смотрѣть Зеленаго Осла
 Кипитъ народу безъ числа;
 А по домамъ окошки откупаютъ,
 На кровли вылѣзаютъ,
 Лѣса, подмостки подставляютъ.
 Всѣмъ видѣть хочется Осла, когда пойдетъ;
 А всѣмъ идти съ Осломъ дороги столько нѣтъ —
 И давка вокругъ Осла сказать нельзя какая:
 Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
 Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.
 Что жъ? — два дни первые гонялся за Осломъ
 Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.
 Больные про болѣзнь свою позабывали,
 Когда Зеленаго Осла имъ вспоминали;
 И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
 Кота ужъ полно припѣвать:
 Осла Зеленаго ребятамъ припѣвали.
 На третій день Осла по улицамъ ведутъ:
 Смотрѣть Осла уже и съ мѣста не встаютъ.
 И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
 Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.
 Какую глупость ни затѣй,
 Поколь еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
 Напрасно сталъ бы кто стараться
 Глупцовъ на разумъ наводить:
 Ему же будутъ насмѣхаться.
 А лучше времени глупцовъ препоручить,
 Чтобы на путь прямой попали;
 Хоть сколько бы они противиться ни стали,
 Оно умѣетъ ихъ учить» (с. 87–88).

Из содержания басни ясно, какой смысл получает аллюзия «зеленый осел» в романе Достоевского: это оценочная характеристика Кармазинова (а через него в какой-то степени и прототипа: Тургенева) — как переоцененного автора, претендующего на редкость таланта¹⁶ и к которому со временем охладевает восторженная публика. Эта аллюзия на басню о зеленом осле встречается еще раз в романе «Братья Карамазовы» в лексической контаминации «зол <...> как зеленый осел», суть которой разъяснена

¹⁶ Ср. ироничную характеристику Кармазинова в черновиках и в печатном тексте «Бесов» (где она принадлежит Липутину, в передаче хроникера): «великий писатель». По наблюдению З. С. Борщевского, «в ироническом тоне о Тургеневе так отозвался Щедрин (в заметке "Литературная подпись", 1863 г.), что, по объяснению Достоевского, и побудило его начать полемику с публицистом "Современника"» [Борщевский: 223].

в работе [Жукова, Като]. Исследователи объясняют смысл самого выражения так: «"зеленый осел", т. е. дешевая сенсация, последний крик моды, предмет всеобщего увлечения, поклонения и подражания, с течением времени становится никому не интересен» [Жукова, Като: 72]. Образ Кармазинова рисуется с учетом тех же смысловых коннотаций: 1) в отношении «дешевых сенсаций» время всё расставляет на свои места — ср. высказывание хроникера в «Бесах»:

«...все эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновению при жизни их чуть не за гениев, — не только исчезают чуть не бесследно и как-то вдруг из памяти людей, когда умирают, но случается, что даже и при жизни их, чуть лишь подрастет новое поколение, сменяющее то, при котором они действовали, — забываются и пренебрегаются всеми непостижимо скоро. Как-то это вдруг у нас происходит, точно перемена декорации на театре» (Д35: 74);

2) такого рода персонажи вызывают смех — в «Братьях Карамазовых» с «зеленым ослом» сравнивается гимназический учитель Колбасников, о котором говорит Коля Красоткин:

«Ну и там дальше, очень смешно...» (Д30; т. 14: 496).

В «Бесах» «великий писатель», воображающий себя «предметом всеобщего увлечения», не является таковым ни для тех, кто с ним знаком¹⁷, ни для осмеявшей его на «празднике» публики.

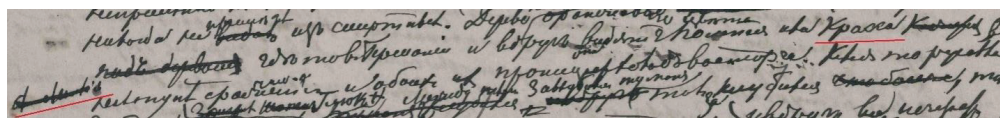
Отдельный вопрос состоит в том, какую роль связный черновой текст романа играет в установлении основного текста произведения. За черновым автографом, как правило, следовали беловые и наборные рукописи; на основе последних создавалась первопечатная публикация окончательного текста произведения. Роман «Бесы» не представлен беловыми текстами: они не сохранились. При жизни Достоевского он публиковался дважды — в 1871–1872 гг. в журнале «Русский Вестник» и отдельным (книжным) изданием в 1873 г. В таком случае (отсутствие беловых источников) при установлении

¹⁷ Ср. оценки, высказанные в тексте романа, — Варвара Петровна: «Конечно, он сам себя почитает великим. Надутая тварь!» (Д35: 53); Степан Трофимович: «Кармазинов, этот испившийся глупец, ищет для меня темы!», «Ваш Кармазинов — это старая, испившаяся, обозленная баба!» (Д35: 292); Петр Верховенский, в сцене визита к Кармазинову говорящий с последним пренебрежительным тоном (Д35: 314–319), а в другом эпизоде и в черновом, и в печатном тексте романа именно Верховенский-младший сравнивает Кармазинова с «зеленым ослом»; Ставрогин: «Кармазинов возненавидел Ставровина, потому что тот взял привычку не замечать его вовсе» (Д35: 318); отчасти и хроникер: «Его повести и рассказы известны всему прошлому и даже нашему поколению; я же упивался ими; они были наслаждением моего отрочества и моей молодости. Потом я несколько охладел к его перу; повести с направлением, которые он всё писал в последнее время, мне уже не так понравились, как первые, первоначальные его создания, в которых было столько непосредственной поэзии; а самые последние сочинения его так даже вовсе мне не нравились» (Д35: 74). См.: [Курдюкова], [Дубеник: 79–80].

основного текста особое значение приобретает именно черновой связный текст, который частично (а иногда и в значительной степени) совпадает с окончательным и позволяет выявлять изменения, возникшие в процессе подготовки произведения к печати. Некоторые из них остались неучтенными в Д30.

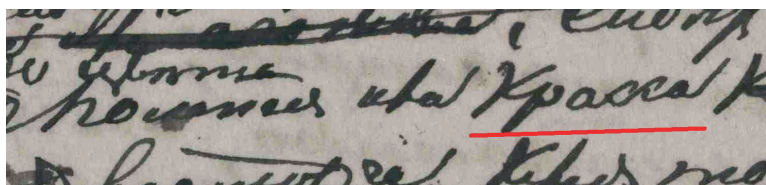
Таков следующий случай: разночтение между рукописным и печатными источниками заключается в использовании двух разных имен собственных. В рукописи Достоевского это Красс:

«Сидятъ они [подъ деревомъ] гдѣ-то въ Германіи и вдругъ {они} видятъ Помпея или **Красса** [кажется,] [{или Манлія <з>}] наканунѣ сраженія и обоихъ ихъ проникаетъ холодъ восторга» (РГБ. Ф. 93. I. 1. 3/3. Л. 4 об.).

Илл. 5. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 5. A fragment of the draft manuscript of the “Demons”

Илл. 6. Фрагмент чернового автографа «Бесов»

Fig. 6. A fragment of the draft manuscript of the “Demons”

В прижизненных изданиях романа появился вариант: «Кассия», отраженный в (Д30; т. 10: 366), (Д35: 407). В вариантах чернового автографа в Д30 это разночтение не указано (Д30; т. 11: 360), однако в 12-м томе издания дан следующий комментарий к печатному тексту: «Помпей (Великий) Гней (106–48 до н. э.), консул, полководец. Помпеем и Крассом была одержана победа над Альбием Карринною, взят приступом Тудер, разбит Спартак. Кассий Лонгин, Гай (85–42 до н. э.) — один из руководителей заговора против Цезаря» (Д30; т. 12: 311).

Марк Лициний Красс (115/114–53 до н. э.) был полководцем и политическим деятелем, Гай Кассий Лонгин также участвовал в сражениях, в том числе в парфянском походе Красса в 54–53 гг. до н. э., далее был союзником Помпея в борьбе с Цезарем, но после битвы при Фарсале (9 авг. 48 г. до н. э.) перешел на сторону последнего. Оба имени, использованные Достоевским, — в черновом и в печатном текстах — обладают исторической значимостью

и достаточной известностью. Если имя Кассия ассоциируется с заговором против Цезаря, то Красс известен как участник первого триумvirата (Цезарь, Помпей, Красс)¹⁸. Эти события упоминаются в лекциях Т. Н. Грановского, которые публиковал журнал братьев Достоевских «Время» в 1862 г.:

«Римъ былъ богатъ знаменитыми личностями въ эпоху предшествовавшую перевороту; мы потому неполнѣ цѣнимъ значеніе этихъ личностей, что ихъ какбы заслоняетъ собою великій образъ Цезаря, а между тѣмъ они жили въ Римѣ, присутствовали въ сенатѣ, предводительствовавши войсками. Таковы Помпей, Крассъ, Лукуллъ, Цицеронъ и другіе, которые въ другое, обыкновенное время обратили бы на себя общее вниманіе своими дарованіями. Извѣстно, какимъ образомъ составилъ тройственный союзъ между Помпеемъ, Крассомъ и Цезаремъ. Это явленіе даже нѣкоторымъ образомъ изумительно: какимъ образомъ Помпей, безспорно великій гражданинъ тогдашняго Рима, знаменитый своими побѣдами на востокѣ, получившій отъ народа названіе "великаго"; какимъ образомъ Крассъ, самый богатый изъ римскихъ гражданъ, состояніе котораго простиралось до ста миліоновъ серебромъ на наши деньги; кромѣ богатства замѣчательный еще военными дарованіями, челоѣкъ замѣчательнаго ума, — какимъ образомъ они вошли въ дружбу, поставили наряду съ собой челоѣка, еще незнаменовавшаго себя никакимъ подвигомъ? Но это показываетъ то вліяніе, которымъ пользовался Цезарь, на общественное мнѣніе»¹⁹.

На лекции Грановского как на один из источников сведений о римской истории, которым мог пользоваться Достоевский, указала Е. Л. Смирнова: «...писатель, по всей видимости, был глубоко знаком с античной традицией об истории Рима I — начала II вв. Так, на каторге в одном из писем к брату 1854 г. Достоевский просил прислать "европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита <...>, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены

¹⁸ Упомянув Красса, Достоевский далее вписал и зачеркнул еще одно имя, предположительно читаемое как «Манлія». Возможно, речь идет о Гае Манлии (II в. — 62 г. до н. э.), одном из участников заговора Катилины, или же о преторе Луции Манлии Торквате (90/89 — 46 до н. э.), друге Цицерона и соратнике Помпея. См.: [Дымская: 77–78, 94, 96–97 и др.], [Любимова, 2015]. Вычеркивание имени свидетельствует в пользу того, что еще на черновой стадии работы у Достоевского были варианты древнеримских имен, между которыми он выбирал, так что появление еще одного варианта («Кассий») в окончательном тексте романа следует, по-видимому, рассматривать как результат продолжения авторской работы, а не как случайно закравшуюся ошибку набора. В повествовательной структуре «Бесов» упоминание Кассия выглядит осмысленно еще по одной причине: оно содержит мотив заговора с целью убийства (Кассий — участник убийства Юлия Цезаря), актуализированный в период работы над «Бесами» делом Нечаева как основным источником темы и реализованный в фабульной линии «Верховенский — наши — Шатов».

¹⁹ [Грановский Т. Н.] Лекціи изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго. I. Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ. II. Юлій Цезарь. III. Римская имперія при первыхъ императорахъ // Время. 1862. Т. IX. № 4. С. 18. (Весь текст: С. 5–39.)

по-французски)"²⁰. В послекаторжный период интерес Достоевского к римской истории не угас: в его библиотеке зафиксированы сочинения Тацита в переводах на русский и французский языки, письма Плиния Младшего, записки Гая Юлия Цезаря <...>. Во время издания журнала "Время" писатель, безусловно, познакомился с лекциями Т. Н. Грановского по римской истории от Цезаря до Нерона, знал сочинения П. Н. Кудрявцева и В. И. Модестова, посвященные истории раннеимператорского Рима» [Смирнова: 184].

Здесь необходимо снова вспомнить сцену с лавровым венком в «Бесах». Ю. А. Никольский, доказывая, что Достоевский в образе Кармазинова создал пародию на Тургенева, привел примеры текстовых параллелей между «Merci» Кармазинова и тургеневской повестью «Призраки» [Никольский: 73–75]. В обоих текстах есть слова «в лавровом венке»; у Достоевского:

«Сидят они где-то в Германии. Вдруг они видят Помпея или Кассия накануне сражения, и обоих пронизывает холод восторга. <...> и вдруг из тумана, в **лавровом венке**, над кровлями Рима появился Анк Марций» (ДЗ5: 407–408);

у Тургенева:

«И вдруг мне почудилось, как будто трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны... "Caesar, Caesar venit!"²¹, — зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря... Прокатился глухой удар — и голова бледная, строгая, в **лавровом венке**, с опущенными веками, голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...»²².

Гипотезу о том, что «Призраки» являются основой пародии Достоевского, как известно, оспорил А. С. Долинин, который считал, что «на "Призраки" <...> Достоевский ни в малой степени не ориентировался» и роль приведенных Никольским примеров «среди других пародируемых элементов ничтожна — это роль случайного аксессуара, почему-то вспомнившегося Достоевскому и лишь кстати им использованного» [Долинин: 186].

Однако стоит учитывать, что эти детали тургеневского сюжета, оказавшись в пародийном контексте сцены в «Бесах», включаются в другие ассоциативные связи, становящиеся очевидными как раз при текстуальном сравнении. В. В. Дудкин отметил, что героев первого плана Достоевский «наделяет мифолого-историко-литературной родословной» [Дудкин, 2021b: 214]. У Кармазинова, персонажа, скорее, второго плана, был такой прототип,

²⁰ См.: ДЗ0; т. 28; 179.

²¹ «Цезарь, Цезарь идет!» (лат.)

²² Тургенев И. С. Призраки // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). 2-е изд., испр. и доп.; [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1981. Т. 7: Отцы и дети: [Роман]; Повести и рассказы; Дым: [Роман], 1861–1867 / [ст. Е. И. Покусаева; примеч. А. И. Батюто и др.]. С. 203. (Весь текст: с. 191–219.)

который в авторском сознании едва ли занимал второстепенное место. По мысли исследователя, «Кармазинов у Достоевского — не шаржированная копия Тургенева, а определенный тип русского интеллигента, западника и либерала, которому писатель никогда не симпатизировал, как и — по тем же мотивам — Тургеневу. Получилось некое удвоение антипатии. Можно не сомневаться, что Достоевский-художник понимал деликатность ситуации и, наделяя своего героя тургеневскими чертами, одновременно — по меньшей мере во внешнем облике — разводил их по полюсам» [Дудкин, 2021a: 225] (ср.: [Буданова: 70]). В данном случае при создании пародии писатель не случайно прибегнул к использованию античной образности. В Древней Греции лавр — дерево, которое было священным в культе Аполлона и Диониса; в Древнем Риме — в культе Юпитера, символизируя мир, следующий за победой над врагом (см.: [Бидерманн: 141–142], [Тресиддер: 185], [Лосев: 271]). Согласно древнеримскому обычаю, полководцев в случае побед увенчивали миртовым («овация») или лавровым («триумф») венками. Различия в этих ритуалах объяснены в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (имя которого значит, как указано выше, среди имен античных авторов, интересовавших Достоевского):

«Справляющий овацию не едет на запряженной четверкою колеснице, не увенчивается лавровым венком, вокруг него не гремят трубы; он идет пешком, обутый в сандалии, в сопровождении целой толпы флейтистов, и голова его увенчана миртом — зрелище скорее мирное и приятное, чем внушающее страх. На мой взгляд, это самым убедительным образом свидетельствует, что в древности лишь обстоятельства дела, а не его размеры определяли различия между триумфальными шествиями. Те, кто одерживал победу, выиграв сражение и истребив врага, совершали въезд воинственный и грозный, обильно украшая людей и оружие ветвями лавра, как это принято при обряде очищения войск; тем же полководцам, которые, не прибегая к насилию, улаживали все посредством убеждений и переговоров, закон назначал это мирное и праздничное шествие, сопровождавшееся радостным пэаном²³. Ведь флейта — миролюбивый инструмент, а мирт посвящен Афродите, которая больше всех остальных богов ненавидит насилие и войны»²⁴.

Ср. у Авла Геллия:

«(20) Овационный венок — миртовый; им украшали себя полководцы, которые торжественно входили в город. (21) Овацию, а не триумф назначают в том случае, когда либо война не была объявлена по всем правилам и велась

²³ Пэан (пэан) — в античной традиции богослужебный гимн, первоначально в честь Аполлона, но также по случаю войны (победный гимн).

²⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 354. (Сер.: Лит. памятники.)

с противником, не имеющим права ведения войны, либо звание врагов низкое и недостойное, как у рабов и пиратов, или после внезапной капитуляции приходит, как обыкновенно говорят, легкая и бескровная победа. (22) Они полагали, что этой легкости подобает листва Венеры, поскольку будет не Марсов, но некий Венерин триумф»²⁵.

В «Бесах» Юлия Михайловна выносит «роскошный лавровый венок, на белой бархатной подушке, в другом венке из живых роз» (Д35: 411) для Кармазинова, в сочинении которого и упоминается Красс в черновой версии романного текста. Красс, помимо того, что считался богачейшим человеком Рима, был известен тем, что получил лавровый венок за победу над Спартаксом, возглавившим восстание рабов (ср.: «Побѣда, одержанная Крассомъ надъ рабами, возмущившимися подъ начальствомъ Спартакса, имѣла немѣнѣ значенія какъ побѣда надъ карфагенянами»²⁶). Крассу «удалось разбить Спартакса собственными силами, однако Помпей, который уничтожил остатки рабских войск уже после решающего сражения, <...> приписал себе заслугу победы в этой войне, и тот факт, что ему было официально поручено командование в ней — причём в соответствии с просьбой самого Красса — должен был придать дополнительный вес его притязаниям. Ситуация осложнилась и тем, что сенат предоставил Помпею триумф за победы в Испании, а подавление восстания Спартакса счёл достойным лишь овации, да и по её поводу многие высказывали серьёзные сомнения (Plut. Crass. 11.11). На фоне Помпея слава Красса несколько потускнела и, видимо, поэтому он приложил немало усилий, чтобы, по крайней мере, добиться разрешения надеть во время овации лавровый венок вместо миртового (Cic. Pis. 58; Plin. NH. XV. 29. 125; Gell. NA. V. 6. 23)» [Любимова, 2018: 188–189, ср. 176].

И лекции Грановского, и тексты античных авторов как возможные источники сюжетов из истории Древнего Рима, по-видимому, были в памяти Достоевского в период создания романа «Бесы» (как имела значение и личность самого Грановского, являвшегося, как известно, прототипом Верховенского-старшего — см.: Д30; т. 12: 169–170 и др.). Черновой вариант имени «Красс» в сцене чтения «Мерси» указывает на своеобразную параллель: римский полководец, претендующий на более высокие почести, чем полагалось согласно традиции, — и «великий писатель», тщеславно жаждущий почитания²⁷. Но это параллель, оставшаяся в черновике. Однако важно

²⁵ Авл Геллий. Аттические ночи: кн. I–X / пер. с лат.; под общ. ред. А. Я. Тыжова. СПб.: Гуманитарная Академия, 2007. С. 257. (Сер.: Bibliotheca classica.)

²⁶ Лекції изъ середней історіі Т. Н. Грановскаго. С. 27.

²⁷ Тщеславие Кармазинова как одно из проявлений *гордыни*, его стремление к славе и почитанию в данном случае есть не только признак поврежденности души грехом, но и характеристика, подкрепленная символическим *сравнением человека с богом*, которое содержится в античном ритуале *увенчания героя лаврами*. И это именно тот случай, когда речь идет не о человеке, созданном по образу и подобию Божию, а о человеке, стремящемся быть почитаемым подобно Богу, — довольно красноречивый пример столкновения

здесь, во-первых, то, что обнаружение чернового варианта позволяет восстановить исторический и символический контекст, в котором рождалась сцена чтения Кармазиновым его сочинения, и, во-вторых, то, что скрытое аллюзийное обращение к этому смысловому контексту всё же сохраняется в романе. Упоминание имен древних римлян свидетельствует о включении в повествование, наряду с литературными, исторических мотивов — не только в текст сочинения Кармазинова, где даны прямые отсылки к именам, но и в сам эпизод его выступления на литературном чтении в доме губернаторши, где те же мотивы, присутствуя в форме аллюзии, усиливают иронию описания сцены. Комический эффект создается несовпадением голосов ее участников: несмотря на лавровый венок, писательский триумф Кармазинова не состоялся — в ответ на его кокетливое сетование: «в наш век лавры гораздо уместнее в руках искусного повара, чем в моих...» — «разнужданные господа» слушатели выкрикивают: «Да повара-то полезнее...», «Я за повара теперь еще три целковых придам...» (Д35: 411)²⁸. Несостоявшийся триумф «великого писателя» оттеняет становящаяся вдвойне иронической художественная деталь: *лавровый* венок в венке из *роз*. В эпоху античности роза была двойственным символом — это воплощение красоты: «...в Древнем Риме р<оза> связана прежде всего с Венерой, по ряду версий она произошла от слёз Венеры», но вместе с тем это «цветок, связанный с похоронами, со смертью»: «Нередко её превращали в цветок загробного царства. Пиндар, Проперций и Тибулл воспевают "р<озу> Елисейских полей"» [Топоров: 872–873]. По мнению С. Дауговиша, на двусмысленность сцены «чествования» Кармазинова указывает и символика лавра, использовавшегося в похоронных процессиях, «где обязательные лавровые венки (но гораздо большего размера) принято было оттенять белыми цветами (преимущественно имморталями, означающими "постоянство")». На подушках же и декоративных гирляндах могли располагаться знаки достоинств

христианской и языческой ценностных систем. Так «великий писатель» оказывается связан с темой другого персонажа «Бесов» — Кириллова, в образе которого раскрывается идея самообожения, см.: «...если есть представление об обожении как об истинном предназначении человека, то уже в истории Адама и Евы возникает и понятие ложного обожения, самообожения, достигаемого вопреки Провидению. "Будете **как** боги", — сказал змей Еве, т. е. подобны, но отдельные, равноправны и равномощны. Если богосыновство через Иисуса Христа связано с понятием Богочеловека, то самообожение по собственной воле и собственными усилиями должно привести к понятию человекобога, которое проповедовал, в частности, Кириллов; устремления других героев Достоевского часто связаны с аналогичным желанием трансформироваться в существо иной природы» [Ковалевская: 106]. См. также: [Дубеник: 82–83].

²⁸ Б. Н. Тихомиров указал, что в этих строках содержится «полемический отклик на журнальные выступления Д. И. Писарева, в которых критик заявлял о "неизлечимой бесполезности" Бетховена, Рафаэля или Кановы, сравнивая их с "великим поваром Дюссо" и "великим трактирным маркером Тюрей"» (Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б. Н. Тихомирова; ил. С. М. Шор. СПб.: СЗКЭО, 2022. С. 559).

и заслуг усопшего. Ср., например, отчет о похоронах самого автора «Бесов»: Федор Михайлович Достоевский. Биография. — Его сочинения. — Последние минуты его жизни. — Проводы тела, похороны его и овадии русского общества. [Б. м.], 1881. С. 30–34, 49–50» [Дауговитш: 193]. Но из отсылок к древнеримской тематике в сцене с Кармазиновым следует, что лавровый венок в данном случае более соответствует основному своему значению — это символ прославления, используемый вместе с тем с целью иронической гиперболизации изображаемой картины: лавровый венок преподнесен не торжествующему победителю, а тому самому «зеленому ослу», который, согласно басенному сюжету, уже давно не вызывает ни интереса, ни тем более восхищения.

В романе «Бесы» слово «триумф» отсутствует²⁹, но один раз используется слово «овация» — и не в переносном, а именно в своем историческом значении: имеются в виду не аплодисменты³⁰, а торжество, чествование, у которого, однако, в этом случае «странный» повод. Речь идет о Гаганове, которого Ставрогин в буквальном смысле провел за нос — в ожидании наказания осудившие поступок Николая Всеволодовича «устроили почтенному и обиженному Павлу Павловичу **целую овацию**: обнимали и целовали его; весь город перебивал у него с визитом. Проектировали даже в честь его по подписке обед, и только по усиленной его же просьбе оставили эту мысль, — может быть смекнув наконец, что человека все-таки протащили за нос и что, стало быть, очень-то уж торжествовать нечего» (Д35: 41). Эта деталь — слова «целая овация» в рассказе хроникера — связана со сценой мнимого «триумфа» Кармазинова той же чертой, переданной повествователем: диссонансом серьезного и комического. Античные мотивы (в «Мерсі» к тому же принимающие возвышенно-поэтическую форму — по крайней мере, для автора «поэмки») в пародийном контексте высвечивают несовпадение желаемого героями и действительного, на что указывает реакция воспринимающей стороны — в истории с Гагановым это сам Павел Павлович, в сцене литературного чтения это разочарованная публика.

²⁹ Характерно, однако, что в название соответствующих глав второй и третьей частей романа введено слово «праздник»: «Пред праздником», «Праздник. Отдел первый», «Окончание праздника», также как и по отношению к «берлинской» поэме Степана Трофимовича применяется многозначная аллюзия «Праздник жизни» (Д35: 9–10), отсылающая как к пушкинским и Некрасовским строкам, так и к Жуковскому и Шиллеру, баллада «Элевзинский праздник» которого, в свою очередь, обращена к античности. См.: [Бочаров], [Криницын: 84–88].

³⁰ Ср. словарные толкования: овация — «выражение восторга, одобрения бурными продолжительными рукоплесканиями» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь совр. рус. языка: в 2 т. 8-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., Медиа, 2007. Т. 1. С. 590); «Восторженные знаки одобрения и приветствия, бурные рукоплескания» (Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. С. 553).

Новые сведения, открывающиеся при изучении чернового автографа «Бесов», свидетельствуют, с одной стороны, о том, что античный «след» сыграл немаловажную роль при разработке этого замысла, с другой — о сложности и «многослойности» романной повествовательной структуры, рождающейся в творческом процессе как результат художественной трансформации мифопоэтических, исторических, литературных, публицистических, философских «кодов», которые имели значение для автора.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Борщевский С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М.: ГИХЛ, 1956. 392 с.
4. Бочаров С. Г. Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 192–226.
5. Буданова Н. Ф. Проблема поколений в «Бесах» // Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог / отв. ред. Г. М. Фридлендер. Л.: Наука, 1987. С. 56–79.
6. Дауговиш С. Флористический дискурс Достоевского (к описанию знаковых систем в тексте романа «Бедные люди») // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / под ред. К. Кроо, Т. Сабо и Г. Ш. Хорвата. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 183–195. (Сер.: Dostoevsky monographs / A series of the International Dostoevsky society; вып. 2.)
7. Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» [1924] // Долинин А. С. Достоевский и другие: статьи и исследования о русской классической литературе / сост. А. А. Долинин; вступ. ст. В. А. Туниманова. Л.: Худож. лит., 1989. С. 163–187.
8. Дубеник Е. А. Многоассоциативный принцип построения характера литератора Кармазинова в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. М.: Экон-Информ, 2010. Вып. 43. С. 79–84.
9. Дудкин В. В. Достоевский и Аристофан // Достоевский и античность / отв. ред. А. Ю. Нилова, А. А. Скоропадская, Е. К. Агапитова. СПб.: РХГА, 2021. С. 220–226 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128237 (10.09.2023). (a)
10. Дудкин В. В. Достоевский и Эмпедокл // Достоевский и античность / отв. ред. А. Ю. Нилова, А. А. Скоропадская, Е. К. Агапитова. СПб.: РХГА, 2021. С. 214–219 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128237 (10.09.2023). (b)
11. Дымская Д. Д. Политическая борьба в Риме в 60-е гг. I в. до н. э.: заговор Катилины: дис. ... канд. истор. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 222 с.
12. Жаткин Д. Н., Круглова Т. С. И. И. Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. 2014. № 2 (30). С. 95–104 [Электронный ресурс]. URL: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/11214.pdf (10.09.2023).

13. Жукова М. Ю. Образная характеристика «вышел зеленым ослом» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // XLIV Междунар. филол. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.): тезисы докладов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2015. С. 444–445.
14. Жукова М. Ю., Като Ю. Об одном образном сравнении в романе Ф. Достоевского Братья Карамазовы («зол ..., как зеленый осел») // *Studies in Language and Literature. Literature*. Tsukuba (Japan): University of Tsukuba, 2014. Т. 65. С. 67–75.
15. Ковалевская Т. В. «Фауст» Ш. Гуно и художественные принципы Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2021. № 2 (14). С. 89–115 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2021-2/04_Kovalevskaya_89-115.pdf (10.09.2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2021-2-89-115. EDN: UYGLTH
16. Криницын А. Б. О роли стихотворных реминисценций в романах Достоевского // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. 2016. № 3. С. 75–89 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2016_3.pdf (10.09.2023). EDN: YTOCAP
17. Курдюкова А. А. Игра в поведении Верховенского и Кармазинова (роман Ф. М. Достоевского «Бесы») // *Поэтика игры в структуре литературно-художественного дискурса: мат-лы регион. науч. конф. (г. Астрахань, 24 апреля 2015 г.)* / под ред. проф. Г. Г. Исаева. Астрахань: Издат. дом «Астраханский ун-т», 2015. С. 66–69.
18. Лосев А. Ф. Греческая мифология // *Мифы народов мира: энциклопедия: электронное издание* / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. С. 266–277 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15/mode/2up (10.09.2023). (Сов. энциклопедия, 1980.)
19. Любимова О. В. «Первый заговор Катилины» и Марк Лициний Красс // *Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр.* Саратов: Научная книга, 2015. Вып. 17. С. 151–175.
20. Любимова О. В. Марк Красс и восстановление прав плебейских трибунов (70-е годы I в. до н. э.): дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2018. 323 с.
21. Никольский Ю. Тургенев и Достоевский: история одной вражды. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 108 с.
22. Свирипа А. История одной басни (на материале басни И. А. Крылова «Слон и москья») // *Аксиология славянской культуры: междунар. сб. науч. ст. молодых ученых, аспирантов, студентов*. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. пед. ун-та им. Козьмы Минина, 2017. С. 109–114. EDN: YNFLPK
23. Смирнова Е. Л. Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот» // *Неизвестный Достоевский*. 2020. Т. 7. № 4. С. 177–207 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607610365.pdf (10.09.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994. EDN: CMVSW
24. Топоров В. Н. Роза // *Мифы народов мира: энциклопедия: электронное издание* / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. С. 872–873 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15/mode/2up (10.09.2023). (Сов. энциклопедия, 1980.)
25. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР ПРЕСС, 2001. 448 с.

References

1. Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky’s Library: the Experience of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Bidermann G. Entsiklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 335 p. (In Russ.)
3. Borshchevskiy S. Shchedrin i Dostoevskiy: istoriya ikh ideynoy bor’by [Shchedrin and Dostoevsky: the Story of Their Ideological Struggle]. Moscow, State Publishing House of Fiction Publ., 1956. 392 p. (In Russ.)
4. Bocharov S. G. Celebration of Life and the Way of Life. May Hundredth and Thirty Years. Life’s Cup and Sticky Leaves. In: Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury [Bocharov S. G. Plots of the Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoy kul’tury Publ., 1999, pp. 192–226. (In Russ.)
5. Budanova N. F. The Problem of Generations in “Demons”. In: Budanova N. F. Dostoevskiy i Turgenev: tvorcheskii dialog [Budanova N. F. Dostoevsky and Turgenev: Creative Dialogue]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 56–79. (In Russ.)
6. Daugovich S. Dostoevsky’s Floristic Discourse (on the Description of Sign Systems in the Text of the Novel “Poor People”). In: Aspekty poetiki Dostoevskogo v kontekste literaturno-kul’turnykh dialogov [Aspects of Dostoevsky’s Poetics in the Context of Literary and Cultural Dialogues]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 183–195. (Ser.: Dostoevsky monographs / A Series of the International Dostoevsky Society; issue 2.) (In Russ.)
7. Dolinin A. S. Turgenev in “Demons”. In: Dolinin A. S. Dostoevskiy i drugie: stat’i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature [Dolinin A. S. Dostoevsky and Others: Articles and Researches on Russian Classical Literature]. Leningrad, Khudozhesvennaya literatura Publ., 1989, pp. 163–187. (In Russ.)
8. Dubenik E. A. The Multiassociative Principle of Constructing the Character of the Writer Karmazinov in F. M. Dostoevsky’s Novel “Demons”. In: Aktual’nye problemy sotsiologicheskogo znaniya [Actual Problems of Socio-Humanitarian Knowledge]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2010, issue 43, pp. 79–84. (In Russ.)
9. Dudkin V. V. Dostoevsky and Aristophanes. In: Dostoevskiy i antichnost’ [Dostoevsky and Antiquity]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021, pp. 220–226. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128237 (accessed on September 10, 2023). (In Russ.) (a)
10. Dudkin V. V. Dostoevsky and Empedocles. In: Dostoevskiy i antichnost’ [Dostoevsky and Antiquity]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021, pp. 214–219. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128237 (accessed on September 10, 2023). (In Russ.) (b)
11. Dymkaya D. D. Politicheskaya bor’ba v Rime v 60-e gody I veka do n. e.: zagovor Katiliny: dis. ... kand. istor. nauk [Political Struggle in Rome in the 60s of the 1st Century BC: the Conspiracy of Catilina. PhD. histor. sci. diss.] St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2016. 222 p. (In Russ.)
12. Zhatkin D. N., Kruglova T. S. I. I. Khemnitser and German Literature (to the Problem Statement). In: Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ser.: Gumanitarnye nauki. Filologiya [University Proceedings. Volga Region. Humanities. Philology], 2014, no. 2 (30), pp. 95–104. Available at: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/11214.pdf (accessed on September 10, 2023). (In Russ.)

13. Zhukova M. Yu. A Figurative Characterization of “Came Out As a Green Donkey” in F. Dostoevsky’s Novel “Demons”. In: *XLIV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya (Sankt-Peterburg, 10–15 marta 2015 g.): tezisy dokladov [The 44th International Philological Scientific Conference (St. Petersburg, March 10–15, 2015): Abstracts of Reports]*. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2015, pp. 444–445. (In Russ.)
14. Zhukova M. Yu., Kato Yu. About a Figurative Comparison in F. Dostoevsky’s Novel “Brothers Karamazov” (“Angry ... Like a Green Donkey”). In: *Studies in Language and Literature. Literature*. Tsukuba (Japan), University of Tsukuba Publ., 2014, vol. 65, pp. 67–75. (In Russ.)
15. Kovalevskaya T. V. Charles Gounod’s “Faust” by and Dostoevsky’s Artistic Principles. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2021, no. 2 (14), pp. 89–115. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2021-2/04_Kovalevskaya_89-115.pdf (accessed on September 10, 2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2021-2-89-115. EDN: UYGLTH (In Russ.)
16. Krinitsyn A. B. About the Role of Poetic Reminiscences in Dostoevsky’s Novels. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology]*, 2016, no. 3, pp. 75–89. Available at: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2016_3.pdf (accessed on September 10, 2023). EDN: YTOCAP (In Russ.)
17. Kurdyukova A. A. The Game in the Behavior of Verkhovensky and Karmazinov: F. M. Dostoevsky’s Novel “Demons”. In: *Poetika igry v strukture literaturno-khudozhestvennogo diskursa: materialy regional’noy nauchnoy konferentsii (Astrahan’, 24 aprelya 2015 g.) [Poetics of the Game in the Structure of Literary and Artistic Discourse: Materials of the Regional Scientific Conference (Astrahan’, April 24, 2015)]*. Astrahan’, Astrahan’ University Publ., 2015, pp. 66–69. (In Russ.)
18. Losyov A. F. Greek Mythology. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya: elektronnoe izdanie [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: Electronic Edition]*. Moscow, 2008, pp. 266–277. Available at: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15/mode/2up (accessed on September 10, 2023). (Soviet Encyclopedia, 1980.) (In Russ.)
19. Lyubimova O. V. “The First Conspiracy of Catilina” and Mark Licinius Crassus. In: *Antichnyy mir i arheologiya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Ancient World and Archeology: Interuniversity Collection of Scientific Works]*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2015, issue 17, pp. 151–175. (In Russ.)
20. Lyubimova O. V. *Mark Krass i vosstanovlenie prav plebeyskikh tribunov (70-e gody I veka do n. e.): dis. ... kand. istor. nauk [Mark Crassus and the Restoration of the Rights of Plebeian Tribunes (the 70s of the 1st Century BC). PhD. histor. sci. diss.]*. Ekaterinburg, 2018. 323 p. (In Russ.)
21. Nikol’skiy Yu. *Turgenev i Dostoevskiy: istoriya odnoy vrazhdy [Turgenev and Dostoevsky: the Story of One Feud]*. Sofiya, Rossiysko-bolgarskoe knigoizdatel’stvo Publ., 1921. 108 p. (In Russ.)
22. Sviripa A. The Story of One Fable (Based on the Fables of I. A. Krylov “The Elephant and the Mos’ka (=Lap-Dogs)”). In: *Aksiologiya slavyanskoy kul’tury: mezhhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey molodykh uchenykh, aspirantov, studentov [Axiology of Slavic Culture: International Collection of Scientific Articles by Young Scientists, Postgraduates, Students]*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Named After Kozma Minin Publ., 2017, pp. 109–114. EDN: YNFLPK (In Russ.)
23. Smirnova E. L. Roman Emperors in Dostoevsky’s Calligraphic Notes to “The Idiot”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 177–207. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607610365.pdf (accessed on September 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994. EDN: CMVSW (In Russ.)

24. Toporov V. N. A Rose. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya: elektronnoe izdanie* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: Electronic Edition]. Moscow, 2008, pp. 872–873. Available at: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15/mode/2up (accessed on September 10, 2023). (Soviet Encyclopedia, 1980.) (In Russ.)
25. Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [The Dictionary of Symbols]. Moscow, Fair Press Publ., 2001. 448 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тарасова Наталья Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.
Natalia A. Tarasova, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.11.2023

Принята к публикации / Accepted 30.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981

EDN: MZMALW

**«Книги не товар»:
книгоиздатели и книготорговцы
в записных тетрадях Достоевских 1875–1877 гг.**

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В статье на материале записной тетради Ф. М. Достоевского 1875–1876 гг., хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 212.1.15), а также на материале записной тетради и подписной книги А. Г. Достоевской 1876–1877 гг., хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 93.III.2.1) и в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729), рассмотрены некоторые имена книгоиздателей и книготорговцев, с которыми имели дело супруги Достоевские в середине 1870-х гг. Комментарий к этим именам чаще всего отсутствует в первом академическом Полном собрании сочинений писателя (в 30 т.) и в публикации данной записной тетради Достоевского в 83 томе серии «Литературное наследство» или он слишком краток. Цель автора статьи — дополнить уже существующие комментарии или дать новые, а также уточнить прочтение некоторых имен, опираясь на записи из записной и подписной книг А. Г. Достоевской (которые велись почерком, близким к каллиграфическому) и на литературу по издательскому делу и книжной торговле в России во второй половине XIX в. В статье не только даны расширенные комментарии к таким более-менее известным именам, как Ф. А. Битепаж, М. О. Вольф, Я. А. Исаков, но и рассмотрены биографии и уточнены прочтения имен из записной тетради Достоевского книгоиздателей и книготорговцев А. И. Бортневского, Ф. И. Колесова, Ф. Г. Михина, А. И. Манухина, И. П. Семенникова.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, записная тетрадь, подписная книга, книгоиздатель, книготорговец, книжная торговля, Ф. А. Битепаж, А. И. Бортневский, М. О. Вольф, Я. А. Исаков, Ф. И. Колесов, Ф. Г. Михин, А. И. Манухин, И. П. Семенников

Для цитирования: Заваркина М. В. «Книги не товар»: книгоиздатели и книготорговцы в записных тетрадях Достоевских 1875–1877 гг. // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 28–54. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981. EDN: MZMALW

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981

EDN: MZMALW

**“Books are Not a Commodity”:
Book Publishers and Booksellers
in the Notebooks of the Dostoevskys 1875–1877**

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Abstract. Based on the material of F. M. Dostoevsky’s 1875–1876 notebook, stored in the Russian State Archive of Literature and Arts, fund 212.1.15, as well as on the material of A. G. Dostoevskaya’s 1876–1877 notebook and subscription books (preserved in the Manuscripts Department of the Russian State Library, fund 93.III.2.1 and in the Department of the Manuscripts of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, fund 100, no. 30729), the article examines certain names of book publishers and the booksellers with whom the Dostoevskys dealt in the mid-1870s. The commentary on these names is most often absent in the first academic Complete works of the writer (in 30 volumes) and in the publication of this notebook of Dostoevsky in volume 83 of the Literary Heritage series, or it is too brief. The purpose of the author is to supplement the existing commentary or to provide new one, as well as to clarify some of the names, based on the entries from A. G. Dostoevskaya’s notebook and signature books (which were written in a handwriting close to calligraphic) and literature on publishing and book trade in Russia in the second half of the 19th century. The article not only provides extended commentary on such famous names as F. A. Bitepage, M. O. Wolf, Ya. A. Isakov, but also reviews biographies and clarifies the readings of names from Dostoevsky’s notebook of the following book publishers and booksellers A. I. Bortnevsky, F. I. Kolesov, F. G. Mikhin, A. I. Manukhin, I. P. Semennikov.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, notebook, subscription book, book publisher, bookseller, book trade, F. A. Bitepage, A. I. Bortnevsky, M. O. Wolf, Ya. A. Isakov, F. I. Kolesov, F. G. Mikhin, A. I. Manukhin, I. P. Semennikov

For citation: Zavarkina M. V. “Books are Not a Commodity”: Book Publishers and Booksellers in the Notebooks of the Dostoevskys 1875–1877. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 28–54. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981. EDN: MZMALW (In Russ.)

В записной тетради Ф. М. Достоевского 1875–1876 гг.¹ (РГАЛИ. Ф. 212.1.15), а также в записной тетради А. Г. Достоевской 1876–1877 гг. с деловыми записями по продаже сочинений писателя (ОР РГБ. Ф. 93.III.2.1²) и в «Подписной книге на "Дневник Писателя" на 1877 год»³ (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729⁴) имеются многочисленные имена книгоиздателей и книготорговцев, с которыми начиная с 1873 г. — времени отдельного издания романа «Бесы» — сотрудничали супруги Достоевские.

Комментарий к этим именам в первой публикации записной тетради писателя в 1971 г. в 83 т. серии «Литературное наследство»⁵ и в 1984 г. в первом академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского⁶, а также в кратком биографическом указателе имен или в комментариях (см.: Д30; т. 29₂: 326–367; т. 30₁: 416–448) чаще всего отсутствует или слишком лаконичен. Не упоминаются некоторые имена издателей и книготорговцев из записной тетради Достоевского и в сводных алфавитных указателях (Д30; т. 30₂: 137–389). Это связано с тем, что деловые записи, касающиеся издательской деятельности и книжной торговли Достоевских, чаще всего в указанных изданиях не публиковались или публиковались выборочно.

Наша цель — дополнить уже существующие комментарии или дать новые, а также уточнить прочтение некоторых имен⁷, опираясь на записи из записной и подписной книг А. Г. Достоевской и на литературу по издательскому делу и книжной торговле в России во второй половине XIX в.⁸

¹ Датируется по основному корпусу записей тетради; «спорадически записи заносились в тетрадь и позднее (декабрь 1876 г., июль 1877 г.). Адресные записи, начатые осенью 1875 г., велись и после завершения работы писателя с этой тетрадью, вплоть до весны 1878 г.» [Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: 94]. См. также: [Тихомиров: 99]. Проанализирована: [Тарасова].

² Не опубликована. Упоминается: [Андрианова: 97], [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 615].

³ На самом деле, кроме «Дневника Писателя», в данной подписной книге есть записи, касающиеся распространения романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы» и некоторых других произведений Ф. М. Достоевского.

⁴ Подписная книга А. Г. Достоевской впервые проанализирована: [Волгин, 1974: 158–161; 2019: 57–63]. Впервые выборочно опубликована: [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 699–746] (подгот. текстов: Т. В. Панюкова, О. О. Кипрушьева, А. К. Михайлова).

⁵ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 366–470. (Сер.: Литературное наследство; т. 83.) Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ЛН и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 112–113. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

⁷ Вслед за ЛН и Д30 расшифровками записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского занимались текстологи «петрозаводской школы» (Н. А. Тарасова, Т. В. Панюкова, М. В. Заваркина, И. С. Андрианова, Е. Н. Вязь). При работе над статьей мы внесли ряд исправлений в эти расшифровки.

⁸ См. также нашу первую статью на эту тему: [Заваркина].

«Книги не товар»⁹?

Научно-технический прогресс, обеспечивший появление во второй половине XIX в. новых скоропечатных машин и, как следствие, техническое обновление типографий, а также развитие бумажного дела и создание крупных бумажных фабрик — все это сформировало условия для книжного дела и книжной торговли в России. Изменения сказались в первую очередь на внешнем виде книги: «В порядке сравнения с предыдущими десятилетиями, книга семидесятих годов имеет ряд весьма показательных черт. Так, например, если мы возьмем книгу без иллюстраций, для чтения просто, то "Бесы" Достоевского, напечатанные в типографии К. Замысловского в 1876 г., бросятся в глаза своим заглавным шрифтом со скошенными углами, несколько вычурным уже по сравнению с <...> "Преступлением и наказанием"» [Сидоров: 273–274].

Не менее важен был и профессиональный рост книготорговцев, многие из которых получили образование за границей и устраивали книжную торговлю в России на иностранный лад, привлекая все больше и больше покупателей. Постепенно мелкие книжные лавки, книжные «шкафы» и офени¹⁰ были заменены крупными книжными магазинами с огромными витринами и окнами в пол, предлагающими взыскательному читателю книги на любой вкус. Журналист, писатель, редактор журнала «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии» С. Ф. Либрович (писавший иногда под псевдонимом В. Рукавов) вспоминал:

«Среди профессионалов книжного дела сложилось твердое убеждение, что дело это настолько трудное и сложное, требует таких специальных знаний, что для того, чтобы с успехом подвизаться на поприще книжной торговли и книжной промышленности, необходимо посвятить себя им уже с детства. Факты показывают, что, действительно, только те книгопродавцы и книгоиздатели достигают значения и сравнительного благополучия,

⁹ Изречение приписывается министру финансов Е. Ф. Канкрину (1774–1845). Полная фраза: «Все товаръ, и мусоръ товаръ, а книги не товаръ», которую якобы сказал Канкрин издателю и книготорговцу А. Ф. Смирдину (1795–1857), когда тот просил выделить средства на его библиотеку для чтения (см.: Михельсонъ М. И. Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологіи: сборникъ словъ и иносказаній. СПб., 1912. С. 338). По другой версии, у фразы Канкрин было продолжение: «Принесите сапоги, гвозди — и вы получите ссуду, но подъ книги — ни гроша» (Рукавовъ В. [Либрович С. Ф.] Литературные гонорары русскихъ беллетристовъ (Документы для исторіи литературнаго заработка въ Россіи) (продолженіе) // Книжный Вѣстникъ. 1904. № 33. Стлб. 951). Еще один вариант приводит в своей монографии Е. А. Динерштейн: «Книжное дело в глазах официальных лиц не заслуживало особого внимания. <...> ...по словам известного издателя И. И. Глазунова, на его [Смирдина] просьбу выдать хотя бы небольшую ссуду под обеспечение принадлежавшего ему книжного склада, министр финансов <...> заявил: "Глина — товар, а книги не товар"» [Динерштейн, 2004: 168].

¹⁰ Офеня — «ходобщикъ, кантюжникъ, разнощикъ съ извозомъ, коробейникъ, щепильникъ, мелочной торгашъ вразноску и вразвозку по малымъ городамъ, селамъ, деревнямъ, съ книгами, бумагой, шелкомъ <...> и пр.» (Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Владиміра Даля: въ 4 т. СПб.; М.: Изд-е М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. С. 30).

которые съ "мальчииковъ"¹¹ начали свою дѣятельность на поприщѣ книжнаго дѣла и прошли всѣ ступени книгопродавческой профессіи»¹².

Также Либрович писал, что преуспеть в книжном деле нельзя без любви к книге и что изречение министра Канкринна «Книги не товар» более чем уместно, когда речь идет о книжной торговле (*Либровичъ*: 445). Однако, по замечанию Либровича, «трудъ продавцовъ книжнаго товара» «оплачивается очень скудно, сравнительно съ крупными окладами въ другихъ отрасляхъ торговли»:

«А потому въ книжное дѣло идутъ большею частью люди съ очень низкимъ уровнемъ образованія рѣдко-рѣдко переходящимъ за границы 3–4 классовъ гимназіи или народнаго училища. Еще чаще въ торговцы книгами выходятъ мальчиики, дѣти бѣдныхъ родителей, отданные въ книжные магазины въ ученіе съ раннихъ лѣтъ и поэтому не получившіе никакого образованія. И вотъ такіе-то люди рѣшаютъ подчасъ судьбу русской книги, увеличиваютъ ея сбытъ своими мнимо-авторитетными рекомендаціями или тормозятъ ея распространеніе своими порицаніями»¹³.

Во второй половине XIX в. на российском книжном рынке важное место заняли так называемые «универсальные издательства», к которым можно отнести книготорговые предприятия М. О. Вольфа, А. С. Суворина, А. Ф. Маркса, И. Д. Сытина и некоторые другие. Именно они заменили собой, а местами и просто «вытеснили многие старые издательства и книготорговые предприятия (Глазуновых, Базуновых, Исаковых и др.)» [Шомакова, Баренбаум: 150]. Стоит заметить, что книжное дело в XIX в. было достаточно рискованным предприятием, о чем вспоминала А. Г. Достоевская:

«В те времена никто из писателей не издавал сам своих сочинений, а если и являлся такой смельчак, то за свою смелость непременно платился убытком»¹⁴.

Так, в начале 1870-х гг. был объявлен несостоятельным должником Александр Федорович Баунов (1825–1899), с которым часто имели дело супруги Достоевские. Его магазин располагался на Невском проспекте, у Казанского собора, в доме Ольхиной (соврем. адрес — Невский проспект, 30) [Баренбаум:

¹¹ Обычно «мальчииками» называли несовершеннолетних работников, которые выполняли мелкие поручения в магазине (т. н. «мальчик на побегушках»).

¹² Либровичъ С. Ф. На книжномъ посту: Воспоминанія. Записки. Документы. М.: Изданіе т-ва М. О. Вольфъ, 1918. С. 444–445 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/27428> (10.08.2023). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Либровичъ* и указанием страницы в круглых скобках.

¹³ Русаковъ В. [Либрович С. Ф.] Русская книга и ея продавцы // Книжный Вѣстникъ. 1904. № 37. Стлб. 1050.

¹⁴ Достоевская А. Г. Воспоминанія. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 300.

426]. Погубила книжную торговлю Базунова книгоиздательская деятельность, которую он развил в конце 1860-х гг., решив кроме книжной торговли издавать русскую беллетристику. Базунов платил авторам наличными, скупая их произведения для издания отдельными книгами, в том числе и у Ф. М. Достоевского. Однако дело Базунова не окупилось. Несмотря на то, что он платил писателям очень мало и, по слухам, нажил «громадные капиталы», в момент признания его банкротом в его «кладовых» было обнаружено огромное количество книг русских писателей, им изданных, но не проданных, — «на нѣсколько сотъ тысячъ рублей», которые, «выражаясь жаргономъ букинистовъ, — "лежали камнемъ"»¹⁵. Даже успех некоторых книг, изданных Базуновым, например «Записок из Мертвого Дома» Достоевского, не спас его от разорения. В итоге так называемое «базуновское наследство» перешло к М. О. Вольфу (*Либровичъ*: 245) (см. также: [Баренбаум, Костылева: 388]).

Супруги Достоевские в 1870-х гг. вели дела как с крупными издателями и книготорговцами, так и с мелкими: в записных тетрадах писателя, как и в тетрадах и подписных книгах его супруги постоянно упоминаются фамилии Вольфа, Глазунова, Исакова, а также Битепажа, Колесова, Мамонтова, Пантелеева и многих других. Остановимся на некоторых из них¹⁶.

Битепаж

В записной тетради Достоевского 1875–1876 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.15) на л. 79, 80, 81, 85, 86 и в записной тетради А. Г. Достоевской 1876–1877 гг. с деловыми записями по продаже сочинений Ф. М. Достоевского (ОР РГБ. Ф. 93.III.2.1. Л. 2, 2 об., 3 и др.) много раз звучит фамилия «Битепаж». Однако в сводном указателе имен Полного собрания сочинений писателя (*Д30*; т. 30₂: 137–389), как и в кратких биографических указателях (*Д30*; т. 28₂: 543–607; т. 29₂: 326–367), а также в энциклопедии С. В. Белова, посвященной окружению Ф. М. Достоевского, этой фамилии нет. Не публиковались записи с фамилией «Битепаж» и в 27-м томе *Д30* в разделе «Записи личного и издательского характера из записных книжек и рабочих тетрадей 1860–1881 гг.» (*Д30*; т. 27: 112–113). Нет их и в первой публикации данной записной тетради Достоевского (*ЛН*; т. 83: 366–470).

Федор¹⁷ Августович Битепаж (1832–1904¹⁸) — издатель и книготорговец, с которым имели дело супруги Достоевские в 1870-х гг. Родился и жил в Петербурге. Начал свою карьеру в 15–16 лет в книжном магазине Я. А. Исакова, где сначала работал в качестве «мальчика». Позже в этом же магазине Исакова Битепаж заведовал немецким отделением, был в большой дружбе с книготорговцами

¹⁵ Русаковъ В. [Либрович С. Ф.] Литературные гонорары русскихъ беллетристовъ (Документы для исторіи литературнаго заработка въ Россіи) // Книжный Вѣстникъ. 1904. № 32. Стлб. 919.

¹⁶ Некоторые имена повторяются и в других записных тетрадах Достоевского 1870-х гг., однако в статье мы сосредоточились только на одной записной тетради этого периода.

¹⁷ Наст. имя Фердинанд.

¹⁸ Год смерти (1903) ошибочно указан в книге: Сaitовъ В. И. Петербургскій некрополь: в 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1: А–Г. С. 222.

М. О. Вольфом, А. Ф. Марксом, Ф. Г. Михиным и др. (подробнее см.: [Динерштейн, 1986: 14–15]). В конце 1850-х гг. Битепаж открыл свою книготорговую фирму в Гостином дворе, которая просуществовала около 50 лет¹⁹. Осенью же 1859 г. «известный русский книготорговец и комиссионер лейпцигских фирм», Ф. А. Битепаж пригласил А. Ф. Маркса, другого известного книготорговца, к себе на службу в иностранный отдел, в котором последний проработал пять лет, а затем перешел к М. О. Вольфу (подробнее см.: [Динерштейн, 1986: 14, 15]).

Илл. 1. Ф. А. Битепаж²⁰

Fig. 1. F. A. Bitepage

Ф. А. Битепаж не только владел книжной торговлей, но и специализировался на выпуске книг для детского чтения, например: «Міръ животныхъ для семьи и школы» Г. Г. Шуберта, «Ботаническій атласъ» М. Вилькомма и др.; был поставщиком многих высших и средних учебных заведений²¹.

По воспоминаниям современников, Ф. А. Битепаж был «рѣдкой души человѣкъ и среди своихъ служащихъ, друзей и всѣхъ входившихъ съ нимъ въ дѣловыя сношенія, онъ оставилъ по себѣ воспоминанія какъ о хорошемъ человѣкѣ»²². После смерти владельца фирма «Ф. Битепаж» перешла к К. Фельдману, который удачно продолжил «дѣло своего предшественника»²³.

¹⁹ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. Воспоминанія о его жизни и трудовой дѣятельности // Книжная Биржа. 1907. 14 Января. С. 10.

²⁰ Источник: Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 10.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

Бортневский

В записной тетради Достоевского упоминается некто «Бортн» (не дописано) (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 79), «Бортневск» (не дописано) (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 81, 85). Фамилия целиком записана в тетради А. Г. Достоевской в графах «Всего продано», «Счетъ проданнымъ экземп<лярамъ>», «Итого продано» (ОР РГБ. Ф. 93.III.2.1. Л. 1, 2, 2 об., 3, 3 об. и далее²⁴). Часто рядом с фамилией «Бортневский» у Анны Григорьевны написано слово «комиссія»²⁵ (л. 3, 4 и др. этой же записной тетради). Информации об этом постоянном подписчике или книжном торговце нет ни в Д30, ни в публикации записной тетради в ЛН.

В книге С. И. Богомолова «Российский книжный знак» находим: «Бортневский Андрей Игнатьевич (1841–1913) — владелец публичной б<иблиоте>ки и книгопродавец в Одессе, позднее — в Петербурге» [Богомолов: 109]. В «Подписной книге на "Дневник Писателя" на 1877 год», которую вела А. Г. Достоевская, г. Одесса упоминается рядом с фамилией «Бортневский» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729. Л. 9 об., 12, 12 об. и др.; см. также: [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 699, 706, 712]). А. Г. Достоевская сохранила расписки книжного магазина Бортневского в Петербурге (см., напр.: ОР РГБ. Ф. 93.III.3.1. Л. 20).

Кроме того, рядом с фамилией «Бортневский» в «Подписной книге...» А. Г. Достоевской упоминаются и другие города: Петербург и Москва (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30729. Л. 7 об., 12 и др.; см. также: [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 702, 708]). Причем в Москве Бортневский владел также Библиотекой для чтения²⁶. В середине 1870-х гг. — времени, к которому относится анализируемая нами записная тетрадь Достоевского, Бортневским были изданы каталоги: «Каталог книг и журнальных статей Русской библиотеки Андрея Бортневского в Одессе» (Одесса, 1874) и «Каталог Библиотеки русских книг Андрея Бортневского и К^о в Одессе» (Одесса, 1875). В XIX в. подобные каталоги должен был издавать каждый владелец книжного магазина. Данные каталоги считались не только способом учета книг, но и самым действенным способом рекламы — даже газетная реклама была на втором месте после каталожной (подробнее о рекламе в книжном деле см.: [Хржановский: 184–185], [Накоряков]; о рекламе у Достоевских см.: [Степченкова: 123–124]).

²⁴ См. упоминание этой фамилии в других записных книгах и тетрадях А. Г. Достоевской [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 699, 702, 706, 708 и др.].

²⁵ Анна Григорьевна иногда прибегала к такому способу распространения книг, но не любила его. В «Воспоминаниях» она пишет, что часто книги, отданные на комиссию книжным складам или магазинам, возвращались назад в испорченном виде и уже не подлежали продаже (Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 300). О книжной «комиссии» см. также: [Степченкова: 124].

²⁶ Библиотеками для чтения владели практически все книготорговцы того времени: «...обычай этотъ былъ вызванъ страшною дороговизною книги и трудностью путей къ ея распространенію» (Симони П. Яковъ Алексѣвичъ Исаковъ и его ученики. С. 3).

А. И. Бортневский был одним из учредителей Русского Общества книгопродавцев и книгоиздателей, организованного в начале 1880-х гг. Главными целями Общества являлось «создание законного представительства перед властями; облегчение взаимных деловых сношений; упорядочение торговли произведениями печати; ограждение сословия от злой воли отдельных его членов и взаимная помощь» [Летенков: 24].

Вольф

«Маврикій Единственный — царь русской книги <...>. Его армія разбросана отъ Якутска до Варшавы, отъ Ригы до Ташкента<,> въ его рукахъ судьба литературы», — шутил Н. С. Лесков (цит. по: *Либровичъ*: 6). С. Ф. Либрович посвятил Вольфу целую «книгу памяти» — «На книжном посту», в которой дал обширную характеристику книгоиздательской и книготорговой деятельности Вольфа. Что касается связи Вольфа с Ф. М. Достоевским, есть небольшой комментарий в *ДЗ* (*ДЗ*; т. 29₂: 331–332) и в энциклопедии С. В. Белова (см.: [Белов, 2001; т. 1: 158–159]; см. также: [Белов, 2016: 27]). О Вольфе существует достаточно обширная литература (см., напр.: [Поршнеv: 115–117], [Баренбаум, Давыдова: 172–174], [Баренбаум, Костылева: 201–206], [Баренбаум: 115–123], [Динерштейн, 2004: 129–211] и др. работы).

Имя Маврикия Осиповича²⁷ Вольфа (1825–1883), чей книжный магазин часто посещал Достоевский²⁸, встречается в записной тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 2, 3, 13, 17 об., 78, 80, 85) и постоянно звучит в записных тетрадях и подписных книгах его жены. Кроме записей о проданных книжному магазину М. О. Вольфа экземплярах «Дневника Писателя», в данной записной тетради Достоевский отметил и упоминание изданий Вольфа в рекламных листках того времени, что свидетельствует об искреннем интересе, который испытывал писатель к деятельности издателя: «Голось № 348. Скверная реклама объ дѣтскихъ изданіяхъ Вольфа» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 13); «Рекламы Вольфа и рекламы о Вольфѣ (NB. Кромѣ Голоса и въ фельетонѣ Суворина. Биржевыя отъ 21 Декабря)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 17 об.)²⁹. М. О. Вольф, действительно, очень большое внимание уделял рекламе как «двигателю торговли», хотя иногда использовал ее нечестно³⁰.

Однако надо отдать должное работоспособности Вольфа, который, как и некоторые другие книгоиздатели и книготорговцы того времени (например, А. Ф. Базунов или Ф. И. Колесов), сам лично стоял за прилавком, встречал

²⁷ Наст. имя — Болеслав Мауриций.

²⁸ Подробнее см.: Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 294.

²⁹ А. С. Суворин «одобрительно характеризовал ряд детских изданий Вольфа и писал, что Вольф "мог бы занять первенствующее место между русскими издателями, если бы он почаще поручал составление книг людям знающим и талантливым"» (*ЛН*; т. 83: 482).

³⁰ О том, что Вольф дает не совсем честную рекламу, заманивая читателей дешевой книгой и якобы «бесплатными» акциями, писали современники издателя (см.: По поводу фирмы «товарищества М. О. Вольфа» // *Книжный Вѣстникъ*. 1884. № 19. Стлб. 721–722).

покупателей и мог дать совет по любой книге. Для своих клиентов Вольф был «какъ бы живымъ рекомендательнымъ каталогомъ» (*Либровичъ*: 270). Известно, что работал Вольф на износ, по пятнадцать часов в день: с 5 утра до 8 часов вечера. Книгопродавец Н. Г. Овсянников вспоминал о нем:

«Вездѣ и за всѣмъ онъ слѣдитъ самъ; отъ служащихъ своихъ требуетъ труда, но цѣнитъ и вознаграждаетъ его, не какъ другіе книгопродавцы»³¹.

Помощником у Вольфа одно время был известный книготорговец Ф. И. Колесов, о котором речь пойдет ниже.

Книжный магазин М. О. Вольфа находился «в суконной линии Гостиного двора (лавки № 18–20 по Невскому проспекту)» [Андрианова, Тихомиров: 718]. Вольф был известен тем, что у него можно было найти любую книгу: «В Публичную пойдешь — не найдешь, к Вольфу заглянешь — достанешь», — шутили о нем современники [Баренбаум: 117]. По воспоминаниям А. И. Соколовой, «как и все крупные книготорговцы, Вольф имел возможность получать все без исключения заграничные издания, каким бы широким вето они ни были поражены у нас в России»³². Л. Ф. Пантелеев, известный издатель и современник Вольфа, писал, что именно иностранная литература давала на первом этапе основной доход книжному магазину Вольфа³³.

По большому счету, Вольфа нельзя назвать меценатом³⁴: все-таки он относился к книге именно как к товару и в отличие от многих своих современников, разорившихся на книжной торговле (Смирдина, Баунова, Тиблена и др.), был очень осторожным, считая, что в книжном деле главное — «умѣнье сдерживать себя» (*Либровичъ*: 457). Однако Вольфа нельзя назвать и чисто коммерческим издателем, как пишет о нем Г. И. Поршневу [Поршневу: 115], ведь «своею дѣятельностью онъ показалъ, что книжное дѣло въ Россіи можетъ стать видной отраслью промышленности, сохраняя въ то же время и свое высокое культурно-общественное значеніе» (*Либровичъ*: 4).

Родился Маврикий Осипович в Варшаве. С детства любил не просто читать книги, но аккуратно раскладывать их по полкам согласно содержанию и записывать названия. Таким образом, начинал Вольф как страстный любитель книги и мечтал «распространить какъ можно больше книгъ, покрыть страну

³¹ Овсянниковъ Н. Г. Воспоминанія стараго книгопродавца о петербургской книжной торговлѣ // Матеріалы для исторіи русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 28–29.

³² Соколова А. И. Встречи и знакомства / сост., предисл., подгот. текста С. В. Букчина; комм. С. В. Букчина и А. И. Рейтблата. М.: Новое лит. обозрение, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-aleksandra-sokolova/134256-vstrechi-i-znakomstva-aleksandra-sokolova/read/page-13.html> (10.08.2023).

³³ Пантелѣевъ Л. Ф. Изъ моей памяти о М. О. Вольфѣ // Извѣстія книжныхъ магазиновъ Товарищества М. О. Вольфъ. 1916. № 11–12. С. 204. См. также: [Динерштейн, 2004: 155].

³⁴ Как замечает тот же С. Ф. Либрович, Вольфа часто упрекали в том, что он не участвует в благотворительной деятельности: «"Благотворительному акробатству" Вольфъ, дѣйствительно, былъ чуждъ», но, как свидетельствуют некоторые его современники, он помогал нуждающимся литераторам, однако делал это тайно, «безъ шума, безъ газетной огласки» (*Либровичъ*: 253).

огромною массою книгъ...» (*Либровичъ*: 445, 446). Работал в Вильне, в Париже (в магазине Брокгауза), в Лейпциге, Кракове. Приехав в Россию, служил приказчиком в петербургском магазине известного книготорговца Я. А. Исакова. Так как Исаков сам плохо знал французский язык, Вольф был ответственен за литературу на французском языке. Кроме того, Вольф сразу приступил к изданию книг, в первую очередь польских. Во-первых, он их хорошо знал, во-вторых, царская цензура менее строго относилась к произведениям польских авторов (подробнее см.: *Либровичъ*: 447–451).

Илл. 2. М. О. Вольф³⁵

Fig. 2. M. O. Wolf

Весной 1853 г. Вольф оставил фирму Исакова и открыл в Гостином дворе сначала книжную лавку, а затем, после небольшого заграничного путешествия, где он завязал знакомства с известными издателями и книжными торговцами, большой магазин с окнами-витринами в пол. Название на вывеске было на двух языках — русском и французском: «Универсальная книжная торговля Маврикия Осиповича Вольфа» (*Либровичъ*: 452), в 1882 г. переименованная в «Товарищество М. О. Вольфъ» [Богданов: 194] (см.: *Илл. 3*).

³⁵ Источник: Полный каталогъ изданій Товарищества М. О. Вольфъ: 1853–1905. СПб.; М., 1905.

После смерти Вольфа фирма была преобразована в паевое товарищество «М. О. Вольф и К°», которым руководили сыновья Вольфа³⁶. Просуществовала фирма до 1917 г. и была «закрыта большевиками <...> в числе прочих "буржуазных" издательств» [Богданов: 194].

Илл. 3. Книжный магазин «Товарищества М. О. Вольф»³⁷

Fig. 3. The bookstore "M. O. Wolf Partnerships"

В 1856 г. Вольф, кроме книжного магазина, завел свою типографию, сперва по Караванной улице в доме № 24, затем по Фонтанке, д. 59. В 1877 г. типография была переведена в д. № 5 и 7 по 16 линии Васильевского Острова. Здесь уже была не только типография (с 14 скоропечатными машинами!), но и другие, важные для издательского дела заведения: словолитня³⁸, переплетная мастерская, а также склады для хранения книг³⁹. В 1874 г. Вольф приобрел типографию В. И. Головина (подробнее см.: *Либровичъ*: 460–461, 482; см. также: [Баренбаум: 117], [Баренбаум, Костылева: 203]).

³⁶ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 9. См. также: [Баренбаум, Давыдова: 174].

³⁷ Источник: Маврикий Вольф [Электронный ресурс]. URL: <https://tbn-tv.com/mavrikij-volf/> (10.08.2023).

³⁸ Так, в 1878 г. Вольф приобрел знаменитую словолитню Е. Ревильона [Баренбаум: 117].

³⁹ Вольф считал, что склады всегда должны быть «под рукой»: «Всякий попавший к нему покупатель встречался с особой внимательностью. Если спрошенной им книги не оказывалось на полках магазина, то сейчас же писалась карточка, с которой мальчик мчался "в кладовую"» [Поршневу: 117].

М. О. Вольф издавал не только художественную литературу, но и учебники, детские и иллюстрированные книги. Он «внедрил <...> новую для России книжную продукцию, например научно-популярную литературу. Фактически им были созданы целые разделы литературы, вроде детской, введена в практику цветная печать и т. п.» [Динерштейн, 2004: 129]. Вольф стремился к тому, чтобы его торговля носила универсальный характер и делал ставку на внешний вид книги: «Поражает громадное количество изданий Вольфа: около 5000 названий. <...> ...книги издательства Вольфа были дороже, но зато они были наряднее. К сожалению, тут больше было претензий на роскошь, чем изящество» [Розанов: 459]. Однако Вольф старался издавать не все подряд, а только то, что приносило коммерческий успех. Для этого нужно было умение внимательно изучить книжный рынок, покупательский спрос [Баренбаум: 117]. Вольф держал книжную торговлю не только в Петербурге, но и в Москве, издавал не только книги, но и журналы (напр., «Вокруг света», «Заграничный Вестник»). Одно из самых известных изданий — «Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля»: в 4 т. (СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881).

Многие считали, что успеху деятельности Вольфа способствовало то обстоятельство, что к нему перешли после разорения А. Ф. Базунова непроданные издания (в том числе произведения Ф. М. Достоевского), а также книги, выпущенные Н. Л. Тибленом, «который вынужден был продать» «ряд своих изданий, чтобы расплатиться с неотложными долгами» [Баренбаум, Давыдова: 172]. С. Ф. Либрович вспоминал:

«Вмѣстѣ съ наличнымъ товаромъ Базунова, къ Вольфу, по опредѣленію суда, перешли и всѣ условія Базунова съ литераторами. Условія эти представляють собою весьма цѣнный матеріалъ для исторіи литературнаго гонорара въ Россіи и показываютъ, что большинство русскихъ писателей въ семидесятыхъ годахъ <...> должны были довольствоваться болѣе чѣмъ скромнымъ гонораромъ. <...> Наиболѣе интереснымъ "номеромъ" въ базуновскомъ наслѣдствѣ былъ документъ относительно продажи Достоевскимъ Базунову права на изданіе романа "Вѣчный мужъ". <...> ...объемъ романа "Вѣчный мужъ" около 13 печатныхъ листовъ, такъ что, разложивъ полученный Достоевскимъ гонораръ полистно, получится, что знаменитый писатель получалъ всего не много больше 10 руб. за листъ!» (Либровичъ: 246, 248)⁴⁰.

Однако Вольф до последнего не хотел принимать «базуновское наследство», а когда все-таки принял его, то поступил очень благородно с теми авторами, которые оставались должны Базунову. После смерти Вольфа наследники обнаружили списки с базуновскими должниками. Многие из писателей были достаточно состоятельными, чтобы расплатиться с Вольфом, но издатель оставил эти расписки без движения и завещал своим наследникам сделать то же самое (подробнее см.: Либровичъ: 257).

⁴⁰ См. также: Русаковъ В. [Либрович С. Ф.] Литературные гонорары русскихъ беллетристовъ (Документы для исторіи литературнаго заработка въ Россіи) // Книжный Вѣстникъ. 1904. № 32. Стлб. 919–920; № 34. Стлб. 964–968.

Отрицательный отзыв о деятельности М. О. Вольфа оставил в своих воспоминаниях А. В. Никитенко:

«Поутру <...> познакомился с книгопродавцем <М. О.> Вольфом. Мужик бойкий и сильно плутоватый. На упрек мой, зачем он издает такую пустошь, как "Заграничный вестник", вместо хорошего и доброкачественного периодического журнала, который бы знакомил нас с важнейшими явлениями иностранной науки и жизни, — он отвечал, что для этого у нас не найдется ни литературных деятелей, ни читателей. "Что касается до читателей, вы нашли бы их; о деятелях не знаю". Тут прочитал он целую огромную филиппику против русских литераторов: как они малограмотны, малосведущи и бесстыдно недобросовестны. Он привел несколько фактов и примеров тому, которые, в самом деле, не много делают чести нашей интеллигенции. Вот этот книгопродавец рассказывает все эти мерзости во всеуслышание. Он рассказывает их и за границей, куда часто ездит. Мудрено ли, что об нас составляется такое нелестное для нашего национального достоинства мнение?»⁴¹.

Исаков

В записной тетради Ф. М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 1 (он же форзац), 78, 79, 80, 81, 82, 85) упоминается фамилия «Исаков». То, что Ф. М. Достоевский был знаком с Исаковым, отмечено в энциклопедии С. В. Белова [Белов, 2001; т. 1: 351]⁴², см. также краткую биографическую справку в академическом Полном собрании сочинений (ДЗ0; т. 29₂: 340).

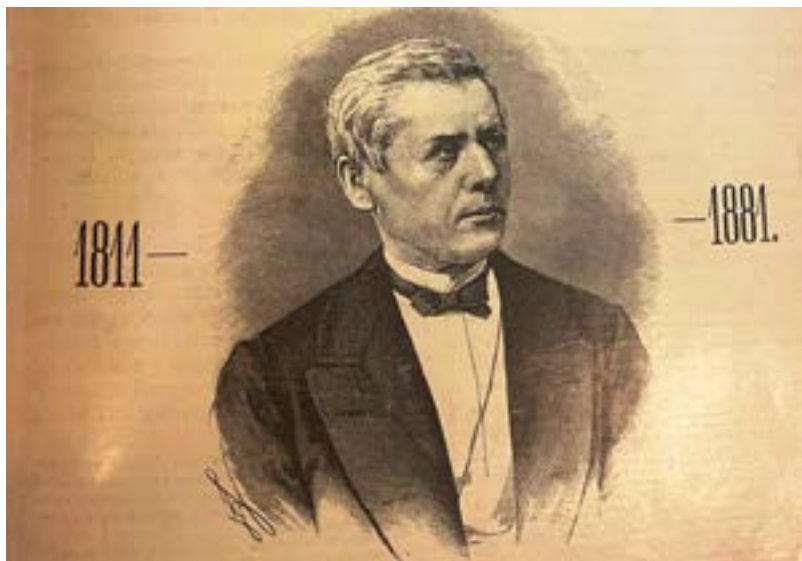
Яков Алексеевич Исаков (1811–1881) начал работать в книжном деле, как и многие видные книготорговцы того времени, в качестве «мальчика», когда в возрасте 12 лет устроился к книгопродавцу Ивану Панькову, торговавшему в Гостином дворе старыми и редкими книгами на разных языках. Эту лавку Паньков продал Исакову в 1829 г. Так, в 18 лет Исаков стал самостоятельным книготорговцем⁴³.

Торговал он в основном французскими книгами, но поскольку сам плохо знал язык, то нанял для работы М. О. Вольфа. Позже, выучив язык, начал торговать не только французскими, но и немецкими и русскими книгами. Он сумел разрушить монополию иностранцев на ввоз иностранных книг в Россию (подробнее см.: [Богданов: 187]).

⁴¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2: 1858–1865. С. 424.

⁴² См. также публикацию воспоминаний «мальчика», П. Г. Кузнецова, который работал в книжной торговле Достоевских в конце 1870-х гг.; отрывки из них опубл. С. В. Беловым (Книжная торговля. 1964. № 5. С. 40–41) и полностью — И. С. Зильберштейном (П. Г. Кузнецов. На службе у Достоевского в 1879–1881 гг. // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 332–336. (Сер.: Лит. наследство; т. 86.)) См. также: [Белов, 2016: 32].

⁴³ Подробнее см.: Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 2.

Илл. 4. Я. А. Исаков (снимок с рисунка П. Бореля по фотографии)⁴⁴

Fig. 4. Ya. A. Isakov (a picture from a drawing by P. Borel based on a photograph)

Его книги были дешевы, сравнительно с конкурентами, поэтому какое-то время книжная торговля Исакова была на первом месте в Петербурге⁴⁵. Ее процветанию содействовали также фельетоны Ф. В. Булгарина, который «почти каждую недѣлю сообщалъ <...> объ Исаковѣ, объ его честности, аккуратности, и проч., о томъ, какія заграничныя книжныя новости поступили въ его магазинъ или въ библіотеку для чтенія...»⁴⁶. Современники, действительно, отмечали, что «Исаковъ отъ природы былъ человѣкъ умный, безукоризненной честности и справедливости, но по виду суровъ, скупъ и чрезвычайно требователенъ...»⁴⁷. Эту характеристику подтверждает история, рассказанная в некрологе, написанном к 30-летию со дня его смерти:

«...въ началѣ 50-хъ годовъ <...> судно, везшее выписанныя Я. А. Исаковымъ книги, потерпѣло аварію, грузъ погибъ; Я. А. Исаковъ для удовлетворенія своихъ заказчиковъ выписалъ книги вторично, потерпѣвъ убытокъ»⁴⁸.

Полный расцвет книготорговой и издательской деятельности Я. А. Исакова наступил в 1870-х гг., когда обороты ежегодно доходили почти до

⁴⁴ Источник: Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 1.

⁴⁵ В частности, известно, что постоянным покупателем Исаков делал уступку в 20 процентов, а иногородним доставлял книги за свой счет [Книга в России. 1861–1881: 53].

⁴⁶ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 3. См. также: Овсянниковъ Н. Г. Воспоминанія стараго книгопродавца... С. 16.

⁴⁷ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 5.

⁴⁸ П. С. Некрологи. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ // Русскій библіофиль. 1911. № 6. С. 99.

миллиона рублей⁴⁹, а его книжный магазин считался лучшим универсальным книжным магазином Петербурга [Богданов: 189–190].

Кроме книжной торговли и Библиотеки для чтения, Я. А. Исаков открыл и свое издательство, которое действовало с 1841 по 1882 г. Среди известных изданий можно назвать два издания сочинений А. С. Пушкина (под ред. Г. Н. Геннади), сборник пословиц с параллельным текстом на русском, французском и немецком языках (совместно с Глазуновым и Вольфом) [Богданов: 188–189].

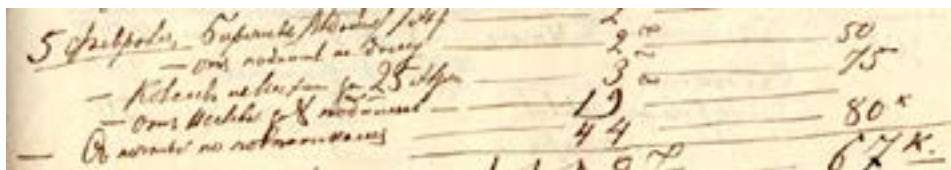
В последние годы жизни Исаков был председателем Общества взаимного кредита, «т. е. первого Общественного Банка какъ способствующаго торговлѣ посредствомъ мелкаго кредита подѣ учетъ торговыхъ векселей»⁵⁰. Эта деятельность принесла ему разочарования и материальные потери, т. к. Исаков «сдѣлался жертвою безчестныхъ людей», «не могъ пережить униженія» и вскоре скончался⁵¹.

Среди учеников Я. А. Исакова, кроме М. О. Вольфа, особо выделялись Ф. И. Колесов и Ф. Г. Михин, с которыми также имели дело супруги Достоевские и о которых речь пойдет ниже.

Колесов и Михин

На л. 85 записной тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15) встречаем запись, которая до сих пор никем не была прочитана правильно:

«— Колесовъ и **Михин**<ъ> за 25 экзема<пляровъ> — 3 ∞ — 75».

Илл. 5. Фрагмент записной тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 85)

Fig. 5. A fragment of the Dostoevsky's notebook

В записной тетради А. Г. Достоевской 1877 г. (ОР РГБ. Ф. 93.Ш.2.1. Л. 39 об.⁵²) находим запись о необходимости выдать 25 экземпляров Колесову и Михину, последняя фамилия прочитывается однозначно (см. Илл. 6):

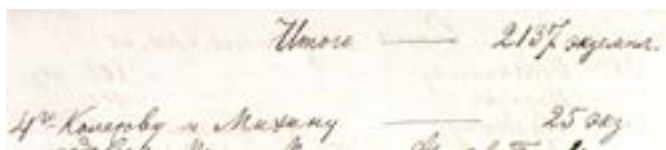
«4²⁰ Колесову и **Михину** — 25 экз.».

⁴⁹ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 6.

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Там же.

⁵² См. также другие записи А. Г. Достоевской с упоминанием Колесова и Михина: [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 701, 710, 715 и далее].

Илл. 6. Фрагмент записной тетради А. Г. Достоевской 1876–1877 гг.
(ОР РГБ. Ф. 93. III. 2. 1. Л. 39 об.)

Fig. 6. A fragment of the notebook of A. G. Dostoevskaya 1876–1877

Как указывает И. А. Богданов, «к 1870-м гг. в Гостином дворе торговали книгами братья Курбатовы (помещение № 4 по Суконной линии), Ф. И. Колесов и Ф. Г. Михин (№ 22 по Невской линии), упомянутые выше М. О. Вольф (№ 18 и 19 по Невской линии) и Я. А. Исаков (№ 24 по Невской линии)» [Богданов: 193].

С. Ф. Либрович писал, что Ф. И. Колесов был учеником Я. А. Исакова, впоследствии он стал совладельцем книгопродавческой фирмы «Колесов и Митин» (Либрович: 450) — это явная опечатка, далее в книге фамилия названа уже правильно: «...книгопродавческая и издательская фирма "Колесовъ и Михинъ"» (Либрович: 481)⁵³.

Федор Иванович Колесов (1834–1904)⁵⁴ начал свою книготорговую деятельность в 13 лет в качестве «мальчика» в магазине Я. А. Исакова⁵⁵, но «отказавшись отъ Исакова вскорѣ послѣ Михина, онъ въ товариществѣ съ послѣднимъ открыть небольшой книжный магазинъ въ Гостинномъ Дворѣ черезъ два магазина отъ Я. А. Исакова, который просуществовалъ всего около 10 лѣтъ»⁵⁶.

Филипп Григорьевич Михин (1835–1912⁵⁷) тоже работал сначала в магазине Я. А. Исакова, не раз выезжал за границу по книжным делам, но, не получив обещанного места «заграничнаго комиссіонера въ Парижѣ», ушел от Исакова. К тому же Исаков был недоволен своим работником, так как тот «съ перваго же дня поступленія на службу <...> такъ пристрастился къ книгѣ, что неохотно отрывался отъ книгъ въ магазинъ для объясненій съ покупателями»⁵⁸.

Колесов и Михин открыли свой магазин, как можно предположить, где-то в конце 1860-х — начале 1870-х гг. (судя по записям А. Г. Достоевской, торговавшей через их магазин книгами мужа). Сначала дела у них «пошли

⁵³ См. также: Овсянниковъ Н. Г. Воспоминанія стараго книгопродавца... С. 18.

⁵⁴ Годы жизни уточнены по: Некрологъ // Историческій Вѣстникъ. 1904. Т. 98. Октябрь. С. 332. Известен также подписчик Достоевского Семен Иванович Колесов из г. Княгинин Нижегородской губ., записи о котором есть в записных и подписных книгах А. Г. Достоевской (см.: [Проблемы текстологии публицистики Достоевского: 604, 717]).

⁵⁵ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 9.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Даты жизни Ф. Г. Михина уточнены по: «Воспоминания старого букиниста» Г. Ф. Курочкина [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fcoolib.com%2Fb%2F186742%2Fread%3Fysclid%3Dlpsp63wad469133274%23n_308 (10.08.2023).

⁵⁸ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 11.

блестяще, торговалъ, конечно, Ф. Г. Михинъ, а Ѳ. И. Колесовъ угождалъ покупателямъ, частію старымъ знакомымъ, перешедшимъ къ новой фирмѣ отъ Исакова, а особенно покупательницамъ и тѣмъ привлечь въ магазинъ много народу, отчего дѣло стало развиваться...»⁵⁹.

Илл. 7. Ф. И. Колесов⁶⁰

Fig. 7. F. I. Kolesov

Илл. 8. Ф. Г. Михин⁶¹

Fig. 8. F. G. Mikhin

Но вскоре Ф. И. Колесов начал выдавать векселя «от себя» и «не могъ быть болѣе пайщикомъ»⁶². Михин не выдержал и, как свидетельствуют современники, ушел из «семьи книгопродавцевъ и издателей»:

«...приходилось Михину одному все выносить на своихъ плечахъ и онъ не выдержалъ, ушелъ изъ лавки, сохранивъ свое честное имя и потерявъ все...»⁶³.

Однако у Михина оставались векселя Колесова, рассчитавшегося с ним таким способом. Сам Колесов, продолжив книжную торговлю, «запутался въ кредитахъ, обанкротился и ликвидировалъ свое дѣло, понеся громадныя убытки

⁵⁹ Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 11.

⁶⁰ Источник: Историческій Вѣстникъ. 1904. Т. 98. Октябрь. С. 333.

⁶¹ Источник: Симони П. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики. С. 10.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

и принявъ на себя значительные долги, съ коими <...> не могъ разсчитаться до конца жизни»⁶⁴. Закончил он свою карьеру в роли управляющего русским отделом книжного магазина М. О. Вольфа, где «оставался въ теченіе 13-ти лѣтъ, пользуясь уваженіемъ и довѣріемъ покойнаго старика...»⁶⁵. Из статьи «Русская книга и ее продавцы», опубликованной в «Книжном Вестнике» в год смерти Колесова, мы узнаём о его профессиональных качествах:

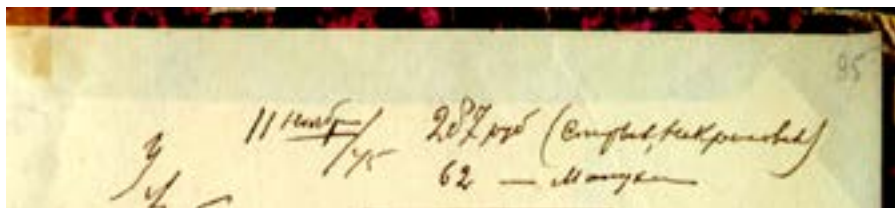
«Покойный пользовался въ петербургскомъ книжномъ мірѣ большою популярностью. И неудивительно: 55 лѣтъ онъ провелъ за прилавкомъ книжныхъ магазиновъ въ качествѣ продавца <...>. Въ книжномъ мірѣ о немъ говорили, что онъ "превосходно знаетъ русскія книги". <...> Онъ могъ наизусть перечислить произведенія любого писателя, могъ сообщить, много ли изданій имѣла та или другая книга, въ которомъ приблизительно году она была издана, гдѣ она находится на окнахъ. Онъ могъ на память описать ея внѣшность, цвѣтъ бумаги на обложкѣ, объемъ, форматъ и проч. <...> это былъ живой каталогъ книгъ... <...>. ...отъ него, какъ отъ продавца, требовали еще и критическихъ мнѣній, требовали оцѣнки продаваемыхъ книгъ...»⁶⁶.

Несмотря на то, что совместное с Михиным, а потом и личное книжное дело Колесова развалилось, современники называли его «патріархомъ столичнаго книготорговаго дѣла»⁶⁷.

Манухин

На л. 95 (он же нахзац) записной тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15) тоже встречаем никем прежде не прочитанную фамилию «Манухин»:

«62 — *Манухин*<u>»».

Илл. 9. Фрагмент записной тетради Достоевского
(РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 95)

Fig. 9. A fragment of the Dostoevsky's notebook

⁶⁴ Некрологъ. С. 334.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Русаковъ В. [Либрович С. Ф.] Русская книга и ея продавцы. Стлб. 1047. В «Книжном Вестнике» за 1897 г. была также опубликована статья к 50-му юбилею Колесова (Книжный Вѣстникъ. 1897. № 7–8. Стлб. 195–196).

⁶⁷ Некрологъ. С. 332.

В письме к Ф. М. Достоевскому от 11 февраля 1875 г. А. Г. Достоевская сообщала (см. Илл. 10):

«Вчера получила письмо отъ Манухина, проситъ продать ему на вексель 25 экзempl<яровъ> Идіота и 25 экз<емляровъ> Записки изъ Мертваго Дома, я написала объ этомъ Пантелѣеву, поторопи его выслать эти книги въ Москву» (выделено нами. — М. З.)⁶⁸.

Илл. 10. Фрагмент письма А. Г. Достоевской Ф. М. Достоевскому от 11 февраля 1875 г. (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 169. Л. 13 об.)

Fig. 10. A fragment of the letters of A. G. Dostoevskaya to F. M. Dostoevsky (dated February 11, 1875)

В первой публикации этого письма к фамилии «Манухин» дан следующий комментарий: «Петербургский книгопродавец и издатель лубочных книг» [Белов, Туниманов: 429]. В ДЗ0 находим такое примечание к этой части письма: «Пантелеев соглашался учсть в счет погашения долга Достоевского векселя, полученные писателем от его книгопродавцев» (ДЗ0; т. 29₂: 203).

А. И. Манухин, наравне с С. И. Леухиным, известны как продавцы лубочной литературы. Их даже называли «пионерами русской народной книги»⁶⁹, потому что они одними из первых начали доставлять книги в провинцию, в основном в деревню, используя труд офеней. Однако деятельность их оценивалась двояко. Так, в статье «Наше книжное дело», опубликованной в «Московском Обозрении» в 1877 г., некто Р. (возможно, В. Русаков, он же С. Ф. Либрович) писал, что вкусы народные были развращены такими издателями и книготорговцами, как Манухин:

⁶⁸ РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 169. Л. 13 об. Ср.: [Белов, Туниманов: 153], (ДЗ0; т. 29₂: 203).

⁶⁹ Пионеры русской народной книги // Русскій Вѣстникъ. 1904. № 49. Стлб. 1406.

«...провинціальная публика не развита — ей нравятся кровь, убійство, разбои, описываемыя въ романахъ, выходящихъ изъ Никольской⁷⁰... <...> Но есть зло худшее... Я говорю объ изданіяхъ г. Манухина. Этотъ книжникъ, преимущественно, занялся изданіемъ небольшихъ брошюръ, въ родѣ: "Черти въ банкѣ", "Камеліи съ Кузнецкаго" и тому подобной дряни, — брошюры, которыя онъ распускаетъ съ офенями десятки тысячъ. Подобная эксплуатація нашего простаго народа положительно возмутительна»⁷¹.

В статье «Новости, заметки, вопросы и т. п.», опубликованной в 1864 г. в «Книжном Вестнике» (без подписи автора), говорилось, что книги, изданные и распространяемые Манухиным и проч., только заглавиями «гнусны», а «самыя книжонки оказываются пустѣйшими и глупѣйшими ничтожностями, неспособными развратить и муху»⁷².

Гораздо позже, в 1904 г., в статье «Пионеры русской народной книги», опубликованной в «Русском Вестнике», автор (оставшийся неизвестным) тоже высказал двойственную оценку деятельности Манухина, написав, что всегда считал «Леухиныхъ, Манухиныхъ и пр. своего рода паразитами, принесшими страшный вредъ народу своими "Гуаками", "Разбойниками" и прочими плодами лубочной литературы Никольскаго рынка, имя которымъ легионъ. Я, какъ и многіе другіе, былъ убѣжденъ, что эти <...> издатели только набили свои карманы, но не принесли никакой пользы»⁷³. Однако затем публицист признал, что ошибался и что благодаря деятельности этих издателей провинциальный читатель из народа стал, чуть не впервые, широко общаться к книжной культуре, пусть изначально и невысокого качества:

«Между тѣмъ эти-то изданія подготовили почву къ болѣе серьезному дѣлу — къ основанію народныхъ библіотекъ <...> ...первыя книги, вызвавшія вообще интересъ къ книгѣ въ народѣ, были изданія Манухина, Леухина и другихъ подобныхъ»⁷⁴.

Как мы видим, Манухин не только торговал «пустой» или лубочной литературой, но и пытался пристрастить провинцию к чтению произведений Ф. М. Достоевского, что уже делает ему честь⁷⁵.

⁷⁰ Имеется в виду Никольский рынок в Москве с букинистической и лубочной литературой.

⁷¹ Р. Наше книжное дѣло // Московское Обозрѣніе. 1877. № 12–13. С. 186.

⁷² Новости, замѣтки, вопросы и т. п. // Книжный Вѣстникъ. 1864. № 18. С. 361.

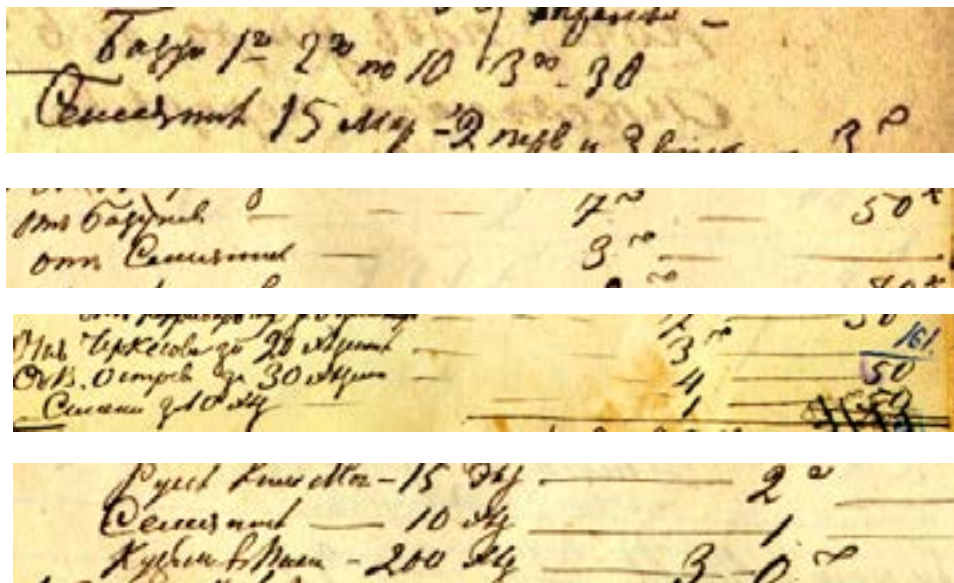
⁷³ Пионеры русской народной книги. Стлб. 1406.

⁷⁴ Там же. Стлб. 1407.

⁷⁵ О Манухине также см.: [Рейтблат: 36, 157, 262].

Семенников

В записной тетради Ф. М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 2, 79, 82, 86) находим фамилию, которая написана по-разному и всегда не дописана: «Семяник» (л. 2, 79, 86), «Семяни» (л. 82) (см. Илл. 11–14).

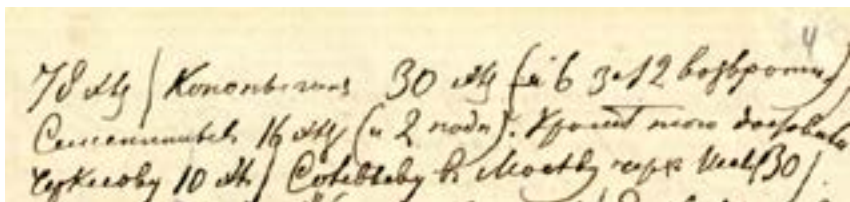
Илл. 11–14. Фрагменты записной тетради Достоевского
(РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 2, 79, 82, 86)

Fig. 11–14. Fragments of the Dostoevsky's notebook

Скорее всего, здесь мы имеем дело с одним и тем же человеком и одной и той же фамилией, написание и произношение которой в XIX в. еще колебалось. Так, некоего «**Семенникова**», который взял «16 экз<емпляровъ>» «Дневника Писателя» упоминает в письме от 11 июля 1877 г. к жене Достоевский (см. Илл. 15). В публикациях письма фамилия прочитана как «Семенников»⁷⁶. В Д30 указано, что «Семенников» был книгопродавцем (Д30; т. 29₂: 357).

В записной тетради А. Г. Достоевской (ОР РГБ. Ф. 93.III.2.1. Л. 2, 3, 3 об., 4 и далее) много раз встречается фамилия «**Семянников**» (всегда именно в таком написании). Надо отметить, что данная имеющаяся у фамилии вариативность отражена издателями переписки супругов Достоевских С. В. Беловым и В. А. Тунимановым в указателе имен: «**Семенников** (Семянников)» [Белов, Туниманов: 479]. Причем в издании приводится и письмо А. Г. Достоевской от 12 августа 1880 г., дважды называющей книготорговца: «Семянников» [Белов, Туниманов: 350].

⁷⁶ См.: Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. Л.; М.: Academia, 1934. Т. 3: 1872–1877. С. 275; [Белов, Туниманов: 254]; (Д30; т. 29₂: 165).

Илл. 15. Фрагмент письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 11 июля 1877 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.30. Л. 4)

Fig. 15. A fragment of the letters of F. M. Dostoevsky to A. G. Dostoevskaya (dated July 11, 1877)

В энциклопедии Н. Наседкина находим комментарий: «Семенников Иван Петрович (1834–1897), петербургский книготорговец, продавал "Дневник писателя"» [Наседкин: 716–717]. Дата смерти и полное имя «Семенниковъ Иванъ Петровичъ» указаны в «Петербургском некрополе» В. И. Саитова⁷⁷.

Возможно, Анна Григорьевна записывала эту фамилию на слух, а потому появился подобный ономастический вариант, отражающий какие-то особенности произношения.

Таким образом, в записной тетради Достоевского и в тетрадях и подписных книгах его жены упоминаются имена известных и малоизвестных на сегодняшний день книгоиздателей и книготорговцев, которые ждут своего комментария и в будущем могут дать материал для изучения издательского дела и книжной торговли не только у супругов Достоевских, но и в XIX в. в целом.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 192 с.
2. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Жизнь Анны Григорьевны Достоевской в мемуарах, письмах, документах // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 665–765.
3. Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. Три века истории: очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003. 440 с.
4. Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М.: Книга, 1971. 463 с.
5. Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург — Ленинград. Л.: Лениздат, 1986. 447 с.
6. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
7. Белов С. В. Крупные издательства России второй половины XIX — начала XX века: очерки. СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2016. 158 с.

⁷⁷ Саитовъ В. И. Петербургскій некрополь: в 4 т. Т. 4: С–Ө. С. 49.

8. [Белов С. В., Туниманов В. А.] Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. Л.: Наука, 1976. 484 с. (Сер.: Лит. памятники.)
9. Богданов И. А. Большой Гостиный двор в Петербурге. СПб.: Искусство–СПб., 2001. 256 с.
10. Богомолов С. И. Российский книжный знак. 1700–1918. М.: Минувшее, 2010. 959 с.
11. Волгин И. Л. Редакционный архив «Дневника писателя» (1876–1877) // Русская литература. 1974. № 1. С. 150–161.
12. Волгин И. Л. Ничей современник: четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 735 с.
13. Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателей А. Ф. Маркс. М.: Книга, 1986. 256 с.
14. Динерштейн Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII — XX в.): избр. статьи. М.: Наука, 2004. 528 с.
15. Заваркина М. В. Издательское дело и книжная торговля Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 1. С. 145–187 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1682489908.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6581. EDN: EUREGQ
16. Книга в России. 1861–1881: в 3 т. / под общ. ред. И. И. Фроловой. М.: Книга, 1991. Т. 3. 256 с.
17. Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX — начала XX века. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. 176 с.
18. Накоряков Н. Н. Реклама в книжной торговле // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 299–324.
19. Наседкин Н. Достоевский: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 798 с.
20. Поршневу Г. И. История книжной торговли в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 75–137.
21. Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881) / под ред. Т. В. Панюковой. СПб.: РХГА, 2021. 936 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128156 (10.08.2023). EDN: FZQFSQ
22. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
23. Розанов И. Н. Книга и люди в XIX веке // Книга в России: в 2 ч. М., 2008. Ч. 2: Русская книга девятнадцатого века / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. С. 435–474.
24. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова. СПб.: РХГА, 2021. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128147 (10.08.2023).
25. Сидоров А. А. Искусство русской книги XIX–XX веков // Книга в России: в 2 ч. М., 2008. Ч. 2: Русская книга девятнадцатого века / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. С. 139–346.
26. Степchenkova В. Н. Технология производства книг (из опыта А. Г. Достоевской) // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 3. С. 110–133 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1697464559.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6841. EDN: DVHENU
27. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
28. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя) // Неизвестный Достоевский.

2017. № 4. С. 90–140 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (10.08.2023). DOI 10.15393/j10.art.2017.3361
29. Хржановский Б. Ф. Книжные магазины, их организация, оборудование и работа // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 153–197.
30. Шомракова И. А., Баренбаум И. Е. Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005. 368 с.

References

1. Andrianova I. S. “*Muzei pamyati F. M. Dostoevskogo*”: istoriya i perspektivy proekta [*The Museum of the Memory of F. M. Dostoevsky: the History and Prospects of the Project*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. The Life of Anna Grigoryevna Dostoevskaya in Memoirs, Letters, Documents. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. 1846–1917* [*Dostoevskaya A. G. Memories. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015, pp. 665–765. (In Russ.)
3. Barenbaum I. E. *Knizhnyy Peterburg. Tri veka istorii: ocherki izdatel'skogo dela i knizhnoy trgovli* [*Book Petersburg. Three Centuries of History: Essays on Publishing and Book Trade*]. St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2003. 440 p. (In Russ.)
4. Barenbaum I. E., Davydova T. E. *Istoriya knigi* [*The History of the Book*]. Moscow, Kniga Publ., 1971. 463 p. (In Russ.)
5. Barenbaum I. E., Kostyleva N. A. *Knizhnyy Peterburg — Leningrad* [*Book Petersburg — Leningrad*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986. 447 p. (In Russ.)
6. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky and His Entourage: an Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
7. Belov S. V. *Krupnye izdatel'stva Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: ocherki* [*Major Publishing Houses of Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Essays*]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2016. 158 p. (In Russ.)
8. Belov S. V., Tunimanov V. A. *F. M. Dostoevskiy, A. G. Dostoevskaya. Perepiska* [*F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya. Correspondence*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 484 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
9. Bogdanov I. A. *Bol'shoy Gostinyy dvor v Peterburge* [*The Great Gostiny Dvor in St. Petersburg*]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
10. Bogomolov S. I. *Rossiyskiy knizhnyy znak. 1700–1918* [*Russian Book Sign. 1700–1918*]. Moscow, Minushee Publ., 2010. 959 p. (In Russ.)
11. Volgin I. L. Editorial Archive of the “Writer’s Diary” (1876–1877). In: *Russkaya literatura*, 1974, no. 1, pp. 150–161. (In Russ.)
12. Volgin I. L. *Nichey sovremennik: chetyre kruga Dostoevskogo* [*Nobody’s Contemporary: Dostoevsky’s Four Circles*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 735 p. (In Russ.)
13. Dinershteyn E. A. “*Fabrikant*” chitateley A. F. Marks [*The “Manufacturer” of Readers by A. F. Marx*]. Moscow, Kniga Publ., 1986. 256 p. (In Russ.)
14. Dinershteyn E. A. *Rossiyskoe knigoizdanie (konets XVIII — XX v.): izbrannye stat'i* [*Russian Book Publishing (the End of the 18th — 20th Centuries): Selected Articles*]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 528 p. (In Russ.)

15. Zavarkina M. V. Publishing and Book Trade of the Dostoevskys. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2023, vol. 10, no. 1, pp. 145–187. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1682489908.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6581. EDN: EUREGQ (In Russ.)
16. *Kniga v Rosii: 1861–1881: v 3 tomakh* [*The Book in Russia: 1861–1881: in 3 Vols*]. Moscow, Kniga, 1991. Vol. 3. 256 p. (In Russ.)
17. Letenkov E. V. “Literaturnaya promyshlennost” Rossii kontsa XIX — nachala XX veka [*The “Literary Industry” of Russia in the Late 19th — Early 20th Century*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1988. 176 p. (In Russ.)
18. Nakoryakov N. N. Advertising in a Book Trade. In: *Knizhnaya trgovlya: posobie dlya rabotnikov knizhnogo dela* [*Book Trade: a Handbook for Book Workers*]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925, pp. 299–324. (In Russ.)
19. Nasedkin N. *Dostoevskiy: entsiklopediya* [*Dostoevsky: the Encyclopedia*]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 798 p. (In Russ.)
20. Porshnev G. I. The History of a Book Trade in Russia. In: *Knizhnaya trgovlya: posobie dlya rabotnikov knizhnogo dela* [*Book Trade: a Handbook for Book Workers*]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925, pp. 75–137. (In Russ.)
21. *Problemy tekstologii publitsistiki Dostoevskogo (1873–1881)* [*Problems of Textology of Dostoevsky’s Journalism (1873–1881)*]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021. 936 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128156 (accessed on August 10, 2023). EDN: FZQFSQ (In Russ.)
22. Reytblat A. I. *Ot Bovy k Bal’montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
23. Rozanov I. N. The Book and People in the 19th Century. In: *Kniga v Rosii: v 2 chastyakh* [*The Book in Russia: in 2 Parts*]. Moscow, 2008, part 2: A Russian Book of the 19th Century, pp. 435–474. (In Russ.)
24. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [*Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
25. Sidorov A. A. The Art of the Russian Book of the 19th — 20th Centuries. In: *Kniga v Rosii: v 2 chastyakh* [*The Book in Russia: in 2 Parts*]. Moscow, 2008, part 2: A Russian Book of the 19th Century, pp. 139–346. (In Russ.)
26. Stepchenkova V. N. Technology of Book Production (from the Experience of A. G. Dostoevskaya). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2023, vol. 10, no. 3, pp. 110–133. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1697464559.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j10. art.2023.6841. EDN: DVHEHU (In Russ.)
27. Tarasova N. A. “Dnevnik pisatelya” F. M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta [“A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism]. Moscow, Kvadriga Publ., MBA Publ., 2011. 392 p. (In Russ.)
28. Tikhomirov B. N. St. Petersburg Addresses and Dostoevsky’s Addressees (On the Problem of Regional Commentaries on Address Books of the Writer. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 4, pp. 90–140. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI 10.15393/j10.art.2017.3361 (In Russ.)

29. Khrzhanovskiy B. F. Bookstores, Their Organization, Equipment and Work. In: *Knizhnaya trgovlya: posobie dlya rabotnikov knizhnogo dela* [Book Trade: a Handbook for Book Workers]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925, pp. 153–197. (In Russ.)
30. Shomrakova I. A., Barenbaum I. E. *Vseobshchaya istoriya knigi* [The General History of a Book]. St. Petersburg, Professiya Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, специалист Международного центра изучения Достоевского Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru.

Marina V. Zavarkina, PhD (Philology), Senior Researcher of the Department of Scientific Research, Specialist of the International Center for the Study of Dostoevsky of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 28.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.10.2023

Принята к публикации / Accepted 28.10.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт» (материалы к реконструкции замысла)

В. А. Викторovich

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. Реконструкция первого литературного опыта Достоевского — утраченной драмы «Мария Стюарт» — предполагает выявление и анализ источников замысла. В результате проведенных изысканий была выстроена гипотетическая цепь событий. В 1838 (по другим данным в 1835) году Достоевский впечатлился спектаклем «Мария Стюарт» в Александринском театре с А. М. Каратыгиной в главной роли: созданный актрисой образ королевы-страдальницы совпал с чтением как трагедии Шиллера «Мария Стюарт», так и романа Вальтера Скотта «Аббат». Затем при изучении «исторических данных» о «жизни и казни» Марии Стюарт в кругозор начинающего писателя попало четырехтомное русское собрание документов о ее биографии 1809 г. и французско-русское издание 1839 г. открытых А. Я. Лобановым-Ростовским в архивах писем Марии Стюарт, ее завещания и отчета о казни. В 1839–1840 гг. вышла беллетризованная биография «преступной» королевы, составленная Александром Дюма. В его версии образ Марии Стюарт двойствен: наряду с героическим началом характера выступила тема греховной страсти. Раздвоение образа усилил в своем очерке 1841 г. Филарет Шаль, сделавший также акцент на религиозных мотивах развернувшейся исторической драмы. Достоевский, осмысливая в 1839–1842 гг. все эти повороты европейской и русской историографии, мог взять за основу своей пьесы не получивший продолжения у Шиллера диалог кормилицы и Марии в четвертом явлении первого действия его трагедии о соотношении вины и ответственности. У Шиллера Мария Стюарт — заглавная героиня, но не единственная главная, более того, тема Елизаветы во многом перетянула на себя драматургический интерес. Достоевский, скорее всего, сосредоточился на внутренних коллизиях «гигантского характера», поставленного им в ряд героинь Расина (прежде всего «шекспировского очерка» Федры): Мария соединила в себе твердость духа перед лицом страданий и самой смерти со вселившейся страсти, сопровождаемой мучениями совести. Продолжить Шиллера позволили освоенные русским автором «исторические данные», на которые намекал Ризенкамф. В статье выявлен и проанализирован круг этих данных, открывавших Достоевскому глубинные коллизии европейской истории в лице одного из культовых ее персонажей.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Мария Стюарт, Ф. Шиллер, В. Скотт, А. Дюма, Ж. Расин, Ф. Шаль, источники, реконструкция замысла

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00699 («Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании») [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>.

Для цитирования: Викторovich В. А. Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт» (материалы к реконструкции замысла) // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 55–101. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021. EDN: MHCKVU

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021

EDN: MHCKVU

Dostoevsky's Lost Play "Mary Stuart" (Materials for the Reconstruction of the Idea)

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The reconstruction of Dostoevsky's first literary experience — the lost drama "Mary Stuart" — involves the identification and analysis of the sources of the idea. As a result of the conducted research, a hypothetical chain of events was built. In 1838 (1835, according to other sources), Dostoevsky was impressed by "Mary Stuart" at the Alexandrinsky Theater with A. M. Karatygina in the title role: the image of the suffering queen created by the actress was superimposed on the reading of both Schiller's tragedy "Mary Stuart" and Walter Scott's novel "The Abbot." Russian collection of her biographical documents, published in 1809 and the 1839 French-Russian edition of letters of Mary Stuart, her will and the report on the execution discovered by A. Ya. Lobanov-Rostovsky in the archives, came into the view of the novice writer when he was studying the "historical data" about the "life and execution" of Mary Stuart. In 1839–1840, a fictionalized biography of the "criminal" queen, compiled by Alexandre Dumas, was published. In his version, the image of Mary Stuart is twofold: along with the heroic beginning of the character, the theme of sinful passion emerged. The bifurcation of the image was reinforced in the 1841 essay by Filaret Shal, who also emphasized the religious motives of the unfolding historical drama. Comprehending all these turns of European and Russian historiography in 1839–1842, Dostoevsky could use as the basis of his play the dialogue of the nurse and Mary in the fourth scene of the first act of his tragedy about the correlation between guilt and responsibility, which Schiller did not continue. For Schiller, Mary Stuart is the title character, but not the only main one, moreover, the theme of Elizabeth in many ways attracted dramatic interest. Dostoevsky most likely focused on the internal collisions of the "gigantic character," whom he placed in a line of Racine's heroines (first of all, the "Shakespearean essay" by Phaedra): Maria integrated the firmness of spirit in the face of suffering and death itself with the omnipotence of passion, accompanied by torments of conscience. The "historical data" that Riesen-kampf hinted at, mastered by the Russian author, allowed to continue Schiller's creative work. The article identifies and analyzes a range of these data that revealed the deep collisions of European history embodied in one of its iconic characters to Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Mary Stuart, F. Schiller, V. Scott, A. Dumas, J. Racine, Ph. Chasles, sources, reconstruction of the idea

Acknowledgments. The reported was carried out at the State Social and Humanitarian University with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00699, "New About Dostoevsky: Reconstruction of Early Biography and Works by Interdisciplinary Research". Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

For citation: Viktorovich V. A. Dostoevsky's Lost Play "Mary Stuart" (Materials for the Reconstruction of the Idea). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 55–101. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021. EDN: MHCKVU (In Russ.)

.....

Начало творческого пути писателя до выхода в свет его первых произведений вызывает особый интерес исследователя: это время пробуждения дарования, выбора направления, по которому двинется новый автор. Чаще всего именно этот период биографии художника остается невидимым для посторонних глаз и таит труднодостижимые тайны. Здесь неизбежны версии гипотетического свойства. Научная гипотеза — вполне законный инструмент в руках исследователя биографии и творчества художника при обязательном условии обоснованной аргументации. Степень коррелятивности и системной полноты предлагаемых аргументов и определяет в конечном счете состоятельность того или иного предположения. Следуя этому правилу, мы приступаем к научной — неизбежно гипотетической — реконструкции утраченных первых опытов Достоевского.

1

Известно, что еще до перевода «Евгении Гранде» и работы над романом «Бедные люди» Достоевский сочинял пьесы: «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Жид Янкель». Литературно-театральный дебют так и не состоялся, все три драмы бесследно исчезли («может быть Достоевский самъ забыть о тѣхъ путяхъ, по которымъ направилъ рукописи» [Случевский: 7]), но кое-какие отзвуки до нас дошли. Из мемуаров А. Е. Ризенкампа известно, что 16 февраля 1841 г. в кругу друзей, собравшихся на прощальном вечере Михаила Михайловича Достоевского, Федор Михайлович впервые прочел отрывки из пьес «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», работа над которыми продолжалась¹. Старший брат долгое время возлагал большие надежды на эти опыты, о чем писал П. А. Карепину 25 сентября 1844 г.:

«Я читал, с восхищением читал его драмы. Нынешней зимою они явятся на петербургской сцене»².

Кстати говоря, основываясь на столь высокой оценке М. М. Достоевского, мы можем предположить, что пьесы его брата были написаны прозой, т. к. позднее Михаил Михайлович вынес ему категорический приговор: «Стихи

¹ Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Первая полная публикация / подгот. Б. Н. Тихомировым // [Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: 217–218]. По утверждению мемуариста, обе названные пьесы так и не были закончены [Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: 221].

² Достоевский в неизданной переписке современников / ст., публ. и комм. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 365. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)

не твоя специальность»³. Наше предположение косвенно подтверждает тот же мемуарист, знакомый с утраченными пьесами:

«...он [Достоевский] любил поэзию страстно, но писал только прозою...»⁴.

Что восхищение старшего брата драматургией младшего не было дипломатической уловкой для недоверчивого опекуна, как полагают некоторые биографы (см.: [Битюгова: 423], [Сараскина: 114]), доказывает фраза в письме Федора к Михаилу 30 сентября 1844 г.: «Ты говоришь, спасение мое драма». Далее высказывалось сомнение прагматического свойства («Да ведь постановка требует времени. Плата также») и тут же сообщалось о резком развороте начинающего писателя в другую сторону:

«У меня есть надежда. Я кончаю *роман* в объеме “Eugénie Grandet”. Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю...»⁵.

Речь, как мы понимаем, идет о первой редакции романа «Бедные люди». Что интересно, писатель при этом не отказывается и от ранее написанного: «...драму поставлю непременно. Я этим жить буду» (Д30; т. 28; 100), — очевидно, имея в виду поспектакльную плату драматургу, что говорит о тогдашней достаточно высокой оценке своего труда. 3 октября того же 1844 г. Михаил вновь писал Карепину о литературных успехах брата, настоятельно повторив свою оценку пьес:

«...он кончил прекрасный роман и две драмы, которые, уверяю вас, удивительны»⁶.

Первый шаг к научной реконструкции творческих замыслов начинающего писателя в 1921 г. сделал М. П. Алексеев. Исследователь предположил, что «Марию Стюарт» и «Бориса Годунова» «сближает некоторое единство драматической коллизии: здесь и там — проблема власти, разрешенная на широком историческом фоне. Центральные лица этих замыслов — власти-тели: Годунов, убивший Дмитрия, и Елисавета, казнящая Марию Стюарт» [Алексеев: 49–50]. Схожую версию предложил Л. П. Гроссман: «Молодого драматурга, видимо, привлекает проблема преступного владычества и самозванства, воплощенная в крупных характерах прошлого», конкретно в «Борисе Годунове» — «право сильной личности переступить через кровь во имя всеобщего блага», а в «Марии Стюарт» — «соперничество двух героинь, охваченных неукротимой ненавистью» [Гроссман: 36]. Схема

³ Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. Т. 1: 1832–1867. С. 529.

⁴ Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 204.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 100. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

⁶ Достоевский в неизданной переписке современников. С. 368.

предлагаемой обоими авторами мысленной реконструкции проста: мотивы позднего Достоевского переносятся на отсутствующий текст, и тот является перед нами предвестником или даже двойником текста известного⁷. Двигаясь в том же русле, И. Л. Волгин находит нечто общее в обоих указанных замыслах, в «намерениях» их автора, предвещающих будущего Достоевского: «преступление как двигатель сюжета» [Волгин: 329].

Попытки виртуальной реконструкции утраченных произведений писателя обратным ходом от позднего творчества к раннему, от известного к неизвестному при всей их вариативности нам представляются перспективнее для исследовательской практики, нежели замыкание темы на констатации «влияния» и следования авторитетам. Так, расхожим стало утверждение: «Молодой Достоевский пытается написать, в подражание Шиллеру, трагедию "Мария Стюарт" и, в подражание Пушкину, — трагедию "Борис Годунов"» [Кирпотин: 72]. Высказывались другие соображения в том же ключе: «Влияние Шидловского, сочинявшего драму "Мария Симонова", увлечение Шиллером и Пушкиным и преклонение перед актером Самойловым достаточно объясняют происхождение этих набросков» [Мочульский: 20].

Театральные впечатления вкупе с влиянием И. Н. Шидловского (указанная драма его сочинения неизвестна) акцентировал еще М. П. Алексеев. На первый из этих источников вдохновения начинающего писателя указывал мемуарист:

«На немецком театре⁸ выдавались тогда двое: г. Кунст и г-жа Лилла Лёве. Впечатление, произведенное последнею актрисою на Федора М<ихайлови>ча в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решился разработать этот сюжет для русской сцены...»⁹.

Это указание, впрочем, было подвергнуто сомнению дотошным исследователем: «Лилла Лёве — одна из талантливейших немецких артисток. Но мы не располагаем доказательствами, что в ее репертуар входила роль шиллеровской Марии Стюарт. Пьеса эта в Немецком театре в ту пору не шла. <...> В немецких биографиях Лиллы Лёве также нет указаний на ее выступления в роли Марии Стюарт» [Гозенпуд: 43]¹⁰. «Аберрацией памяти» объясняет ошибку мемуариста Б. Н. Тихомиров, поставив задачу перед исследователями: «Значит, обращение писателя к образу шотландской королевы было

⁷ Ср.: «...от первых литературных замыслов Достоевского ясно различимые нити тянутся к проблемам "Преступления и наказания" и "Братьев Карамазовых"» [Алексеев: 46].

⁸ Имеется в виду немецкая труппа, выступавшая на сцене Михайловского театра Петербурга.

⁹ Ризенкампф А. Е. Воспоминания... С. 219.

¹⁰ См. там же и отрезвляющие соображения (вслед за А. С. Долининым) относительно участия В. В. Самойлова в «происхождении» театральных опытов Достоевского [Гозенпуд: 37–38].

вызвано какими-то другими впечатлениями, которые еще предстоит установить» [Тихомиров: 35].

Можно предположить, что Ризенкампф все же верно указал на театральные впечатления юного Достоевского как на первотолчок в формировании интересующих нас драматургических опытов, только он контаминировал в своей памяти разные явления, что не редко в мемуаристике: сильное впечатление от игры Лиллы Лёве в каких-то других спектаклях (возможно, также по Шиллеру: принцесса фон Эболи в «Доне Карлосе» и Луиза в «Коварстве и любви») и впечатление от игры русских актеров в спектакле по пьесе Шиллера «Мария Стюарт», шедшем на сцене Александринского театра в октябре — ноябре 1834 г., а затем в 1838 г. — 2 и 7 ноября, в 1844 — 27 сентября и 17 октября [История...: 273]. Достоевский мог еще увидеть эту постановку, привезенную петербуржцами в Москву на бенефис Д. Орлова 3 мая 1835 г. [История...: 273], ведь водили же его на «Разбойников» с Мочаловым еще в 10-летнем возрасте (Д30; т. 30;: 212), а московская «Мария Стюарт» вызвала тогда особый интерес театральной публики, поскольку в этом спектакле первый раз сошлись на одной сцене два ее кумира, вечные соперники Мочалов (Мортимер) и Каратыгин (Лейстер). Еще более вероятными представляются нам петербургские ноябрьские спектакли 1838 г., потому что это то самое время, о котором год спустя Достоевский писал брату: «Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. <...> Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им...», — и при этом особо выделил Мортимера, пламенного обожателя Марии Стюарт в шиллеровской трагедии (Д30; т. 28;: 69). В спектакле, который мог видеть Достоевский, блистали А. М. Каратыгина (Мария Стюарт) (см. Илл. 1) и В. А. Каратыгин (Лейстер). Образ королевы в исполнении Каратыгиной был «проникнут сдержанным страданием, королевским и человеческим достоинством, мужественной покорностью судьбе» [Кудряшева: 21] (чувства, особенно близкие тогда Достоевскому, судя по письмам к брату). Еще одно качество актрисы способствовало ее проникновению в роль — ее собственная и редкая для профессии «образованность»¹¹, аутентичная играемому историческому персонажу.

Рецензент «Северной пчелы» так передавал свои впечатления от пьесы:

«Исторія несчастной Королевы Шотландской, кажется, создана, будто нарочно, для трагической музы <...>. Злополучная Марія окружена въ послѣдніе часы свои всѣмъ блескомъ королевскаго сана, всею прелестію твердости, красоты, страданія. Вы невольно плачете о ней въ ту минуту, когда она прощается со своими служителями и съ міромъ; вы жалѣете и скорбите объ ней, но въ то время тайный голосъ смягчаетъ въ душѣ зрителя горечь роковаго жребія

¹¹ В. В. В. <Строев В. М.> Біографія Александры Михайловны Каратыгиной. СПб.: Въ тип. М. Д. Ольхина, 1845. С. 22.

несчастной Королевы, и онъ, въ благоговеніи къ Промыслу, безмолвствуетъ предъ небесною карою, показывающею заблужденія этой женщины; онъ видитъ, что голова Маріи падаетъ какъ искупительная жертва — и ропотъ негодованія замираетъ на устахъ его. Судъ неба строгъ, но правдивъ. Въ *Маріи Стюартъ* Шиллеръ остался поэтомъ Христіанскімъ и чисто современнымъ; онъ усладилъ послѣдній часъ злополучной Королевы чувствомъ религіознымъ, которое одно могло быть достойнымъ посредникомъ между этою бурною жизнію и ея ужасною кончиною; но въ возвышенности идеи и въ силѣ впечатлѣнія, поэтъ приблизился къ духу древней трагедіи, передавъ величавую, строгую красоту Греческой музы»¹².

Илл. 1. Портрет А. М. Каратыгиной в роли Марии Стюарт¹³

Fig. 1. Portrait of A. M. Karatygina as Mary Stuart

¹² Александринскій и Михайловскій театры // Сѣверная Пчела. 1838. 2 дек. № 274.

¹³ В газете «Северная Пчела» было опубликовано объявление: «На дняхъ поступить въ продажу прекрасно литографированный и весьма сходный портретъ отличной нашей артистки А. М. Каратыгиной, въ роли Маріи Стюартъ. Онъ сдѣланъ тѣмъ же самымъ

Рецензент отметил некоторый недостаток постановки:

«Г-жи Каратыгина и Брянская очень старательно декламировали свои роли (Марии и Елисаветы), но не *играли*. Между этими словами находится огромная разница, которую теперь начали понимать просвѣщенные зрители: они требуютъ отъ артистовъ *натуры*, т. е. игры, а не *притворства*, т. е. декламации»¹⁴.

Как свидетельствовал другой рецензент, пьеса, поставленная в сезон 1834–1835 г., «произвела гораздо болѣе впечатлѣнія и привлекла въ Александринскій театр болѣе порядочную публику. Роль несчастной Шотландской королевы очень удалась А. М. Каратыгиной; сцена свиданія съ Елисаветою разшевелила зрителей»¹⁵. Роль Марии Стюарт стала одной из самых любимых в репертуаре великой актрисы, так что завершая карьеру, она для прощального спектакля 17 октября 1844 г. выбрала именно эту пьесу¹⁶.

Вероятно, игра Каратыгиной «расшевелила» близкого к театру Н. В. Кукольника и сподвигла на создание поэмы «Мария Стюарт», оставшейся незаконченной, но отрывки из которой поэт напечатал в 1839 г.¹⁷, т. е. когда вызревал и замысел Достоевского. Основной мотив поэмы — безумная любовь трубадура Риццио к королеве, прототипом послужил ее секретарь Риччо, о трагической судьбе которого сетует шиллеровская Мария Стюарт. Написанный Кукольникром романс Риццио «Кто она и где она» был положен на музыку М. И. Глинкой и начинал его популярнейший цикл «Прощание с Петербургом»¹⁸.

художникомъ [В. И. Гау], который подарилъ уже насъ портретами Г-жи Степановой (въ роли Пеки) и В. А. Каратыгина (въ роли Гамлета). Желающие могутъ его получить въ магазинѣ Юнкера, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви» (Сѣверная Пчела. 1838. 21 нояб. № 264).

¹⁴ Александринскій и Михайловскій театры.

¹⁵ Вольфъ А. И. Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1828 до начала 1855 года. СПб.: Тип. Р. Голике, 1877. Часть 1. С. 39.

¹⁶ В. В. В. <Строев В. М.> Биографія Александры Михайловны Каратыгиной. С. 21.

¹⁷ Кукольникъ Н. Распутъе. Пѣснь Риццио. Изъ поэмы: «Марія Стюартъ» // Утренняя Заря. Альманахъ на 1839 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. СПб.: Въ тип. Е. Фишера, 1839. С. 162–163; Он же. Eхordium <начало — лат.> изъ большой романтической поэмы: «Марія Стюартъ» // Там же. С. 367; Он же. Прогоулка Маріи Стюартъ, въ С. Жерменскомъ паркѣ (Глава VIII изъ большой романтической поэмы: *Давидъ Риццио*) // Новогодникъ, собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ, современныхъ русскихъ писателей, изданный Н. Кукольникомъ. СПб.: Въ Тип. А. Плюшара, 1839. С. 43–56. В 1843 и 1844 г. Кукольник напечатал еще два отрывка из поэмы, всего же к 1839 г. было написано 12 частей, оставшихся в основном в архиве поэта (см.: Поэты 1820–1830-х годов / биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина, общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 747–748. Сер: Библиотека поэта).

¹⁸ Прощаніе съ Петербургомъ. Романсы и пѣсни. Слова Н. В. Кукольника, музыка М. И. Глинки. СПб.: Музыкальный Магазинъ «Одеонъ», 1840. Кукольник в печатном отклике заявил: «Первымъ произведеніемъ [цикла] былъ романсъ *Давида Риццио*, изъ много-стиховной моей поэмы, которую я такъ крѣпко люблю, что не могу окончить... Глинка украсилъ его такою наивною, очаровательною музыкой, что романсъ Риццио, сталъ

В театральном контексте нельзя не упомянуть еще и дошиллеровскую трагедию «Мария Стюарт», сочиненную в 1783 г. популярным тогда немецким писателем К. Г. Шписом и затем переработанную им для второго издания¹⁹. Она повествовала о неудавшейся попытке освобождения Марии герцогом Норфолком, расплатившимся жизнью за любовь к непобежденной узнице. Трагедия имела свои достоинства (см.: [Макаров, Киричук]) и в переделке А. И. Шеллера (неопубликованной) шла в Петербургском Императорском театре в 1810, 1829, 1830 и 1833 гг. [История...: 273]. В ней блистала «царица сцены» Екатерина Семенова, известная Достоевскому только по театральным легендам, но от нее многое перешло к ее «наследнице» — упоминавшейся выше Каратыгиной — по собственному признанию последней. Нельзя совершенно исключить знакомства Достоевского с этой, более камерной, чем у Шиллера, пьесой в немецком оригинале, хотя вероятность такого знакомства очень невелика. Трагедия Шписа тем не менее поспособствовала формированию притягательного образа «русской» Марии Стюарт, благодаря воздействию на зрителя прославленной актрисы, вошедшей в предания.

Эффект «облечения» театром, как мы полагаем, стал для начинающего писателя важнейшим творческим катализатором, но были и другие значимые возбудители.

Предварительно заметим, что трагедия великого драматурга, скорее всего, была известна Достоевскому на языке оригинала. По утверждению А. Г. Достоевской (см.: [Библиотека: 241]), в 1870-е гг. в библиотеке Достоевского был двухтомник: *Schiller's sämtliche Werke in zwei Bänden*. Paris: F. Loquin, 1836²⁰. В 1830–1840-е гг. в руках Достоевского могло быть одно-томное издание, более ходовое: *Schiller's sämtliche Werke in einem Bande*. Stuttgart and Tübingen: Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1834²¹ (издание выходило также в 1830-м и 1840-м гг.) (см. Илл. 2). Если учесть, что Шиллера в оригинале братья Достоевские начали читать задолго до поездки в Петербург в мае 1837 г., то вариант однотомника 1834 (или 1830) года представится более предпочтительным. Издание это носило энциклопедически-просветительский характер: на 1305 страницах были представлены все жанры (стихи, проза, статьи, драмы, переводы, письма), каждый в хронологической последовательности, в начале книги был портрет с мраморного бюста Шиллера, а в конце — биография писателя.

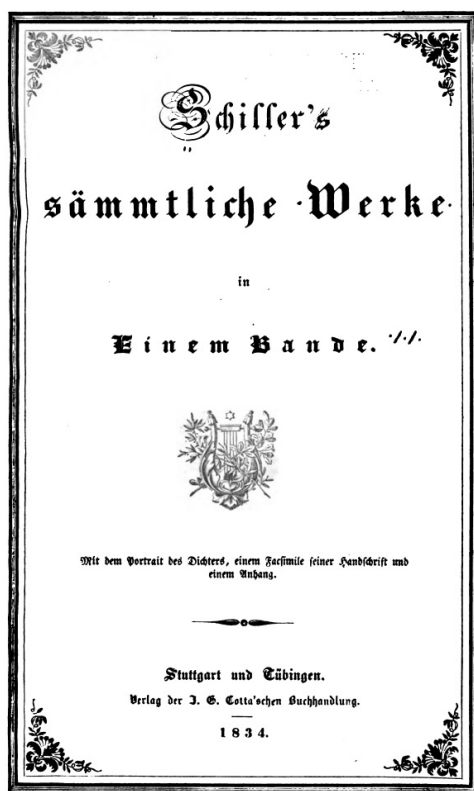
для меня еще дороже» (Кукольникъ Несторъ. Прощаніе съ Петербургомъ... // Художественная Газета. 1840. № 17. 1 сентября. С. 10).

¹⁹ Spiess Ch. H. Marie Stuart: ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Neue, ganz veränderte Auflage. Prag und Leipzig: bei Albrecht und Compagnie, 1792 (Шпис К. Г. Мария Стюарт. Трагедия в 5 действиях. Новое, совершенно переработанное издание. Прага и Лейпциг: Альбрехт и компания. — нем.).

²⁰ Schiller's sämtliche Werke in zwei Bänden. Paris: F. Loquin, 1836 (Собрание сочинений Шиллера в двух томах. Париж: Ф. Локен. — нем.).

²¹ Schiller's sämtliche Werke in einem Bande. Stuttgart and Tübingen: Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1834 (Собрание сочинений Шиллера в одном томе. Штутгарт и Тюбинген: Издательство книжного магазина И. Г. Готта. — нем.).

В распоряжении Достоевского мог оказаться и единственный на долгие годы полный русский перевод А. А. Шишкова²², по которому и был поставлен упоминавшийся спектакль Александринского театра. Достоевский, возможно, невысоко ценил этот перевод (нельзя исключить, что он и не знал про его публикацию), т. к. летом 1844 г. настойчиво рекомендовал брату Михаилу взяться за перевод «Марии Стюарт» в числе других произведений Шиллера (ДЗ0; т. 28₁: 90).

Илл. 2. Титульный лист собрания сочинений Шиллера 1834 г.

Fig. 2. Title page of Schiller's collected works of 1834

²² Избранный нѣмецкій театръ. Переводъ Александра Шишкова 2. Томъ второй, содержащій въ себѣ трагедіи: 1) Марія Стюартъ въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Шиллера, и 2) Князя Хованскіе, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Раупаха. М.: Въ Университетской Типографіи, 1831. Перевод «Марии Стюарт» Шишкова включался в собрания сочинений Шиллера, издававшиеся Н. В. Гербелем начиная с 1857 г. и до шестого издания 1884 г. — до появления нового перевода П. И. Вейнберга. Печатался перевод Шишкова также в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина (1888 и 1893 гг.). В конце XIX в. стали издаваться и другие переводы.

Существовала еще французская переделка Шиллера (1820), сочиненная П.-А. Лебреном, переведенная на русский язык и опубликованная Н. Ф. Павловым²³. Она была поставлена в Московском императорском театре в 1825 г. как раз накануне событий 14 декабря, но после двух представлений сошла со сцены и вряд ли была известна Достоевскому. Да и ценность ее ввиду двойного «приспособления» — французского и русского — оставляла желать лучшего²⁴.

Шиллер выстроил сюжет на противостоянии двух сильных женских характеров — английской королевы Елизаветы и ее узницы — шотландской королевы Марии. Упоение властью, соединенное со страхом потерять ее (ведущим к подлому замыслу тайного убийства, не состоявшегося лишь в силу благородства предполагаемых исполнителей), терзающие комплексы собственной неполноценности, соединенные с лютой женской ревностью к красоте и обаянию соперницы, — вот неполный перечень составных частей драматического характера шиллеровской Елизаветы. На другом полюсе в характере Марии борются искреннее желание смириться и столь же искреннее негодование попорченного королевского и человеческого достоинства. В сочиненной драматургом (не бывшей в реальности) кульминационной сцене встречи двух великих женщин (д. 3, явл. 4) они обе не смогут удержаться от оскорблений, причем инициатива принадлежит сильнейшей, Елизавете, не принявшей предложенного Марией слишком *идеального* варианта — сказать слабейшему: «Ihr send frei, / Maria! Meine Macht habt Ihr gefühlt, / Jetzt lernet meinen Edelmuth verehren»²⁵ («Мария! Мощь мою узнала ты, / Узнай теперь, сколь я великодушна!»)²⁶. Она отвергает его во имя

²³ <Лебрен Пьер-Антуан>. Мария Стюартъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переведена съ Французскаго Н. Павловымъ. Представлена въ первой разъ на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ 27 Ноября 1825 года. М.: Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической Академіи, 1825.

²⁴ В архиве Дирекции императорских театров сохранилась любопытная переписка театрального начальства, свидетельствующая о конкуренции в 1827–1828 гг. двух указанных выше пьес под общим названием «Мария Стюартъ», Шписа и Лебрена-Павлова, закончившаяся победой Шписа (РГИА. Ф. 497. № 3530. Л. 1–5). Упомянем еще об одном театральном событии — постановке в ноябре 1844 г. на сцене Александринского театра драмы в 3-х действиях П. П. Каменского «Давидъ Кленгоръ, шутъ Маріи Стюартъ» (опубл.: Русский Вѣстникъ. 1843. № 7–9) о любви шута к своей королеве. Прототипами главного героя могли быть два исторических персонажа. Первый — французский поэт Пьер де Шателар, сопроводивший королеву в Шотландию, воспевавший ее в стихах и позволивший себе проникнуть в ее спальню, за что был казнен по обвинению в посягательстве на честь Ее Величества. Другой — уже упоминавшийся итальянский музыкант и секретарь королевы Риччо, убитый заговорщиками на ее глазах. Спектакль выдержал семь представлений [История...: 238], не исключено знакомство Достоевского с этой пьесой.

²⁵ Schiller's sämtliche Werke in einem Bande. Stuttgart und Tübingen: Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1834. S. 439 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=CdKEAAAIAAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=true (10.08.2023). (Ты свободна, / Мария! Ты почувствовала мою силу, / Теперь научись почитать мое благородство. — нем.)

²⁶ Избранный нѣмецкій театръ... С. 103.

проверенного временем правила королей: «Gewalt nur ist die einz'ge Sicherheit»²⁷ («Власть одна, насилие / обезопасить <меня>»)²⁸. Нравственную победу, оплаченную неминуемой теперь казнью, одерживает у Шиллера Мария Стюарт: такова цена истинного величия. На втором плане столь же полярные мужские характеры царедворцев — Берли, требующего казни Марии, и Толбота, взывающего к пощаде (д. 2, явл. 4), — оба в равной степени бесконечно преданные **идеи** пользы государству, только один видит спасение Англии в способности власти к необходимому насилию, а другой просит не заглушать голос жалостливого сердца королевы: «Wollt Ihr der Gnade sanfte Regung hindern?»²⁹ («...ужели захотите / Остановить порывъ великодушный?»)³⁰. Третий вариант — двуличный в своем эгоизме Лейстер — бесславно проигрывает обоим идеологам. В пьесе есть еще один характер, Мортимер, именно его упомянет Достоевский в ряду трех наиболее значимых для него шиллеровских героев в письме к брату 1 января 1840 г., т. е. когда формировался замысел собственной «Марии Стюарт»:

«Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Читая с ним Шиллера, я поверял *над ним*³¹ и благородного, пламенного Дон Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера» (ДЗ0; т. 28;: 69).

²⁷ Schiller's sämtliche Werke... S. 438 (Насилие (сила, власть, могущество) — это единственная безопасность. — нем.).

²⁸ Избранный нѣмецкій театръ... С. 102. Ср. в переводе Б. Пастернака 1958 г.: «Лишь сила мне порукой»; в переводе Н. Вильмонта 1975 г.: «Насилье! Лишь оно моя ограда».

²⁹ Schiller's sämtliche Werke... S. 430 (Не хотите ли вы помешать милости нежного побуждения (чувству милосердия)? — нем.).

³⁰ Избранный нѣмецкій театръ... С. 66.

³¹ Имеется в виду И. И. Бережецкий, друг Достоевского в Инженерном училище. «Эта дружба, — пишет далее Достоевский, — так много принесла мне и горя и наслаждения! Теперь я вечно буду молчать об этом...» (ДЗ0; т. 28;: 69). В. С. Нечаева предположила, что этот «горький» эпизод отразился в воспоминаниях героя «Записок из подполья» о своем школьном товарище: «...я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой. Я испугал его моей страстной дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся душа; но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, — точно он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения» (ДЗ0; т. 5: 140) [Нечаева: 80–81]. В определении прототипических ситуаций не следует искать точных и прямых отражений их в художественном тексте, так и в данном случае «деспотизм» подпольного героя, скорее всего, лишь частично отразил драму Достоевского и Бережецкого. Подоплека этой последней была, очевидно, куда более сложной, чем просто «подчинение» одного другому. Задумавшись, что означает выражение «поверяя <Шиллера> *над ним*», противостоящее выражению «читая <Шиллера> с ним». То, что Достоевский в натуре играл указанных шиллеровских героев, экспериментируя над собой и над товарищем? И не потому ли результатом такой, жестокой, в общем, **пробы** стали «горе» порвавшейся дружбы и «наслажденье» обретаемой творческой лаборатории (сродни деспотизму, но не деспотизм в его чистом виде).

Не исключено, что важную роль в собственной пьесе Достоевский отводил именно «спасителю» Марии Мортимеру. В своем первом драматическом опыте Достоевский мог развернуть шиллеровский характер, парадоксально соединяющий в себе высокое благородство с не знающей пределов чувственностью (нечто вроде будущего «шиллерианца» Дмитрия Карамазова). Охватившая влюбленного юношу всепоглощающая страсть для предмета его любви пагубна ничуть не меньше, чем убийственная ревность соперницы. Мортимер влюбляется в Марию, увидев ее портрет, он так поражен красотой несчастной королевы, что готов отдать жизнь ради ее спасения. Очевидно, что этот исходный экфрасис запомнился Достоевскому и отразился затем в романах «Идиот» и «Подросток».

2

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с замыслами Достоевского — тот факт, что в мировой драматургии уже имелись шедевры с такими названиями: «Мария Стюарт» Шиллера и «Борис Годунов» Пушкина. Нельзя исключить гордый «момент состязательства» [Алексеев: 49]³² начинающего, но много о себе возомнившего автора, однако «сокрытый двигатель» стоит поискать в другом месте, а именно в тогда уже сказавшейся **природе дарования** Достоевского. На нее указывал сам писатель в письмах к брату Михаилу.

16 августа 1839 г. он писал:

«...учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно...» (ДЗ0; т. 28₁: 63).

24 марта 1845 г.:

«Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать» (ДЗ0; т. 28₁: 108).

Чтение в таком случае переставало быть вос-приятием, переходя на рельсы вос-создания. Чтение в существе своем процесс творческий, но в случае Достоевского важен градус со-творчества, когда чтение естественным образом порождает художника. Писатель порою передавал этот дар своим героям, такова его Нечочка Незванова:

«Вообразив себя героиней каждого прочитанного мною романа, я тотчас же помещала возле себя свою подружку-княжну и раздвоявала роман на две части,

³² Ср.: «Судьба не сохранила первые литературные опыты Достоевского, но примечательны их сюжеты, обнаруживающие меру поэтических притязаний юного автора. Соперниками на поэтическом поприще Достоевский выбирает двух кумиров — Шиллера и Пушкина. И можно не сомневаться — он не подражал» [Захаров, 2013: 71–72].

из которых одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала беспощадно моих любимых авторов» (Д30; т. 2: 238).

В журнальном варианте далее следовало еще более откровенное (и потому, вероятно, вычеркнутое в переиздании):

«Таким образом я переделала в голове всего Вальтера Скотта по-своему, затем что по канве его романов как-то любовнее принималось мое сердце рассказывать себе же самому, в самых узорчатых, самых прихотливых формах, свои теплые, прихотливые, досужие грезы» (Д30; т. 2: 452).

Заметим, к слову, что повесть Неточки создавалась как история рождения художника. Сам по себе способ работы «по канве» просматривается во многих замыслах Достоевского, которые он то называет «моими "Отцами и детьми"» (Д30; т. 22: 7), то ищет подобия в «Евгении Гранде» (Д30; т. 28: 100), «Войне и мире» (Д30; т. 29: 117), «Герое нашего времени» (Д30; т. 11: 115), «Обломове» (Д30; т. 7: 166; т. 29: 118), «Скупом рыцаре» (Д30; т. 28: 51) и т. д. Творческое самоопределение часто шло у Достоевского (гораздо чаще, чем у большинства коллег-писателей) через отталкивание от литературных образцов: так велико было стремление дописать, иногда исправить и тем самым **развить** сказанное предшественниками. Дар первооткрывателя парадоксальным образом произрастал из способностей продолжателя. Гениальным читателем остроумно назвал Достоевского А. Л. Бем, точно описавший его «восприимчивость к чужому художественному творчеству»: «Он не только читал, но творил вместе с читаемым автором, сживался с его героями, переносил их в иную обстановку, заставлял их жить новой для них, мятущейся и трагической жизнью. Его возбуждали затронутые в читаемой книге идеи, и он их художественно претворял, из намеков создавал глубочайшие проблемы, которые разрабатывал в своем творчестве» [Бем: 56]. Мы понимаем это так, что Достоевский прочитывал то, что есть у предшественников, но не было раскрыто ими во всей полноте возможных смыслов, а затем реализовывал выявленный потенциал в новом слове, как проращивают зерно в новое растение. Очевидно, подобной операции были подвергнуты начинающим писателем известные пьесы Шиллера и Пушкина³³.

И если уж действительно имела место состязательность, то, зная характер храбреца (хотя бы по основательным, проникающим в тайны ремесла

³³ Такая особенность творческой личности в ранний период ее созревания способна приобретать и опасные, злокачественные формы, о чем свидетельствует тот же мемуарист (между прочим, медик по профессии): «Я не мог не заметить, что, в то время как Григорович предметы для своих описаний брал из близко наблюдаемой им действительной жизни, Федор М<ихайлови>ч, живя почти затворником и отказываясь от общества, стал создавать себе каких-то химерных героев, отчасти по прочитываемым им французским романам, а отчасти по собственной своей мечтательной и фантастической натуре» (Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 221–222). Болезнь эту, пограничную с творческой фантазией, писатель передал своему герою — Мечтателю из «Белых ночей».

письмам к брату того периода), мы можем быть уверены, что смелость его не была удалью на пустом месте, ей сопутствовал определенный расчет созревающего художника. И это, пожалуй, главный вопрос нашей реконструкции: а что нового предлагал миру пришедший в него юный соперник гениев? Что такое осталось не реализованным в гениальных пьесах Шиллера и Пушкина, что могло быть дописано?

Ключ к разгадке, как мы полагаем, подает мемуарист, достоверность воспоминаний которого в целом не вызывает сомнений (см.: [Фокин: 28–29]). Это хороший знакомый начинающего писателя, упоминавшийся уже Александр Егорович Ризенкамф; дважды в своих воспоминаниях он указал на специфику замысла Достоевского:

«В то самое время Федор Михайлович (т. е. в 1839-м году) **читал всё, касавшееся жизни и казни Марии Стюарт**, намереваясь написать трагедию на этот сюжет, но не перевод или подражание шиллеровской трагедии, но совершенно оригинальную, **согласную с историческими данными**»³⁴.

«...он решился разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, но самостоятельно **и согласно истории**. В 1841-м и 1842-м годах это была одной из главных его задач, и то и дело он нам читал отрывки из своей трагедии "Мария Стюарт"»³⁵.

В первой посмертной биографии Достоевского этот эпизод со слов Ризенкамфа передан был так:

«Достоевский хотѣлъ обработать эту трагическую тему по своему, для чего **тщательно принялся за приготовительное историческое чтение**»³⁶.

Что же могло быть в пьесе Достоевского «согласно истории», что отсутствовало у Шиллера? Свою версию предложил А. А. Гозенпуд: «Конечно, спорничать с Шиллером или оспаривать его трактовку Достоевский не мог. Так как великий драматург остановился на последнем периоде жизни Марии Стюарт, то естественно предположить, что для своей пьесы Достоевский избрал события молодости шотландской королевы, быть может, историю ее взаимоотношений с Дэвидом Риччо, придворным музыкантом (лютнистом), убитым у нее на глазах Дарнлеем, столкновение с шотландскими феодалами, заточение в замке Лох-Ливен и бегство оттуда. Этот драматический период жизни Марии Стюарт привлекал немецких, английских, итальянских, французских, норвежских и польских драматургов. <...>

³⁴ Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 212. Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — В. В.

³⁵ Там же. С. 219.

³⁶ Миллеръ О. Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго // Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 41.

В пользу такого предположения говорит и то, что Достоевский был знаком, помимо трагедии Шиллера, с другой, не менее известной трактовкой темы, которую дал Вальтер Скотт в романе "Аббат"» [Гозенпуд: 46–47].

Предложенная версия представляется нам маловероятной. Вряд ли Достоевский ограничился «событиями молодости шотландской королевы»; хорошо осведомленный мемуарист, как мы помним, утверждал, что Достоевского интересовала как «жизнь», так и «казнь Марии Стюарт» (1542–1587), правая или неправая. «Заточение в замке Лох-Ливен и бегство оттуда» были красочно изображены Вальтером Скоттом в романе «Аббат» ("The Abbot", 1820), и, безусловно, нельзя исключать воздействия на молодого писателя явленного там образа Марии Стюарт как воплощенного благородства³⁷, однако вряд ли Достоевский собирался инсценировать это произведение. В таком случае Ризенкампф с его немецкой педантичностью наверняка не преминул бы отметить столь важное обстоятельство, он же, напротив, усиленно напирает на «оригинальность» своего товарища.

Достоевский так или иначе вставал в значимый ряд европейских авторов: пьесы о шотландской королеве в апологетическом ключе создали Лопе де Вега («Трагическая корона», 1627), Йост ван ден Вондел («Мария Стюарт, или Замученное величие», 1646), стихи в ее честь слагали Ронсар, Дю Белле, Беранже, Теннисон, Леся Украинка, а с другой стороны, разоблачительную антишиллеровскую пьесу об авантюристке-грешнице в 1830 г. написал Юлиуш Словацкий (см.: [Мельков, Никольский]). Музыку на стихи самой Марии Стюарт писали Р. Шуман и Р. Вагнер, в первой трети XIX в. она стала героиней трех опер, в том числе Г. Доницетти (1835). Не думаем, что молодой писатель знал обо всех своих предшественниках, но трагедия Шиллера и роман Вальтера Скотта, безусловно, были ему хорошо знакомы. У обоих названных авторов непритворно благородная и добросердечная Мария Стюарт вызывает сочувствие как жертва исторических обстоятельств, козней жестокосердых врагов, а по Шиллеру, еще и женской мстительности Елизаветы I (1533–1603). В романе Вальтера Скотта главный интерес сосредоточен на самоотверженных защитниках Марии, а в трагедии Шиллера — на двуличии и малодушии ее главной гонительницы, английской королевы. Мы полагаем, что в драме Достоевского на передний план должна была выйти сама Мария: не в противостоянии Елизавете (так у Шиллера), а в ее

³⁷ Достоевскому скорее всего был известен русский перевод: «Аббатъ, или Нѣкоторыя черты жизни Маріи Стюартъ, Королевы Шотландской. Сочиненіе Сира Вальтера Скотта; въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ Англійскаго [Политковскаго]. СПб.: Въ типографіи Императорскихъ Театровъ, 1825». В краткой рецензии на это издание О. Б. (Фаддей Булгарин) отмечал: «Аббатъ есть одинъ изъ лучшихъ Романовъ знаменитаго Шотландскаго Писателя. Здѣсь представляется во всѣхъ его оттѣнкахъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ (хотя не блестящихъ) характеровъ историческихъ — характеръ Маріи Стюартъ, славной умомъ, красотою, преступленіями и злополучіемъ. <...> Что касается до Русскаго перевода, <...> этотъ переводъ принадлежитъ къ разряду лучшихъ въ семъ родѣ» (Сѣверная Пчела. 1826. 4 февр. № 15).

собственной психологической коллизии, то есть в страданиях, страстях и совести царственной в своих взлетах и падениях личности. И, как указывает Ризенкампф, Достоевский должен был обратить особенное внимание на обстоятельства казни. Открытая расправа над венценосной особой стала зловещим прецедентом для последующей европейской истории; насильственная смерть монарха (вдовствующей королевы Франции, смещенной со своего престола королевы Шотландии, законной претендентки на английский трон) и раньше не была здесь чем-то невиданным, но теперь это было убийство, оформленное «по закону», а по существу, утверждаемая даже церковными деятелями «кровь по совести». Одна из эпитафий на ее могиле гласила: «...вместе со священным прахом блаженной Марии здесь лежит растоптанное и поруганное величие всех королей и государей» [Грэм: 385].

3

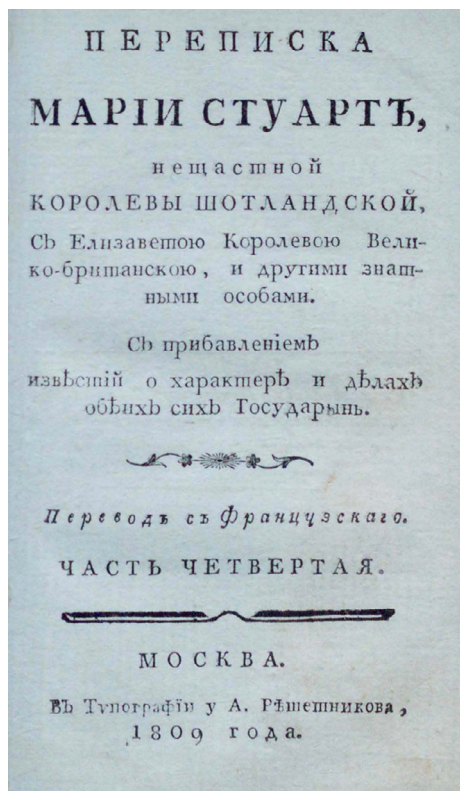
Чтобы дополнять Шиллера, Достоевскому следовало вооружиться знанием историографической фактуры, что он и предпринял, по свидетельству Ризенкампфа. В эту сторону его подтолкнули и события, происходившие в самой исторической науке, в источниковой базе ее. Открылись факты, не известные Шиллеру, завершившему работу над трагедией в 1800 г., да и Вальтеру Скотту, опубликовавшему «Аббата» в 1820 г. В последующие десятилетия, предшествовавшие замыслу молодого Достоевского, усилиями историков были представлены миру многие документы, приоткрывающие тайны биографии Марии Стюарт³⁸.

Вначале об источниках, которые, скорее всего, были известны Шиллеру и тем более Вальтеру Скотту. Внимание Достоевского, который «читал всё, касавшееся жизни и казни Марии Стюарт», не могло не привлечь солидное русское издание 1809 г. исторических свидетельств о ней³⁹ (см. Илл. 3). В первый из четырех томов вошло сочинение «Краткая жизнь Марии Стюартъ, Королевы Шотландской. (Писанная очевидцомъ)». Это был фрагмент мемуаров «*Vies des dames illustres françoises et etrangeres*» («Жизнеописания прославленных французских и зарубежных дам» — *фр.*) известного хрониста придворной жизни французских монархов Пьера де Бурдейля Брантома (Brantome, 1540–1614), впервые опубликованных в 1740 г. Мемуарист близко

³⁸ Этот процесс весьма интенсивно продолжался и впоследствии (см. проблемный обзор научных версий особенно активного в этом отношении конца XIX в.: [Юрьев]), продолжается и доныне, так, совсем недавно были открыты «тюремные» письма шотландской королевы (Губайловский В. Расшифрованы 57 неизвестных писем Марии Стюарт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techinsider.ru/science/news-1579881-kriptografy-nashli-i-rasshifrovali-57-neizvestnyh-pisem-marii-styuart/> (10.08.2023)).

³⁹ Переписка Марии Стюартъ, несчастной королевы шотландской, съ Елизаветою, Королевою Великобританскою, и другими знатными особами. Съ прибавлениемъ извѣстій о характерѣ и дѣлахъ обѣихъ сихъ государынь: Переводъ съ французскаго. Ч. 1–4. М.: Въ типографіи у А. Рѣшетникова, 1809.

наблюдал Марию Стюарт в период ее воспитания при французском дворе, короткого «счастливого» замужества за королем Франциском II, а после смерти последнего сопровождал вдовствующую королеву на ее новое поприще в Шотландию. Брантом был покорен «божественной красотой» королевы, в которой «душа равнялась ей прелестям»⁴⁰. «Всѣ удивлялись твердости Королевы Шотландской, — свидетельствует он о реакции католической Европы на гонения Марии со стороны победивших в ее стране протестантов, — и кажется ни кто съ такою неустрашимостію не сносилъ бѣдствій»⁴¹.

Илл. 3. Титульный лист издания 1809 г. «Переписка Маріи Стюартъ, несчастной Королевы Шотландской, съ Елизаветою, Королевою Велико-британскою, и другими знатными особами»

Fig. 3. The title page of the 1809 edition of “Correspondence of Mary Stuart, the Unfortunate Queen of Scots, with Elizabeth, Queen of Great Britain, and Other Notable Persons”

⁴⁰ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 11, 7.

⁴¹ Там же. С. 25.

В доказательство приводится ее предсмертное письмо к духовнику:

«Меня принуждаютъ теперь перемѣнить вѣру и принимать утѣшеніе отъ еретиковъ; но вы услышите отъ Буйонга и другихъ, что я умираю въ своей вѣрѣ»⁴².

Брантом передает также слова, сказанные королевой своим служителям перед казнью:

«Щастіе въ семъ мѣрѣ одна суета, жизнь моя можетъ быть сему примѣромъ <...>, достаюсь въ руки палача, хотя ни въ чемъ не виновна; но утѣшаюсь тѣмъ, что меня умерщвляютъ подъ предлогомъ гоненія за святую Католическую вѣру, которую не оставлю до послѣдняго издыханія, ибо я крещена въ ней. Я не желаю ни какой другой славы, а прошу только, что бы во всей Франціи услышали о моей твердости...»⁴³.

Со слов служителей, вернувшихся во Францию, передается и реакция организаторов казни:

«...назначенныя Комисары <...> увидѣвши такую твердость, соединенную съ тихостію и красотою чрезвычайно удивились; румянецъ пылалъ на щекахъ Маріи, и никогда она не была такою прелестною, какъ въ это время»⁴⁴.

Не получив разрешения на последнюю исповедь католическому священнику, Мария не подпустила к себе присутствовавшего при казни протестантского пастора, «но видя, что онъ продолжаетъ молитвы, она читала свои по Латынѣ, возвышая голосъ свой громче Пастора, почитая щастіемъ пролить послѣднюю каплю крови за вѣру, и надѣясь на Того, чье изображеніе держала въ рукѣ своей...»⁴⁵.

В последнем томе издания приведено жизнеописание гонительницы Марии — английской королевы Елизаветы, которую «англичане сравниваютъ <...> съ Великими Государями своими, и не безъ причины; она имѣла рѣдкое дарованіе необходимо нужное владѣтелямъ, быть любезною своимъ подданнымъ и ужасною врагамъ своимъ. Она положивши основаніе могущества, какимъ наслаждается народъ сей, вмѣстѣ дала ему знать, что неумѣренная вольность, которую онъ обожаетъ безъ твердаго правленія

⁴² Переписка Маріи Стюартъ... С. 27. Буйонг — врач королевы Доминик Бургойн (Bourgoyne), его дневник был использован шотландским писателем А. Блэквудом, апологетом Марии, в книге «La mort de la royne d'Escosse, douairiere de France» («Смерть королевы Шотландии, вдовствующей королевы Франции» — *фр.*), неоднократно публиковавшей начиная с 1587 г.

⁴³ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. С. 35.

есть одно привидѣніе»⁴⁶. Такая характеристика если не оправдывала, то объясняла отношение Елизаветы к Марии, приведшее к двум десятилетиям заточения последней: харизматичная католичка, законно претендующая не только на утраченную ею шотландскую, но в перспективе и на английскую корону, была опасна для становящегося протестантизма Британии. Жизнеописания двух королей, закольцовывавшие русское издание, вступали друг с другом в диалог двух правд, человеческой и государственной⁴⁷. Между ними расположились письма Марии, в основном к Елизавете, в которых человеческая правда звучала наивно и пронзительно-безответно.

11 февраля 1567 г.:

«Еслибъ Я могла говорить съ Вами лично, то Вы конечно бы раскаялись въ томъ, что меня заключили въ темницу»⁴⁸.

15 мая 1569 г.:

«Естьли Вы хотя не много знаете мое сердце и совѣсть, то конечно не повѣрите гнусной клеветѣ на меня»⁴⁹.

10 октября 1581 г.:

«Да и какая Вамъ польза отъ моего страданія, или слезы мои и вздохи Васъ радуютъ, или пріятно Вамъ видѣть хладной трупъ Маріи родственницы вашей и такого же какъ Вы человѣка?»⁵⁰.

28 ноября 1582 г.:

«...хочу остатокъ жизни моей употребить на то, чтобы прежде смерти освободить сердце мое отъ всѣхъ справедливыхъ жалобъ, открыть истинну и оправдаться предъ потомствомъ, къ стыду безчеловѣчно поступившихъ со мною. Такъ какъ Вы намѣренія, планы, дѣла сихъ варваровъ⁵¹ всегда уважали больше, нежели мои справедливые доказательства и искренніе поступки, то Я прибѣгаю къ живому Богу, единственному нашему судіи, который не посредственно поставилъ судъ надъ народомъ; Его призову въ глубокой

⁴⁶ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 4. С. 45.

⁴⁷ Именно этот мотив станет основополагающим в лучшем беллетризованном жизнеописании Марии Стюарт: «...человек, который закабалится политике, больше себе не принадлежит и подчиняется иным законам, нежели священные законы сердца» [Цвейг, 1963: 31]. Заметим к слову, что слова эти, далеко не бесспорные, но замечательные в остроте постановки проблемы, принадлежат одному из последователей Достоевского, оценившему в русском писателе «его как будто фантастическую и в то же время такую подлинную человечность» [Цвейг, 1992: 62].

⁴⁸ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 115.

⁴⁹ Там же. Ч. 2. С. 29.

⁵⁰ Там же. С. 43.

⁵¹ Шотландских лордов-протестантов, свергнувших Марию.

моей печали, да воздасть Вамъ на Страшномъ судѣ Своемъ за грубые Ваши поступки со мною...»⁵². «У меня осталась одна душа, которую не можетъ заключить ни какая Ваша власть»⁵³.

19 декабря 1586 г. (после суда, признавшего Марию виновной в заговоре против английской королевы):

«...прошу милосерднаго Бога, праведнаго Судію, да просвѣтитъ васъ святымъ духомъ Своимъ, и да подастъ Мнѣ силу умереть къ совершенной любви къ Нему, какъ Я располагаюсь сдѣлать прощая смерть Мою всѣмъ тѣмъ, которые причиною тутъ, или содѣйствовали оной: прозъба Моя пребудетъ въ устахъ Моихъ до смерти, которой ожидаю съ не стерпѣніемъ потому, что она прекратитъ бѣдствія и печали, угрожающія сему острову⁵⁴, простите Меня, что оставляя свѣтъ сей и готовясь къ новой жизни, Я напоминаю вамъ, что вы нѣкогда будете отвѣчать за ваше опредѣленіе <...>. Сестра ваша и невинная арестанка Королева Марія»⁵⁵.

Достоевскому, очевидно, не чужда была эта драматургия попоранной человечности и стоической жертвенности, написанная самой королевой и безоговорочно воспринятая русскими издателями.

4

Теперь об источниках, которые наверняка не были известны Шиллеру и Вальтеру Скотту, но вполне могли оказаться в кругу чтения Достоевского. В период, предшествовавший его замыслу драмы о шотландской королеве, эту тему развивали труды Титлера, Раумера, печатавшиеся официальные документы эпохи, вряд ли доступные кадету Главного инженерного училища и затем подпоручику Инженерного корпуса (с новыми публикациями писатель мог позднее познакомиться по компиляции Ф. Шаля, о чем речь пойдет далее). Однако одна книга вполне могла оказаться тогда в руках Достоевского, тем более что вышла она в том же 1839 г., когда, согласно Ризенкампу, у начинающего писателя пробудился интерес к «историческим данным» (не послужила ли данная книга своеобразным первотолчком?). Это были письма Марии Стюарт и другие документы, изданные Александром Лобановым⁵⁶ (см. Илл. 4).

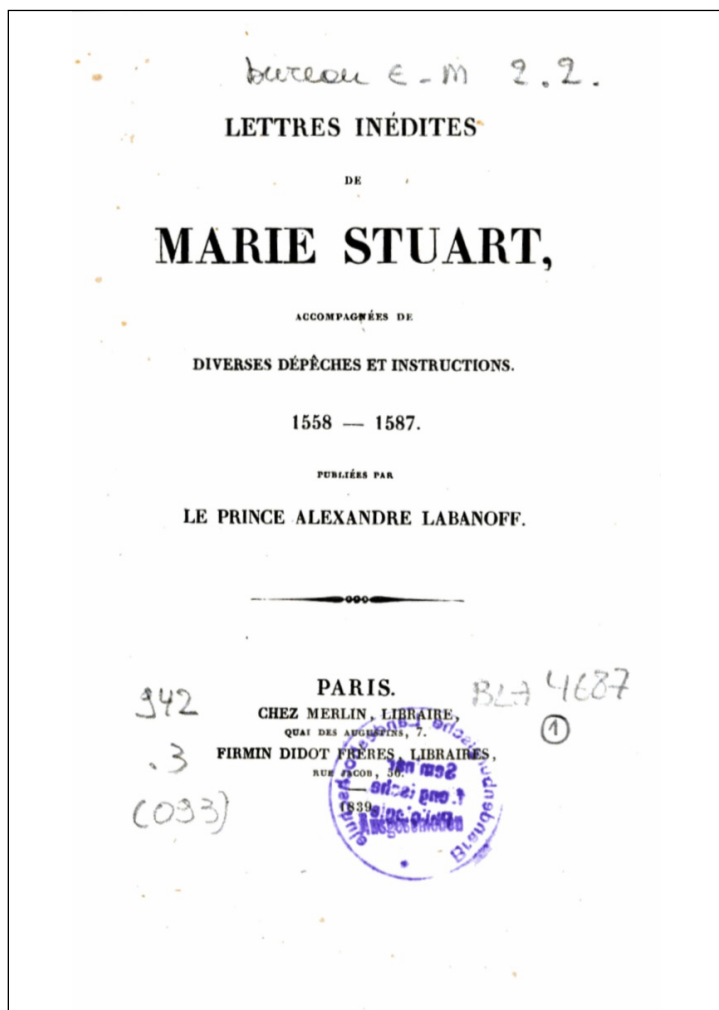
⁵² Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 45–46.

⁵³ Там же. С. 56.

⁵⁴ Имеется в виду остров Великобритания, на котором расположились и Англия, и Шотландия.

⁵⁵ Переписка Маріи Стюартъ.... Ч. 3. С. 75–76.

⁵⁶ *Lettres inédites de Marie Stuart accompagnées de diverses dépêches et instructions. 1558–1587. Publiées par Le Prince Alexandre Labanoff. Paris, 1839. 345 p.* (Неопубликованные письма Марии Стюарт вместе с различными депешами и инструкциями. 1558–1587. Публикация князя Александра Лобанова. Париж, 1839. 345 с. — *фр.*).

Илл. 4. Титульный лист книги А. Я. Лобанова-Ростовского
 “Lettres inédites de Marie Stuart accompagnées de diverses dépêches et instructions.
 1558–1587”. Publiés par Le Prince Alexandre Labanoff. Paris, 1839

Fig. 4. The title page of the book by A. Ya. Lobanov-Rostovsky “Unpublished Letters
 from Mary Stuart Accompanied by Various Dispatches and Instructions. 1558–1587”.
 Published by Prince Alexander Labanoff. Paris, 1839

На открытии книги автор называет четверых распространителей, среди которых «Stieglitz et Comp., à Saint-Petersbourg». Людвиг Штиглиц, известный петербургский меценат, особую заботу проявлял об учебных заведениях, так что протежируемое им издание могло с его подачи попасть в библиотеку инженерного училища или в ту, о которой Достоевский писал отцу 5 мая 1839 г.:

«Перейдя в высший класс, я нахожу совершенно необходимым абонироваться здесь на французскую библиотеку для чтения»⁵⁷ (ДЗ0; т. 28₁: 59).

Князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1788–1866), известный петербургский богач, в сорок лет уйдя в отставку в чине генерал-майора, с необычайной страстью увлекся собиранием документов, связанных с Марией Стюарт. Это было похоже на ту легендарную влюбленность, что сопровождала королеву при жизни и затем перешагнула далеко за порог смерти. Указанная книга была первой из серии подготовленных им публикаций⁵⁸, в нее вошли 35 писем Марии Стюарт, впервые публикуемое ее заветное, написанное в ночь перед казнью, переписка современников, отчет о проведении казни.

Со страниц этих документов перед Достоевским вставала страдальческая тень обреченной на гибель королевы во всем величии духовного стоицизма. Таков отрывок из письма Марии герцогу де Гизу от 14 ноября 1586 г. после объявления приговора:

“Vous recevrez des tokens (bagues) de moy, pour vous ramentavoir de faire prier pour l’ame de vostre pauvre cousine, désolé de toute ayde et conseil, que de celui de Dieu, qui me donne force et courage de résister seule à tant de loups hurlants après moy, à Dieu en soit la gloire. <...> Dieu soit loué de tout, et vous donne la grace de persévérer au service de son Église tant que vous viverez, et jamais ne puisse ceste honneur sortir de nostre race, que tant hommes que femmes soyons prompts de respendre nostre sang pour maintenir la querelle de la foy, tous autres respects mondains mis à part; et quant à moy, je m’estime née du costé paternel et maternel, pour offrir mon sang en icelle, et je n’ay intention de dégénérer. Jésus crucifié pour nous, et tous les saints martyrs nous rendent, par leur intercession, dignes de la volontaire offerte de nos corps à sa gloire”⁵⁹.

⁵⁷ По предположению Б. Н. Тихомирова (в письме к автору данной статьи), это могла быть «Библиотека для чтения французских книг», которую содержал купец 3-й гильдии Иосиф Карлович Лури (ок. 1807–1895), позже привлекавшийся по делу петрашевцев. Она располагалась по адресу: Большая Морская, дом штабс-капитана Косиковского, № 15, на углу Невского, № 14 (соврем. № 14/15)». Не исключена, впрочем, и «библиотека у Смирдина», в которую «записывался» автобиографический герой «Петербургских сновидений в стихах и прозе» (ДЗ0; т. 19: 70, 269).

⁵⁸ См.: *Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d’Ecosse; publiés sur les originaux et les manuscrits du State Paper Office de Londres et des Principales Archives et Bibliothèques de L’Europe*, 7 vols. London, 1844 (Письма, инструкции и мемуары Марии Стюарт, королевы Шотландии; опубликованы по оригиналам и рукописям Государственного бумажного бюро в Лондоне, а также ведущих архивов и библиотек Европы) (рецензия: Библиотека для чтения. 1845. Т. 71. С. 69–76; компиляция: Там же. 1849. Т. 95. С. 35–61, 97–119); *Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart appartenant au prince Alexandre Lobanoff*. СПб., 1856 (2 изд., 1860) (Извещение о коллекции портретов Марии Стюарт, принадлежащих принцу А. Лобанову. СПб., 1856 г.).

⁵⁹ *Lettres inédites...* Р. 154–156. Перевод с французского здесь и далее — С. А. Савостиной.

(Вы получите мои кольца, чтобы Вы могли оплатить молитвы за душу Вашей бедной кузины, которая лишена всякой помощи и совета, кроме Господней, той, что дает мне силу и мужество одной противостоять столь многим волкам, воющим вокруг меня, и за это слава Господу. <...> Слава Господу за все, я прошу Вашу милость оставаться на службе Церкви до конца Ваших дней и чтобы никогда наш род не потерял этой чести, многие мужчины и женщины, ему принадлежащие, готовы пролить свою кровь в борьбе вероисповеданий, это важнее других, светских аспектов происходящего; и что касается меня, я считаю себя рожденной, как со стороны отца, так и матери, чтобы отдать мою кровь за свою веру, и я не собираюсь уклоняться. Иисус был распят за нас, и все святые мученики делают нас достойными добровольно пожертвовать собою в Его славу.)

В книгу Лобанова-Ростовского вошел отчет очевидца казни⁶⁰, английского протестанта, т. е. противника королевы, который тем не менее поражен был ее нравственной красотой.

“Durant la lecture de la dite commission, la Roynе d’Escosse usoit de silence, l’escoutant avec aussy peu de regard en cest endroict comme si ne luy eust en rien concerné, et d’une contenance aussy joieuse comme si ce luy eust esté ung pardon de la part de Sa Majesté pour sa vie; et usant aussy estrangement tant en parolles qu’en fait comme si elle n’eust jamais congneu aulcun de l’assemblée, ou qu’elle eust esté ignorante du langage anglois. Puis le docteur Flescher, doien de Peterborough, estant vis-a-vis d’elle et dehors des barrières, se courbant du corps, feist grande révérence, commençant ceste exortation qui s’ensuyt: Ma dame, la très excellente majesté de la Roynе d’Angleterre, etc., et proférant ces parolles trois et quatre fois. Elle respondist qu’elle estoit résolue en l’ancienne catholicque et romaine religion, et espéroit y respandre son sang en défence d’icelle; puis M. le doien dict: Ma dame, changez vostre oppinion et vous repentez de vos récéddentes meschancetez, et reposez vostre foy seulement en Jésus-Christ, afin que par luy soiez sauvée. Puis elle respondist de rechef “M. le doien, ne vous troublez point d’avantage, car je suis résolue en ceste ma religion et ay proposé mourir en icelle”. Les contes de Shrewsbury et de Kent, la voyant ainsy obstinée, lui dirent puisque elle ne vouloit ouyr l’exortation commencée par le dit M. le doien Nous priérons pour Vostre Grâce que, s’il plaist à Dieu, il vous veuille illuminer le cœur à la dernière heure de vostre vie avec la

⁶⁰ На казни присутствовало до 300 человек и свидетельств было немало. На их основе написан один из очерков книги: Scott Walter Sir. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. In Three Vols. Printed for Cadell and Co. Edinburgh; Simpkin and Marshall, London; and John Cumming, Dublin, 1828. Vol. I. Ch. XXXIII. (Рассказы дедушки из шотландской истории. В трех томах. Напечатано для издательств «Каделл и Ко», Эдинбург; «Симпкин и Маршалл», Лондон; и «Джон Камминг», Дублин, 1828. Том. I. Глава XXXIII). Перевод: Смерть Марии Стюартъ (Отрывокъ изъ Истории Шотландіи Вальтера-Скотта). [Перевел] Ѳ. Дьячковъ // Сѣверный Меркурій. 1830. № 94. 6 авг. С. 61–62. Описание казни Марии автор заключает выводом: «И нельзя сомнѣваться ни въ естественной добротѣ ея сердца, ни въ величіи ея души» (Там же. С. 62).

vraye congnoissance de Dieu et ainsy mourir en icelle. Puis elle respondist: "Si vous voulez prier pour moy, messeigneurs, je vous en remercie, mais pour me joindre en prière avec vous, je ne veux pas, car vous et moy ne sommes pas d'une religion". Puis les seigneurs appelèrent M. le doien qui, s'agenouillant sur les de grez de l'eschaffault, commença ses prières disant: O Dieu très gracieux et père miséricordieux, etc... Toute l'assemblée, sauf la Royne d'Escosse et ses servants, dirent après luy. Durant laquelle prière la Royne d'Escosse estant assise sur une selle ayant ung agnus Dei autour de son col, et ung crucifix en sa main, et une paire de patenostres en sa ceinture avec une croix d'or au bout d'icelles, et ung livre en latin en sa main, commença avec larmes et à haulte et ferme voix à prier en latin. Et au milieu de ses prières elle se lancea de sa selle à genoux et dist plusieurs prières en latin. Et à la fin des prières de M. le doien, elle estant à genoux pria en anglois à cet effet pour l'église affligée de Christ et pour la fin de leurs troubles, pour son filz et pour la Majesté de la Royne, afin qu'elle peust prospérer à servir à Dieu en droicture. Elle confessa qu'elle es péroit estre sauvée par et au sang de Jésus-Christ, aux pieds duquel crucifix elle vouloit respandre son sang. Puis le comte de Kent lui dist: Ma dame, mettez Jésus-Christ en vostre cœur et laissez ces fatras et tromperies. Puis elle, n'ayant peu d'égard ou point du tout à ce saint et bon conseil, passa oultre en ses prières, désirant à Dieu de destourner son ire de cette isle, et qu'il lui pleust luy donner sa grace et pardon de ses péchez. Ces prières et autres elle dit en anglois, disant qu'elle pardonnoit à ses ennemis de tout son cœur, et spécialement à ceulx qui avoient recherché son sang, priant à Dieu les vouloir convertir en la vérité. Et en la fin de ses prières elle pria tous les saints qu'ils feissent intercession pour elle en Jésus-Christ, et ainsy baisant le crucifix, et se croisant aussy, dist ces parolles: "Tout ainsy que tes bras furent estendus cy dessus la croix, ainsy reçois-moy en tes bras de mercy et me pardonne tous mes péchez". Ses prières estant finies, ses exécuteurs s'agenouillèrent, priant Sa Grâce leur vouloir pardonner sa mort, à qui elle respondist, disant: "Je vous pardonne de bien bon cœur, car à ceste heure j'espère que vous ferez fin de lous mes troubles". Puis eux et ses deux femmes lui aydant, commencèrent à la despouiller de ses habits, puis mettant son crucifix sur ceste selle, l'un des exécuteurs print l'Agnus Dei de son col <...>. Tout durant le temps qu'on luy tira ses habits, elle ne changea jamais de contenance, ains avec sousriante façon elle proféra ces parolles, "qu'elle n'avoit jamais eu telz serviteurs pour la déshabiller et qu'elle n'avoit jamais despouillé ses habitz devant telle compagnie"⁶¹.

(Во время чтения приговора королева Шотландии хранила молчание, слушая его со столь малым вниманием, как будто это нисколько ее не касалось, и столь радостно, как если б это было прощение со стороны ее величества [английской королевы] и решение о сохранении ей жизни; и действуя столь же странно, как на словах, так и на деле, как будто она никогда не знала никого из собравшихся и как будто она не знает английского языка. Затем доктор Флешер, декан Питерборо, стоя напротив и за ограждениями, с поклоном начал свое

⁶¹ Lettres inédites... P. 239–243.

служение словами: «Государыня, прекрасная своим величием королева Англии и т. д.», — и повторил их три или четыре раза. Мария ответила, что она решила оставаться в католичестве, проливая за него свою кровь; на что декан сказал: «Мадам, поменяйте Ваше мнение и раскайтесь в Ваших предыдущих злоумышлениях и верньтесь только Иисусу Христу, чтобы через Него получить спасение». Она ответила: «Господин декан, не беспокойтесь более, так как я решила остаться в моей вере и намерена умереть за нее». Графы Шрусбери и Кент, видя такое упорство, заявили, что раз она не хочет слышать уговоры декана, они сами помолятся за нее, чтобы, благодаря Господу, просветилось ее сердце настоящим пониманием Бога перед лицом смерти. Она ответила: «Если вы хотите молиться за меня, господа, я вас за это благодарю, но не собираюсь присоединяться к вашим молитвам, так как у вас и у меня разная вера». Призвали декана, который, встав на колени на ступеньки эшафота, начал молитву: «Милостивый и добросердечный Бог и т. д.». Все собрание за исключением королевы Шотландии и ее слуг повторяли за ним. Во время этой молитвы королева Шотландии, сидя на стуле, имея на шее *agnus Dei*⁶², распятие в руке и пару *pater nostra*⁶³ на поясе с золотым крестом на конце каждого из них, а также латинскую книгу в руках, начала со слезами, громким и твердым голосом молиться на латыни. Затем она бросилась на колени и произнесла еще несколько молитв на латинском языке. После молитвы декана она оставалась на коленях и стала молиться по-английски за поруганную церковь Христа, за прекращение вражды, за своего сына и за ее величество [английскую] королеву, чтобы она верно служила Богу. Она, как на исповеди, призналась, что надеется спастись кровью Иисуса Христа, у ног распятия Которого готова пролить свою кровь. Граф Кент ей заметил: «Мадам, примите Иисуса Христа в свое сердце и оставьте эти уловки и обманы». Она же, обращая очень мало или вовсе не обратив внимание на эти святы и добрые советы, молилась, чтобы Господь отвратил Свой гнев от этого острова и чтобы он вернул ему Свою милость и простил ему грехи. Эти молитвы и еще другие она читала по-английски, говоря, что она прощает своим врагам от всего сердца и особенно тем, кто искал ее крови, и просит Господа обратить их к истине. В последних молитвах она обратилась ко всем святым, чтобы они просили за нее Иисуса Христа, при этом целуя распятие и раскинув руки, как на распятии, она произнесла: «Твоими руками, простертыми на кресте, прими меня и прости мои грехи». Когда ее молитвы были закончены, экзекуторы встали на колени и просили ее милость простить им свою смерть, на что она ответила: «Я вас прощаю от всего сердца, так как надеюсь, что это положит конец всем моим страданиям». Потом они и две женщины, которые ей помогали, начали освобождать ее от одежд; положив распятие на

⁶² Агнец Божий (*лат.*), здесь — изображение Христа в виде агнца, жертвенного ягненка.

⁶³ “Pater noster” — «Отче наш» (*лат.*), молитва Господня, так у католиков называется набор четок в виде шнура, который носят на поясе или запястье.

сиденье, один из экзекуторов снял *agnus Dei* с ее шеи <...>. За все время, пока снимали с нее одежду, она не изменила выражения лица и, смеясь, произнесла: «Никогда еще у меня не было такой прислуги, и никогда меня не раздевали при такой компании».)

«Несчастливая королева» — заглавное и ключевое словосочетание издания 1809 г., подхваченное также Лобановым-Ростовским. В письме к Екатерине Медичи от 31 марта 1568 г. Мария сама подводит итог своим злоключениям: она наконец «узнала, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прочнаго, и челоувѣкъ рожденъ для несчастій»⁶⁴. В обоих рассмотренных изданиях, 1809 и 1839 гг., акцент был сделан на величии морального стоицизма Марии, безукоризненной преданности своему вероисповеданию и перенесенных за него страданиях. Достоевский мог прочесть в одном из ее писем 1584 г.: «...quo qu'il m'en puisse advenir, ne pouvant jamais, en cœur et en parolles, ester autre que je suis pay»⁶⁵. Трудно было пройти мимо столь потрясающего «самостоянья человека». Этот мотив на какое-то время мог затмить все остальные, в том числе и вопрос о мере виновности шотландской королевы. Более того, составители обоих изданий (как и Вальтер Скотт) склонялись к полному оправданию Марии от предъявленных ей обвинений. В издании 1809 г. были опубликованы пресловутые «письма из ларца», фигурировавшие на суде письма Марии к Босуэллу (ее любовнику, впоследствии мужу, организатору убийства Дарнли), добытые из его шкатулки и послужившие основанием для обвинения Марии в соучастии в убийстве. Русский издатель прямо называет их «подложными»⁶⁶, обнаруживающими множество нестыковок. При отсутствии подлинников это были, как утверждается, искусно составленные псевдопереводы⁶⁷, автором коих назывался шотландский историк, писатель и политик Джордж Бьюкенен (George Buchanan, 1506–1582), использовавший их в своих печатных инвективах 1571–1572 гг.⁶⁸ Их разоблачению посвящено вошедшее в книгу «Разсуждение о невинности Королевы

⁶⁴ Переписка Марии Стюарт... Ч. 2. С. 15.

⁶⁵ *Lettres inédites*... Р. 94. Что бы со мной ни случилось, я никогда не смогу, сердцем и словами, быть кем-то иным, кроме как самой собою (*фр.*).

⁶⁶ Переписка Марии Стюарт... Ч. 3. С. 83. Утверждается даже, что «Елизавета знала о выдумкѣ сихъ писемъ» (Там же. С. 110).

⁶⁷ Примѣчаніе на нѣкоторые пункты подложныхъ писемъ Марии Стюартъ // Там же. С. 109–135.

⁶⁸ Прежде всего: <Buchanan George>. Ane Detection of the duinges of Marie Quene of Scottes, toushand the murder of hir husband, and hir conspiracie, adulterie, and pretended mariage with the Erle Bothwell. And ane defence of the trew Lordis, maintaineris of the Kingis graces action and authoritie. Translatit out of the Latine quhilke was written by G. B. [London: John Day, 1571]. (Разоблачение шотландской королевы Марии относительно убийства ее мужа, а также заговора, супружеской измены и притворного брака с Эрлом Босуэллом. А также защита трех лордов, хранителей Короля и одобрение действия властей. Перевод с латинского G. B. — *англ.*).

Марии Стюартъ, природной и законной владѣтельницы Шотландской»⁶⁹ «неизвестного» сочинителя того времени.

Вопрос о подлинности «писем из ларца» был и остается предметом бесконечных споров исследователей. Характерный «психологический» аргумент сформулировал Стефан Цвейг: «Но Меррей, Мэйтленд и Бьюкенен, которым попеременно и наудачу присяжные защитники Марии Стюарт приписывают этот подлог, не были ни Шекспирами, ни Бальзаками, ни Достоевскими, а всего лишь плюгавыми душонками, правда, гораздыми на мелкое мошенничество, но уж, конечно, неспособными создать в стенах канцелярий такие потрясающие своей правдивостью признания, какими письма Марии Стюарт предстают всем векам и народам» [Цвейг, 1963: 174–175]. Тем не менее современный исследователь, тщательно проанализировавший эти документы, пришел к выводу, что если не все письма, то самые разоблачительные их фрагменты являются подтасовкой [Гай: 489–534]. Мы не имеем права приписывать Достоевскому столь тонкий историко-текстологический анализ, однако можно предполагать, что «психологические» сомнения вроде цвейговских вполне могли посетить и его. В таком случае весь образ Марии Стюарт начинает колебаться в лоне моральной неопределенности.

5

1839 год принес еще одну новинку, мимо которой вряд ли прошел Достоевский, пристально следивший за французской словесностью: Александр Дюма выпустил первый том из восьмитомной серии исторических новелл «Знаменитые преступления». Второй том вышел на следующий год, и самым большим повествованием здесь была «Мария Стюарт», переходившая из одного тома в другой⁷⁰. Развивая тему женского соперничества, заданную Шиллером, Дюма не без лукавства замечал, что «подлинным и величайшим преступлением» Марии Стюарт было ее превосходство над Елизаветой I в телесной красоте и грации: «...будь в ее лице или сложении какое-либо несовершенство, она не умерла бы на эшафоте»⁷¹. После столь изысканного *mot pour dire*⁷² французский писатель предположил, что Мария «всегда была более женщина, нежели королева, в отличие от Елизаветы, бывшей прежде всего королевой, а уж потом женщиной»⁷³. Это была явная поправка к Шиллеру, у которого Елизавета прежде женщина и только потом королева. Трудно сказать, как отнесся к такой поправке Достоевский в случае знакомства

⁶⁹ Переписка Марии Стюартъ... Ч. 4. С. 5–43.

⁷⁰ Dumas A. Marie Stuart. 1587 // Crimes célèbres par Alexandre Dumas. Paris: Administration de librairie. 1839. Т. 1. Р. 275–318; Т. 2. 1840. Р. 3–249.

⁷¹ Дюма А. Мария Стюарт / пер. с франц. Л. М. Цивьяна, под ред. Ю. Б. Корнеева // Дюма А. Собр. соч.: в 35 т. М.: ФРЭД, 1993. Т. 47 [доп.]: Знаменитые преступления. Вып. 1. С. 192.

⁷² Острое словцо (*фр.*).

⁷³ Дюма А. Мария Стюарт. С. 205.

с данным текстом, но само по себе акцентирование, вослед Шиллеру, психологической коллизии (женщина в королеве), как можно предположить, было ему не чуждо.

Дюма включил в свое повествование «письма из ларца», уличающие Марию в убийстве Дарнли, сопроводив их ремаркой «то ли подлинные, то ли поддельные»⁷⁴. Самого Дарнли Дюма рисует как жестокого ревнивца, организовавшего убийство Риччо, музыканта и секретаря Марии, буквально на ее глазах (гравюра, изображавшая эту кровавую сцену в будуаре королевы, сопровождала текст повествования), так что последующее убийство убийцы под пером Дюма обретало видимость восстановленной справедливости в духе позднейшего монтекристовского отмщения. Окончательный вердикт писателя, при всей легкости развлекательного жанра, не был лишен основательности:

«Была ли королева сообщницей убийства [Дарнли]? О том знали только она, [убийца] Босуэлл и Бог. Но в любом случае ее поведение [выгораживание Босуэлла и замужество с ним], как всегда неразумное, придало обвинению, которое выдвинули против нее враги, если уж не прочность, то, по крайней мере, видимость правдоподобия»⁷⁵.

Заметим, что на этом последнем обстоятельстве фиксировал внимание и другой французский автор Ф. Шаль (см. далее), оно вполне могло быть обыграно в пьесе Достоевского⁷⁶.

Значительную часть очерка Дюма занимает история заточения Марии в замке Лохливен и бегства из него с последующим проигранным сражением — повествование об этих событиях во многом заимствовано из романа Вальтера Скотта «Аббат». В описании предсмертных страданий Марии Дюма активно использовал также материалы, опубликованные в только что вышедшей книге Лобанова-Ростовского, в частности, приведенное выше письмо шотландской королевы герцогу Гизу и отчет о казни. Таким образом, Достоевский если и не прочел их в книге Александра Лобанова-Ростовского, мог восполнить этот пробел через посредничество Александра Дюма. Мы

⁷⁴ Дюма А. Мария Стюарт. С. 226.

⁷⁵ Там же. С. 220.

⁷⁶ Похоже, так примерно интерпретирует этот эпизод С. Цвейг: «Именно сейчас, когда ей надо разыграть безутешную скорбь и потрясти патетической игрой весь мир, чтобы он безоговорочно поверил в ее невиновность, именно сейчас она устало роняет маску; какое-то окаменение чувств, жестокий душевный столбняк, какое-то необъяснимое равнодушие находит на нее; безвольная, она и не пытается защищаться, когда над ней дамокловым мечом нависает подозрение. Этот странный душевный столбняк, поражающий человека в минуты опасности и словно замораживающий его, обрекая на полное бездействие и безучастие в минуты, когда ему особенно необходимы притворство, самозащита и внутренняя собранность, сам по себе не представляет ничего необычного. Подобное окаменение души — лишь естественная реакция на чрезмерное напряжение, коварная месть природы тому, кто нарушает ее границы» [Цвейг, 1963: 208–209].

же полагаем, что беллетризованная французским писателем история могла послужить углублению замысла Достоевского: Дюма остро подметил психологически противоречивый, на грани парадокса, характер главной героини. Писатель развил тему в романе «Две Дианы» (1846), где Мария Стюарт, юная принцесса, а затем королева французская, выступает благодетелем главного героя и безуспешным спасителем Франциска II, любимого и любящего мужа, противопоставляя интригам и кровавому политическому и религиозному междоусобию правоту сердца, гибельную для нее самой⁷⁷.

6

Как бы в продолжение сказанного Дюма, но куда более документированную и взвешенную позицию в спорах о Марии Стюарт занял французский эссеист, философ, историк, литературный критик Филарет Шаль (см. о нем: [Дмитриева]), его статья была опубликована в январско-мартовском номере популярного французского журнала⁷⁸ (см. *Илл.* 5) и оперативно переведена «Отечественными записками»⁷⁹ уже для апрельского номера в том же 1841 г. В этом же журнале (1841 г., № 10) ее усиленно рекомендовал к прочтению В. Г. Белинский:

«...этот исторический отрывок представляет все элементы драмы, кроющиеся в английской истории»⁸⁰.

Высказывалось предположение: «Быть может, статья Шаля и этот отзыв Белинского, появившиеся в 1841 г., в известной мере способствовали кристаллизации замысла Достоевского» [Гозенпуд: 49].

Так или иначе, но следует признать, что эта, пожалуй, самая глубокая на то время трактовка событий вовремя легла на стол драматурга Достоевского: 1841 г. по хронологии Ризенкампа — период наиболее интенсивной работы над пьесой «Мария Стюарт». Статья Шаля представляет собою компиляцию и обсуждение недавно опубликованных источников⁸¹. В вопросе

⁷⁷ Считается, что роман «Две Дианы» был лишь опубликован под именем Дюма, но написан, согласно дневнику Гонкуров, литературным «негром». Возможно, так оно и было отчасти, но линия Марии Стюарт убеждает нас в обратном, обнаруживая концептуальное, а иногда и дословное совпадение с предшествующим опытом Дюма — беллетризованной биографией шотландской королевы.

⁷⁸ Chasles Philaret. Documents inédits sur Marie Stuart // *Revue des Deux Mondes*. 1841. Т. 25. Р. 5–52. (Шаль Филарет. Неопубликованные документы о Марии Стюарт. — *фр.*)

⁷⁹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. Новая, бывшія доселѣ неизвѣстными свѣдѣнія о ея жизни [В оглавлении тома: Статья Филарета Шаля] // *Отечественныя Записки*. 1841. Т. 15. № 4. Отд. II: Науки и Художества. С. 94–124.

⁸⁰ <Белинский В. Г.> Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. Собранные М. Сухановым // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4: статьи, рецензии и заметки. С. 152.

⁸¹ Tytler P. F. History of Scotland. V. 6. Edinburgh, 1837. V. 7. Edinburgh, 1840 (Титлер П. Ф. История Шотландии. — *англ.*); Raumer F. Briefe aus Paris zur Erläuterung der Geschichte des 16 und 17 Jahrhunderts. Leipzig, Brockhaus, 1831 (Раумер Ф. Письма из Парижа, разъясняющие

о подлинности «писем из ларца» он занял позицию, отличную от рассмотренных выше авторов, заявив:

«Защитники королевы упорно признають лживыми письма, изданныя Бюкененомъ [Бьюкененом]; но эти письма, по счастливому выраженію Робертсона⁸², содержатъ въ себѣ подробности, столь сообразныя съ обстоятельствами и показаніями многихъ свидѣтелей, что безпристрастному судѣ трудно усомниться въ ихъ подлинности»⁸³.

Нарочито объективистскую позицию, ссылаясь на «новые открытия», Шаль занял и относительно непростых отношений Марии с Елизаветой:

«Мы видимъ, что обѣ королевы равно виноваты: и Марія, легкомысленная, страстная, необузданная, — и Елизавета, коварная, жестокая, ревнивая, кровожадная»⁸⁴.

Вместе с тем Шаль, в отличие от Шиллера и Дюма, за психологической коллизией двух сильных женщин предлагает увидеть третью силу — стоящих за каждой из королев могущественных кукловодов:

«Гизы руководствовали страстями и честолюбіемъ Маріи; за Елизавету стоялъ весь ея народъ и вся протестантская Европа»⁸⁵.

Мария, таким образом, оказалась на острие эпохальной кровавой схватки, имевшей религиозный смысл: реформатский север восстал против католического юга. Герцоги лотарингские Гизы пытались с помощью Марии вернуть Шотландию (а за нею и Англию) под владычество папы римского, однако «это предпріятіе <...> шло наперекоръ духу самого народа»⁸⁶.

Шаль выводит на сцену еще одного героя, выразителя того самого народного духа, англиканского проповедника, сурового и беспощадного Джона Нокса (между 1505/1515 — 1572). Именно на его фоне и в столкновении с ним рисуется портрет Марии Стюарт:

историю XVI и XVII вв. — *нем.*); State Papers During the Reign of Henry VIII. 11 vols. London, 1830–1852 (Официальные документы времен правления Генриха VIII. 11 томов. — *англ.*) и уже знакомое нам издание Лобанова-Ростовского.

⁸² Robertson William. The History of Scotland, During the Reigns of Queen Mary and of King James VI. London: Printed for J. Richardson, 1759 (Робертсон У. История Шотландии в правление королевы Марии и короля Якова VI. — *англ.*).

⁸³ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 118. В журнале вместо «подлинности» напечатано «подложности». Исправляем по оригиналу, где стоит слово «authenticité» (Chasles Philarète... Р. 44). Опечатка, кардинально меняющая смысл предложения, думается, не была случайностью, выражая, возможно, позицию не известного нам переводчика.

⁸⁴ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 95.

⁸⁵ Там же. С. 95.

⁸⁶ Там же. С. 96.

«Это олицетворенный югъ, во всей красѣ своихъ неотразимыхъ обольщеній, выдерживающій бесплодную, драматическую битву съ суровымъ сѣверомъ. Съ нею въ Шотландію переселилась любовь, красота, искусство, щегольство, сердечное увлеченіе, прелесть наружнаго обращенія, слезы убѣжденія⁸⁷, слѣпота страсти. Въ этомъ столкновеніи двухъ партій, предводительствуемыхъ суровымъ Ноксомъ и страстною Марією, женщина не уступила ни шага: она не подчинилась ни правиламъ, ни желаніямъ сердца, ни сладострастію, ни преступленію. Въ моей простодушной біографіи, которой мелочныя подробности, бывшія доселѣ неизвѣстными, съ величайшей осмотрительностію извлечены изъ упомянутыхъ документовъ, въ этой біографіи вы увидите, что трагедія, разыгрываемая человѣчествомъ въ мірѣ дѣйствительномъ, гораздо занимательнѣе и ужаснѣе художественныхъ созданій Вальтера Скотта, Гомера и Шекспира»⁸⁸.

Шаль приводит воистину «шекспировскую сцену, описанную самимъ Ноксомъ». Она разыгрывается после слов проповедника, что подданные имеютъ право не повиноваться своимъ повелителямъ, если те переступаютъ границы, положенныя имъ Богомъ:

«Марія стояла передъ нимъ, безмолвная и оцѣпенѣвшая.

— Хорошо, сказала она послѣ долгаго молчанія. Вижу, что подданные мои будутъ повиноваться вамъ, а не мнѣ. Я буду пріучаться исполнять ихъ приказанія, а не повелѣвать ими.

— Не дай Богъ! Онъ самъ называетъ королей пѣстунами, а королевъ кормилицами Своей церкви.

— Да; но ваша церковь не та, которой я желаю быть матерью и кормилицей. Я буду защищать церковь римскую, истинную церковь Божію.

Ноксъ вспыхнулъ.

— Римская церковь уничтожена, опозорена.

— Совѣсть убѣждаетъ меня въ противномъ.

— Ваша совѣсть еще не озарена свѣтомъ истины»⁸⁹.

В понимании Шаля характеръ Марии «весь созданный изъ страстей, которыхъ она не умѣла обуздывать»⁹⁰, и вместе с тем она не жертва страстей, какъ ее обычно представляютъ, не страдальца, «но жена дѣлъ и подвиговъ, истая дочь Гизовъ, питомица Екатерины Медичи, пламенная, полная энергіи, раба страстей своихъ, непредвидящая препятствій, слѣпо стремящаяся къ опасности, неутомимая въ проискахъ, неукротимая въ побужденіяхъ

⁸⁷ В подлиннике (Chasles Philarète... P. 9): «дар слез» (le don des larmes).

⁸⁸ <Шаль Филаретъ>. Марія Стюартъ. С. 96–97. В подлиннике (Chasles Philarète... P. 9) далее: «qui ne sont créateurs qu'après Dieu» (которые являются творцами только после Бога).

⁸⁹ <Шаль Филаретъ>. Марія Стюартъ. С. 101.

⁹⁰ Там же. С. 98.

сердца, красноречивая, тщеславная, властолюбивая, всегда увлекающая и увлекаемая. Этот характер занимателен и достоин изучения, какъ и характеръ поэта»⁹¹.

Илл. 5. Титульный лист статьи Ф. Шаля в журнале «Revue des Deux Mondes», 1841 г.

Fig. 5. The title page of the article by Ph. Chasles in the journal «Revue des Deux Mondes», 1841

По поводу убийства Дарнли Шаль поддерживает и усиливает версию Шиллера:

«Марія дѣйствительно была виновна: она не внушала мысли объ убійствѣ, но знала объ этомъ предпріятіи и не остановила его»⁹².

⁹¹ <Шаль Филарет>. Мария Стюартъ. С. 100.

⁹² Там же. С. 110.

Этот мотив в глазах будущего автора «Братьев Карамазовых» был действительно достоин изучения.

Не лучше были и противники королевы, в свою очередь замышлявшие тайное ее убийство. Реформатские священники «Нокс и Крэгъ спрашиваемы были относительно законности убийства. Они отвѣчали, что спасеніе церкви Божіей можетъ быть куплено цѣною крови идолопоклонника. Заглянувъ поглубже въ тайны исторіи, мы всегда найдемъ въ ней добродѣтелей менѣе, а преступленій болѣе, нежели сколько кажется съ перваго взгляда. Протестантская Шотландія и теперь еще дивится, узнавая, что обожаемый ею Ноксъ одобрилъ убийство бѣднаго музыканта»⁹³. Ситуация повторилась, когда Берли, министр Елизаветы, «официально спрашивалъ у англиканскихъ епископовъ, можно ли въ подобныхъ обстоятельствахъ [когда шотландская королева стала надеждой католиков] законнымъ образомъ казнить Марію. Утвердительный отвѣтъ епископовъ до-сихъ-поръ хранится въ Британскомъ Музѣе. <...> ...исторія, преисполненная злодѣйствъ, даритъ насъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ глубже спускаемся мы въ тайники ея»⁹⁴.

Достоевский в начале своего творческого пути это и сделал: он погрузился в тайный сумрак и свет европейской истории, этот опыт, как мы полагаем, был фундаментально важен для его духовного становления.

Еще один мотив, проходящий через все рассмотренные издания, мог привлечь Достоевского, недавно пережившего смерть отца и ощущавшего определенную вину перед ним. Это взаимоотношения Марии со своим сыном, еще во младенчестве поставленным на шотландский престол сместившими ее лордами. В письмах королевы проглядывает тоска матери, на много лет насильственно разлученной со своим ребенком⁹⁵, и в то же время Мария понимает, что воспитанный в другой вере Яков (его воспитателем был упомянутый Бьюкенен) оказался чуждым ее помыслам и убеждениям. Королева была поставлена перед жестоким выбором, и она его сделала в пользу убеждений. В тайном письме к испанскому посланнику от 20 мая 1586 г. (найденном и напечатанном Лобановым) она выразила готовность к смещению сына-протестанта с шотландского трона и передаче последнего под испанскую корону, верную католичеству:

«...me sentant plus obligée de respecter en cela le bien universel de l'Église, que avec le détriment d'icele a grandeur particulier de ma postérité»⁹⁶.

⁹³ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 107. «Музыкант» — итальянец Давид Риччо, секретарь Марии, зверски убитый заговорщиками-протестантами.

⁹⁴ Там же. С. 121.

⁹⁵ Так, в письме к Елизавете от 28 ноября 1582 г. мы слышим этот стон: «Милостивая Государыня, какой законъ не позволяетъ матери помогать сыну своему, кольми паче не получать извѣстія о его состояніи?» (Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 55).

⁹⁶ *Lettres inédites...* Р. 139. Я чувствую себя обязанной уважать благо Церкви больше, чем, с ущербом ей, величие моего потомства (*фр.*).

Схожую мысль годом раньше она довела и до своих французских друзей⁹⁷ после вежливо-уклончивого письма от сына⁹⁸. Было понятно, что и сын в свою очередь верность новой церкви поставил выше родственных чувств. Так или иначе, вольно или невольно, но своим отношением Яков попустил казнь матери, как бы потом он ни заботился о почитании ее памяти (когда, после смерти, она была уже безвредна для протестантского государства). И мать, и сын при всем разногласии были, что называется, одного поля ягоды, возвращенные эпохой. Мария отменно выразила это состояние духа:

«...вся Европа почти была свидѣтельницаю сколь много люди привержены къ своей Религіи; Я про себя скажу, еслибы стали явно нападать на вѣру, то я готова съ Божіею помощію лучше пролить кровь свою предъ цѣлымъ свѣтомъ, нежели перемѣнить свою вѣру»⁹⁹.

Шаль дал честную и беспристрастную оценку исторической ситуации, подчинившей себе героев разыгравшейся трагедии:

«Но еще не однимъ кровавымъ пятномъ, не однимъ вѣроломствомъ ознаменуется борьба двухъ цивилизацій, прежде, нежели голова Маріи, скатившаяся съ плахи подъ топоромъ палача, возвѣститъ рѣшительное паденіе католицизма въ Шотландіи»¹⁰⁰.

Роковая судьба Марии была обусловлена ее преданностью вере, которую оставил ее народ. Достоевский, знакомясь с перечисленными документами и их трактовками, близко подошел к трагедии личности, какую еще не знала литература, но уже разыгрывала история.

7

По версии Шиллера (очевидно, разделяемой Достоевским), Мария Стюарт была приговорена к смертной казни за преступления против Англии и королевы Елизаветы I, которых она не совершала: заговорщики, за связь с которыми обвинили Марию, хотели ее посадить на английский трон, что совсем не означает, будто их кумир был полностью посвящен в эти планы. На суде Мария признала лишь тот факт, что надеялась с их помощью обрести наконец свободу. При этом немецкий драматург устами самой же героини признает ее вину в другом грехе — в убийстве Дарнли: она знала о готовящемся преступлении и своим поведением спровоцировала его. Шиллеровская Мария смиренно принимает свою участь как заслуженное ею наказание — но не за преступление против Елизаветы, за которое ее судят

⁹⁷ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 139–143.

⁹⁸ Там же. С. 135–136.

⁹⁹ Там же. Ч. 3. С. 26.

¹⁰⁰ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 113.

и которого она не совершала, а за грехи легкомысленной молодости. Для читателей «Братьев Карамазовых» оба конструктивных мотива, и неявного преступления и неадекватного наказания, очень знакомы, они весомо отозвались в последнем романе писателя. В драме Шиллера история убийства Дарнли — сюжет побочный, он обсуждается только в одном четвертом явлении первого действия, а далее отступает в тень, акцент же сделан на несправедном суде и злобещей ответственности за него, которую так не хочет принимать на себя Елизавета, в конечном счете взвалив ее на подвернувшегося «стрелочника». Проблему вины и ответственности, остро поставленную Шиллером более всего относительно Елизаветы, Достоевский мог целиком перевести на Марию, которую симпатизирующий ей немецкий драматург (как впоследствии и Вальтер Скотт) во многом избавил от столь тяжкого груза¹⁰¹.

Своеобразный первоэлемент пьесы Достоевского заключен был, как нам представляется, в указанном четвертом явлении первого действия трагедии Шиллера, в диалоге Марии и Анны Кеннеди, ее старой кормилицы:

“Maria.

Ich erkenn’ ihn.
Es ist der blut’ge Schatten König Darnleys,
Der zürnend aus dem Gruftgewölbe steigt,
Und er wird nimmer Friede mit mir machen,
Bis meines Unglücks Maaß erfüllet ist.

Kennedy.

Nicht Ihr habt ihn gemordet! Andre thaten’s!

Maria.

Ich wußte drum. Ich ließ die That geschehn
Und lockt’ ihn schmeichelnd in das Todesnetz.

Kennedy.

Da Ihr die That geschehn ließ’t, war’t Ihr nicht
Ihr selbst, gehörtet Euch nicht selbst. Ergriffen
Hatt’ Euch der Wahnsinn blinder Liebesglut,
Euch unterjocht dem furchtbaren Verführer,
Dem unglücksel’gen Bothwell — Ueber Euch
Mit übermüth’gem Männerwillen herrschte
Der Schreckliche, der Euch durch Zaubertränke,
Durch Höllenkünste das Gemüth verwirrend <...>.
Doch Ihr seid¹⁰² keine
Verlorene — ich kenn’ Euch ja <...>
<...> es gibt böse Geister,
Die in des Menschen unverwahrter Brust
Sich augenblicklich ihren Wohnplatz nehmen,

¹⁰¹ По удачному выражению современного исследователя Б. Диаза, душа шиллеровской Марии Стюарт «через страдание, раскаяние и смерть возвращается к изначальной чистоте» (цит. по: [Загустина]). Такое прочтение, думается, могло быть близким и Достоевскому.

¹⁰² В тексте издания нами исправлена опечатка: seyde.

Die schnell in uns das Schreckliche begehn
Und zu der Höll' entfliehend das Entsetzen¹⁰³
In dem befleckten Busen hinterlassen¹⁰⁴.

«(Марія.

Я узнаю ее: она, она,
Кровавая тѣнь Короля Дарнлея,
Встаетъ, гнѣвна изъ гробоваго свода,
И примиренья между нами нѣтъ,
До дня, когда моихъ страданій мѣра
Исполнится. <...>

Кеннеди.

Не вы
Его убили, не отъ васъ онъ палъ.

Марія.

Я знала объ убійствѣ; допустила
Его свершить, и въ гибельную сѣть
Его сама, лаская, заманила. <...>

¹⁰³ В тексте издания нами исправлена опечатка: Ensetzen

¹⁰⁴ Schiller's sämmtliche Werke... S. 418–419.

Марія.

Я узнаю его.
Это кровавая тень короля Дарнли,
Который в гнѣве из свода гробницы восстает,
И он никогда мира со мной не заключит,
Пока моего несчастья мера не исполнится. <...>

Кеннеди.

Не вы его убили! Другие это сделали!

Марія.

Я знала это. Я позволила этому случиться
И заманила его льстиво в сети смерти. <...>

Кеннеди.

Когда вы совершили это деяние, вы не были
Собой, не принадлежали себе. Охваченные
Не были ль вы безумием слепого любовного пыла,
Вы покоряетесь ужасному соблазнителью,
Злополучному Ботвеллу — над вами
Чрезмерная мужская воля преобладала
Ужасного, который напоил вас волшебными зельями,
Сбивающими с толку адскими искусстваами <...>

Но вы не являетесь

Потерянной (заблудшей) — я знаю вас ведь <...>

<...> есть злые духи,

Которые в человеческой открытой груди
Мгновенно занимают свое жилое место,
Которые быстро в нас ужасное свершают
И, убегая в ад, повергают в ужас,
В запятнанной груди оставленный (нем.).

Кеннеди.

Въ мгновеніе, когда
 Свершалось дѣло страшное, вы были
 Въ забвеньи, внѣ себя. Любовь слѣпая
 Безумье страсти овладѣли вами
 И подчинили Боттвелю, злодѣю,
 Прельстителю; И вами правилъ грозный,
 Какъ самовластный, своенравный мужъ;
 Напитками и чарами геенны
 Воспламенялъ васъ, затмѣвая умъ <...>
 Но вы — я знаю васъ — вы не развратны <...>.
 <...> Злые духи, на мгновенье ока,
 Вселяются въ грудь человѣка; въ ней
 Кладутъ основу гибельному злу...)»¹⁰⁵.

То, что у Шиллера только намечено и оставлено в дальнейшем ходе действия, Достоевский, можно предположить, развернул с опорой на новые исторические источники и их трактовки в литературе.

Так, Шаль большое значение придает истории «безумной» любви-страсти Марии к Босуэллу, которая «влекла ее въ бездну»:

«Можно написать цѣлую книгу, рассказывая любопытныя событія, заключающіяся въ современныхъ рукописяхъ, запискахъ и письмахъ, которыя всѣ ясно доказываютъ, что Марія въ это время предавалась очарованію самой необузданной любви¹⁰⁶, не внимавшей голосу убѣжденій и опасеній»¹⁰⁷.

Шаль передает ее слова, запомнившиеся герцогу Бетфорду:

«Что мнѣ за дѣло, если за него [Босуэлла] мнѣ придется потерять Францію, Англію и Шотландію! Я не разстанусь съ нимъ, и въ одной бѣлой юбкѣ пойду за нимъ на край свѣта»¹⁰⁸.

Став мужем Марии, Босуэлл не только послужил отторжению королевы от своего народа (не принявшего этого брака), но и принес лично ей неисчислимые страдания. Марии пришлось вскоре притворяться, изображая

¹⁰⁵ Избранный нѣмецкій театръ... С. 17–21.

¹⁰⁶ В подлиннике (Chasles Philaret... P. 37): «Marie livrée à la passion la plus aveugle, à cette hallucination impérieuse» (Мария отдалась самой слепой страсти, этой непреодолимой галлюцинации. — *фр.*).

¹⁰⁷ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 113, 114. Приведем заключение современного исследователя: «...никто и никогда не представил неопровержимых доказательств того, что Мария знала о готовящемся убийстве Дарнли. Всё основывалось на предположении, что она уже изменяла мужу с Босуэллом. Ее репутацию уничтожило то обстоятельство, что она не отдала Босуэлла волкам, а решила бросить вызов всему миру и встать на сторону графа» [Гай: 387].

¹⁰⁸ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 114. Белая юбка, надо понимать, исподнее белье.

счастливый брак вопреки всем и вся (по свидетельствам французского и итальянского посланников, подтверждаемым донесениями английских агентов):

«Она притворилась веселою, щеголяла въ бархатной одеждѣ, прогуливалась по городу, присутствовала на турнирахъ и поединкахъ. Но иногда, среди этихъ веселыхъ праздниковъ, слезы текли по блѣднымъ щекамъ ея. Ботсуэль, всегда владѣвшій собою, дома господствовалъ надъ Маріей, а публично оказывалъ ей чрезвычайное уваженіе и говорилъ съ нею не иначе, какъ съ покрытою головою. Однажды Марія, въ порывѣ дѣтскаго кокетства, схватила токъ съ перьями и надѣла его на голову своего супруга. Когда они сидѣли дома одни, изъ комнаты слышались крики, стенанія; однажды Марія вскрикнула: "дайте мнѣ ножъ: я зарѣжусь!" Эти подробности передаетъ намъ Мельвиль, другъ Маріи. <...> Эти бури были неразлучны съ такимъ союзомъ, который основанъ на кровавомъ преступленіи и возбуждалъ безпрестанно угрызения совѣсти, неизбежное слѣдствіе столкновенія двухъ сердецъ властолюбивыхъ и высокомѣрныхъ»¹⁰⁹.

«Эти бури» выглядят как будто вышедшими из романов Достоевского. Подробно разбиравшийся в «страстях» Марии Стюарт (и во многом следовавший за Шалем) Стефан Цвейг впоследствии не удержался от замечания: «Только Шекспировы, только Достоевские способны создавать такие образы, а также их величайшая наставница — Действительность» [Цвейг, 1963: 198].

После всего сказанного естественно предположить, что Достоевский в итоге расширил воздействие на собственный текст общих с Шиллером «исходных моментов <...> мышления» [Чижевский: 53], а именно: неприятие «крови по совести», в каких бы смягчающих вину обстоятельствах ни совершалось преступление роковой черты. Вместе с тем, и здесь Достоевский оставался верен как Шиллеру, так и новооткрытым историческим свидетельствам¹¹⁰: вина Марии была оплачена «годами <...> раскаянья, страданій»¹¹¹. А поистине героическое поведение накануне казни и перед палачами (открывшиеся Достоевскому из прочтенных книг) делали шотландскую королеву теперь уже стойкой мученицей за веру. Двуплановость образа формировалась в процессе освоения источников.

При создании образа Марии Стюарт перед глазами Достоевского стояли возвышенные в своем самопожертвовании ради любви женщины Шиллера (Амалия, Леонора, Луиза, Текла) и Вальтера Скотта (Ребекка). Был еще один

¹⁰⁹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 116.

¹¹⁰ Иная точка зрения была высказана в специальной словарной статье: «...обнаружились [в литературе и в мемуарах Ризенкампа] две противоречивые версии относительно содержания утраченного текста пьесы "Мария Стюарт": 1) пьеса написана "по следам" Шиллера и его концепции "страстного" противостояния сильных характеров; 2) пьеса создавалась вопреки Шиллеру "на историческом материале" <...>. Невозможно гипотетически предположить большую или меньшую вероятность этих версий» [Загидуллина: 309]. Как показано выше, две названные «версии» не только не противоречили друг другу, но вполне могли быть синтезированы Достоевским.

¹¹¹ Избранный нѣмецкій театръ... С. 18.

важный источник, упомянутый в письме Достоевского к брату 1 января 1840 г.:

«У Расина нет поэзии? У Расина, пламенного, страстного, влюбленного в свои идеалы Расина, у него нет поэзии? И это можно спрашивать. Да читал ли ты "Andromaque", а? брат! Читал ли ты "Iphigénie"; неужели ты скажешь, что это не прелестно. <...> Каковы у него женщины! <...> А "Phedre"? Брат! Ты бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора» (ДЗ0; т. 28₁: 70).

Образ Марии Стюарт в пьесе Достоевского в данном контексте видится как синтез потрясших его женских «очерков» Расина: жертвенного стоицизма Андромахи, Ифигении и смертоносной страсти Федры ("ma fureur"¹¹² вопреки "ma raison"¹¹³ — «Федра», д. 3, явл. 1). Высокий, гордый дух Марии Стюарт сошелся в тайниках ее души с бессилием перед могучим влечением плоти. В глазах Достоевского она более всего близка оказалась расиновской Федре. Двуличие последней проявилось между прочим и в придуманном французским драматургом новом повороте античного сюжета: Федра не сама клеветает на Ипполита, но как бы позволяет сделать это безгранично преданной ей наперснице, за что ее же затем и проклинает, доведя до самоубийства. На этот мотив перекалывания ответственности за преступление Достоевский выходил на разных путях: и читая Шиллера, и расследуя поступки исторической Марии Стюарт, и обнаруживая нечто подобное у Расина. Логично предположить, что сюжет неявной и слишком поздно осознанной вины присутствовал в первом произведении писателя¹¹⁴, дабы затем отозваться в «Бесах» (Ставрогин — Петр Верховенский) и в «Братьях Карамазовых» (Иван — Смердяков).

Можно с некоторой уверенностью предположить, что в нескончаемых спорах вокруг вины Марии Стюарт версия Достоевского не была однозначной. Она, по всей видимости, определялась тогдашней его, романтической по истокам, антропологией двоемирного существования личности. В письме к брату Михаилу 9 августа 1838 г. он был особенно откровенен:

«Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» (ДЗ0; т. 28₁: 50).

¹¹² Мое неистовство (*фр.*).

¹¹³ Мой рассудок (*фр.*).

¹¹⁴ То же и во второй драме Достоевского, в «Борисе Годунове», что еще предстоит обсудить в следующей нашей статье.

Горькие реплики Гамлета встают за этими строками, а в еще большей степени — шиллеровский мотив искажения идеала, прошедшего через сито человеческой природы (Карл, Фиеско, Поза, Мортимер, Валленштейн). При таком философском настрое и под таким углом зрения увидел начинающий писатель своего первого героя.

Перед Достоевским при обдумывании всех обстоятельств истории Марии Стюарт в полный рост могла встать еще одна проблема, которую следует определить как проблему гносеологической неопределенности. Его историографические штудии, скорее всего, уперлись в ситуацию, описанную аналитиком следующего века: «...чем добросовестнее изучаешь источники, тем с большей грустью убеждаешься в сомнительности всякого исторического свидетельства вообще» [Цвейг, 1963: 6]. Автор этих строк Стефан Цвейг всерьез полагал, что жизненная трагедия Марии Стюарт является «классическим, коренным примером того неистощимого очарования загадки, какое исходит порой от исторической проблемы», а «загадка будит творческую мысль» [Цвейг, 1963: 5–6]. Австрийский писатель повторил, по существу, вывод, сделанный его шотландским предшественником (чей образ блистательной королевы он все же оспорил) в предисловии к роману «Аббат»: Мария Стюарт «привлекательна своим умом, красотой, трагической участью и атмосферой тайны, которая сейчас и, видимо, вечно будет связана с ее историей»¹¹⁵.

8

Раннее увлечение Шиллером пишущие о Достоевском привычно противопоставляют его первому роману «Бедные люди», когда «впервые в жизни наряду с мечтами, прожектами и отвлеченной верой в себя появилось реальное сочинение. С ним он и шагнет в большую литературу, определившись не как драматург и даже не как переводчик, а как романист» [Сараскина: 125]¹¹⁶. Для такой версии имеется вроде бы подтверждение от самого писателя в автобиографическом эпизоде «Петербургских сновидений в стихах и прозе»:

¹¹⁵ Скотт В. Аббат / пер. А. Г. Левинтона и В. Е. Шора // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 10. С. 14.

¹¹⁶ Исследователь предлагает три варианта отказа начинающего писателя от своих драматических опытов, с которыми нам трудно согласиться: «Можно предположить, что прапорщик Достоевский по безалаберности и домашнему беспорядку утерял бесценные свидетельства своих первых опытов. Можно вообразить, что Достоевский, как искушенный читатель, вовремя охладил свой пыл, догадавшись, что сочиняемые им трагедии, в общем, уже написаны другими авторами. Можно, наконец, представить: он захотел в полной мере воспользоваться свободой и забросил до поры до времени свои литературные начинания» [Сараскина: 114]. Нам трудно представить «безалаберность» Достоевского по отношению к рукописям, оставленным «до поры до времени», о других же авторах он «догадывался» гораздо раньше. Более предпочтительна другая версия: «Архив сгорел: его в панике сжег Михаил Михайлович Достоевский» после ареста брата [Захаров, 2014: 294].

«И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Всё это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон-Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники...» (Д30; т. 19: 71).

Заметим, что в этой картине смены «фигур» отсутствует момент отрицания предшествующей шиллеровской, непрозаической эпохи развития художника. При «разглядывании» произошла не отмена, а *преображение* шиллеровских героев в обыкновенного титулярного советника под знаком разрешения безнадёжного дуализма романтической антропологии. В случае с Марией Стюарт захвативший Достоевского мотив морального стоицизма, героического по существу самостоятельного человека, искупающего его прежнее уступки силе зла, не был забыт и в новом повороте творческого пути писателя, как ни громадна дистанция, отделяющая Марию Стюарт от Макара Деушкина.

О шиллеровском «следе» в последующем творчестве Достоевского написано немало (см.: [Чижевский], [Lyngstad], [Вильмонт], [Герик], [Лысенкова], [Криницын] и др.). Как правило, речь идет о **сродстве** философско-эстетических систем и множестве тематических переключек, реминисценций. Отметим лишь одно важное для нашего исследования утверждение, что Шиллер был настроен на «преодоление кантовского дуализма», когда борющиеся в человеке разум и чувственность наконец «примиряются, объединяются и находятся в гармонии друг с другом» [Чижевский: 34]. Эта линия преемственности от Шиллера к Достоевскому вела, по существу, к рождению нового художника, испытателя человеческой природы от ее падения до подвига.

Оценивать художественные качества не дошедшей до нас пьесы мы не имеем ни малейшей возможности, наша задача скромнее и в то же время объемнее: следует по достоинству оценить сам **опыт** прохождения начинающего писателя с его тяготением к «гигантским характерам» (Д30; т. 28: 70) — через коллизии такого героя, в котором воплотилась ни много ни мало трагедия человека в перипетиях европейской цивилизации, его (и их) преступление и наказание.

Список литературы

1. Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. ст. и мат-лов / под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 41–62.
2. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С. Г. Бочарова; предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
3. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
4. Битюгова И. А. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 394–451.
5. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М. Сов. писатель, 1984. 280 с.
6. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Акад. проект, 2018. 749 с.
7. Гай Дж. «Мое сердце принадлежит мне»: жизнь и судьба Марии Стюарт / пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. 704 с.
8. Герик Х.-Ю. Достоевский и Шиллер: предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 5–15.
9. Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л.: Советский композитор, 1981. 224 с.
10. Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий; вып. 4 (357).)
11. Грэм Р. Мария Стюарт / пер. с англ. и вступ. ст. А. Ю. Серегиной. М.: Молодая гвардия, 2010. 396 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий; вып. 1483 (1283).)
12. Дмитриева Е. Е. Виктор-Эфемион-Филарет Шаль // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 256–269 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/viktor-efemion-filaret-shal/> (10.08.2023).
13. Загидуллина М. В. [Неосуществленные художественные замыслы] Мария Стюарт // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 308–309.
14. Загустина И. В. Классификация женских образов в драматургии Ф. Шиллера в исследованиях европейских ученых XX столетия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 88–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/6/19.html> (10.08.2023). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.19
15. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
16. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Знание. Понимание. Умение. М., 2014. № 3. С. 287–296.
17. История русского драматического театра: в 7 т. / ред. коллегия: Е. Г. Холодов (гл. ред.) и др. М.: Искусство, 1978. Т. 3: 1826–1845. 351 с. (Репертуарная сводка составлена Т. М. Ельницкой.)
18. Кирпотин В. Молодой Достоевский. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1947. 376 с.
19. Криницын А. Б. Достоевский и Шиллер // Криницын А. Б. О счастье и радости в мире Достоевского. М.: ЯСК, 2022. С. 115–239.
20. Кудряшева Н. В. Александра Михайловна Колосова-Каратыгина // Сюжеты Александринской сцены: рассказы об актерах. СПб.: Балтийские сезоны, 2006. С. 7–30.

21. Лысенкова Е. И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia culturae*. 2014. Вып. 21. С. 147–154 [Электронный ресурс]. URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/361> (10.08.2023).
22. Макаров А. Н., Киричук Е. В. Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера // *Научный диалог*. 2020. № 7. С. 266–283 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/1731> (10.08.2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283
23. Мельков А. С., Никольский Е. В. Грешница или святая: образ королевы Марии Стюарт в произведениях Фридриха Шиллера, Юлиуша Словацкого и Стефана Цвейга // *Studia Humanitatis*. Международный электронный научный журнал. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://st-hum.ru/print/496> (10.08.2023). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00002
24. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-press, 1980. 564 с. (1-е изд. — 1947).
25. Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821–1849. М.: Наука, 1979. 287 с.
26. Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.
27. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биографий; вып. 1320.)
28. Случевский К. Достоевский (очеркъ жизни и дѣятельности). СПб.: Тип. брат. Пантелевыхъ, 1889. 43 с.
29. Тихомиров Б. Н. Достоевский и его персонажи в театральных креслах, на концертах и в увеселительных заведениях. 1837–1849 (из материалов к энциклопедическому справочнику «Петербург Достоевского») // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 5–56 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576759422.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4241
30. Фокин П. Е. Молодой Достоевский в воспоминаниях А. Е. Ризенкампа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 28–45 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980329.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821
31. Цвейг С. Мария Стюарт / пер. Р. Гальпериной // Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. М.: Правда, 1963. Т. 4. С. 3–392.
32. Цвейг С. Три мастера: [Бальзак, Диккенс, Достоевский] / пер. П. Бернштейна, под ред. С. Бернштейна // Цвейг С. Три мастера. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Республика, 1992. С. 62–156.
33. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» / публ. и введение А. В. Тоичкиной, В. В. Янцена, пер. с нем. С. П. Кравца, В. В. Янцена // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 16–57.
34. Юрьев М. Мария Стюарт и письма шкатулки // Юрьев М. <Морозов М. А.> Спорные вопросы западноевропейской исторической науки. М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель; Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1894. С. 7–80.
35. Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. The Hague and Paris: Mouton, 1975. 126 p.

References

1. Alekseev M. P. About the Dramatic Experiments of Dostoevsky. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: sbornik statey i materialov* [The Works of Dostoevsky. 1821–1881–1921: Collection of Articles and Materials]. Odessa, Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921, pp. 41–62. (In Russ.)
2. Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Research. Letters on Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 448 p. (In Russ.)
3. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
4. Bityugova I. A. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 1, pp. 394–451. (In Russ.)
5. Vil'mont N. *Dostoevskiy i Shiller: zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of a Russian Germanist]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1984. 280 p. (In Russ.)
6. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy: nachalo nachal* [Born in Russia. Dostoevsky: The Beginning of the Beginning]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 749 p. (In Russ.)
7. Gay Dzh. "Moe serdtse prinadlezhit mne": zhizn' i sud'ba Marii Styuart ["My Heart Belongs to Me": The Life and Fate of Mary Stuart]. Moscow, Kolibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 704 p. (In Russ.)
8. Gerik Kh.-Yu. Dostoevsky and Schiller. Preliminary Experience of Poetological Comparison. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 5–15. (In Russ.)
9. Gozenpud A. A. *Dostoevskiy i muzykal'no-teatral'noe iskusstvo* [Dostoevsky and Musical and Theatrical Art]. Leningrad, Sovetskiy kompozitor Publ., 1981. 224 p. (In Russ.)
10. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 608 p. (The Life of Wonderful People. Biography Series; Issue 4 (357).) (In Russ.)
11. Грэм P. *Mariya Styuart* [Mary Stuart]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 396 p. (The Life of Wonderful People. Biography Series; Issue 1483 (1283).) (In Russ.)
12. Dmitrieva E. E. Victor Euphémon Philarète Chasles. In: *Voprosy literatury*, 2015, no. 4, pp. 256–269. Available at: <https://voplit.ru/article/viktor-efemion-filaret-shal/> (accessed on October 10, 2023). (In Russ.)
13. Zagidullina M. V. Unrealized Artistic Ideas. Mary Stuart. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Word Reference]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 308–309. (In Russ.)
14. Zagustina I. V. Classification of Female Images in F. Schiller's Dramaturgy in the European Scientists' Researches of the 20th Century. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, issue 6, pp. 88–91. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/6/19.html> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.19 (In Russ.)
15. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. What Did Dostoevsky's Archive of the 1840s Disappear? In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. Moscow, 2014, no. 3, pp. 287–296. (In Russ.)
17. *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh* [The History of the Russian Drama Theater: in 7 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, vol. 3: 1826–1845. 351 p. (In Russ.)

18. Kirpotin V. *Molodoy Dostoevskiy* [Young Dostoevsky]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv Publ., Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1947. 376 p. (In Russ.)
19. Krinitsyn A. B. Dostoevsky and Schiller. In: Krinitsyn A. B. *O schast'e i radosti v mire Dostoevskogo* [Krinitsyn A. B. *About Happiness and Joy in the World of Dostoevsky*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2022, pp. 115–239. (In Russ.)
20. Kudryasheva N. V. Alexandra Mikhailovna Kolosova-Karatygina. In: *Syuzhety Aleksandrinskoy stseny: rasskazy ob akterakh* [Plots of the Alexandrinsky Stage: Stories About the Actors]. St. Petersburg, Baltiyskie sezony Publ., 2006, pp. 7–30. (In Russ.)
21. Lysenkova E. I. Aspects of the Problem of Schiller in the Works of F. M. Dostoevsky (“Poor People”, “Humiliated and Insulted”). In: *Studia culturae*, 2014, issue 21, pp. 147–154. Available at: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/361> (accessed on October 10, 2023). (In Russ.)
22. Makarov A. N., Kirichuk E. V. Image of Mary Stuart in Tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller. In: *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 7, pp. 266–283. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/1731> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283 (In Russ.)
23. Mel'kov A. S., Nikol'skiy E. V. A Sinner or a Saint: the Image of Mary, Queen of Scots in the Works of Friedrich Schiller, Juliusz Slowacki and Stefan Zweig. In: *Studia Humanitatis*, 2017, no. 1. Available at: <https://st-hum.ru/print/496> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00002 (In Russ.)
24. Mochul'skiy K. *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Paris, Ymca-Press Publ., 1980. 564 p. (1st Edition — 1947). (In Russ.)
25. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy: 1821–1849* [Early Dostoevsky: 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 287 p. (In Russ.)
26. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
27. Saraskina L. I. *Dostoevsky. Molodaya gvardiya* Publ., 2011. 825 p. (The Life of Wonderful People: Biography Series; Issue 1320.) (In Russ.)
28. Sluchevskiy K. *Dostoevskiy (ocherk zhizni i deyatel'nosti)* [Dostoevsky (Essay of Life and Works)]. St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh Publ., 1889. 43 p. (In Russ.)
29. Tikhomirov B. N. Dostoevsky and His Characters in Theatre Chairs, at Concerts and in Amusement Facilities, 1837–1849 (from the Materials for the Encyclopedic Reference Book “Petersburg of Dostoevsky”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 5–56. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576759422.pdf (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4241 (In Russ.)
30. Fokin P. E. The Young Dostoevsky in Memory of A. E. Riesenkauf (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 1, pp. 28–45. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980329.pdf (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821 (In Russ.)
31. Zweig S. Mary Stuart. In: *Zweig S. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Zweig S. *Collected Works: in 7 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1963, vol. 4, pp. 3–392. (In Russ.)

32. Zweig S. Three Masters: Balzac, Dickens, Dostoevsky. In: *Zweig S. Tri mastera. Triumf i tragediya Erasma Rotterdamskogo* [Zweig S. *Three Masters. The Triumph and Tragedy of Erasmus of Rotterdam*]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 62–156. (In Russ.)
33. Chizhevskiy D. I. Schiller and "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. *Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 16–57. (In Russ.)
34. Yur'ev M. Mary Stuart and the Letters Box. In: *Yur'ev M. <Morozov M. A.> Spornye voprosy zapadnoevropeyskoy istoricheskoy nauki* [Yuriev M. <Morozov M. A.> *Controversial Issues of Western European Historical Science*]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina Grosman i Knebel' Publ., Tovarithchestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1894, pp. 7–80. (In Russ.)
35. Lyngstad A. Dostoevsky and Schiller. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1975. 126 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.10.2023

Принята к публикации / Accepted 18.10.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

**«Это в какой-то нашей народности...»:
обычаи и обряды крестьян Каширского уезда
по этнографическим описаниям соседей Достоевских**

А. С. Бессонова

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию народной среды, в которой оказался будущий писатель во время летних каникул в родительском имении Даровое Каширского уезда Тульской губернии в 1832–1836 гг., на формирование воззрений Ф. М. Достоевского о русском народе. Работа является продолжением предыдущей публикации на данную тему, где в научный оборот был введен хранящийся в Научном архиве Русского географического общества (РГО) этнографический документ, составленный священником П. В. Проферансовым, настоятелем Свято-Духовского храма в селе Моногарове Каширского уезда, прихожанами которого были Достоевские — помещики Дарового. Настоящее исследование ставит своей задачей значительно расширить и уточнить этнографический контекст «деревенского» периода жизни Ф. М. Достоевского, поскольку в материалах П. В. Проферансова содержатся множественные информационные лакуны, восполнить которые позволяют сведения, присланные в РГО в конце 1840-х гг. помещиками Каширского уезда А. Е. Мещерским и А. Б. Фрейрейсом. Их описания интересны не только богатым этнографическим материалом, но и связью информантов РГО с личностью и творчеством Ф. М. Достоевского. А. Е. Мещерский был дворянским заседателем Каширского земского суда в 1830-е гг., во время судебной тяжбы родителей Ф. М. Достоевского с П. П. Хотяинцевым о чересполосном землевладении в Даровом, а в 1839–1840-х гг. принимал участие в слушаниях по делу о смерти М. А. Достоевского, отца писателя. А. Б. Фрейрейс может служить примером «лучших людей», о которых размышлял Ф. М. Достоевский в «Дневнике Писателя». Новые архивные материалы не только позволяют представить народную среду Дарового, какой мог узнать ее в детстве Ф. М. Достоевский, но и подтверждают провидческие представления писателя о народном характере и «скрепляющей идее» нации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, научная биография, имение Даровое, Каширский уезд Тульской губернии, Русское географическое общество, Государственный архив Тульской области, архив, этнографическое описание, русский народ, А. Е. Мещерский, А. Б. Фрейрейс

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00699 «Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании», <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

Для цитирования: Бессонова А. С. «Это в какой-то нашей народности...»: обычаи и обряды крестьян Каширского уезда по этнографическим описаниям соседей Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 102–127. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081. EDN: UXZKEW

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081

EDN: UXZKEW

**“It’s in Some of Our Nation...”:
Customs and Rituals of the Kashirsky District Peasants
According to the Ethnographic Descriptions of Dostoevsky’s Neighbors**

Albina S. Bessonova

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the influence of the folk environment, in which the future writer found himself during the summer holidays in his parents’ Darovoe estate (Kashirsky district, Tula province) in 1832–1836, on the formation of F. M. Dostoevsky’s views about the Russian people. The work is a continuation of the previous publication on this topic, which introduced into scientific circulation an ethnographic document stored in the scientific archive of the Russian Geographical Society (RGS), compiled by the priest P. V. Proferansov, rector of the Holy Spirit Church in the village of Monogorovo, Kashirsky district. The Dostoevsky, landowners of Darovoe, were among the parishioners of this church. The present study aims to significantly expand and clarify the ethnographic context of the “village” period of F. M. Dostoevsky’s life, since the materials of P. V. Proferansov contain multiple information gaps, which can be filled in by the data sent to the RGS in the late 1840s by the landowners of the Kashirsky district A. E. Meshchersky and A. B. Freireis. Their descriptions are interesting not only because they contain rich ethnographic material, but also because of the revealed connection of the RGO informants to the personality and creativity of F. M. Dostoevsky. A. E. Meshchersky was a noble assessor of the Kashirsky Zemsky court in the 1830s, during the litigation of F. M. Dostoevsky’s parents with P. P. Khotyaintsev about cross-strip land ownership in Darovoe, and in 1839–1840 he took part in the hearings on the death of M. A. Dostoevsky, the writer’s father. A. B. Freireis can serve as an example of “the best people,” which F. M. Dostoevsky reflected on in the “A Writer’s Diary.” The new archival materials not only allow us to hypothetically recreate the folk environment of Darovoe, as F. M. Dostoevsky could have known it in childhood, but also confirm the writer’s visionary ideas about the national character and the “binding idea” of the nation.

Keywords: F. M. Dostoevsky, scientific biography, Darovoe estate, Kashirsky district of Tula province, Russian Geographical Society, State Archive of Tula Region, archive, ethnographic description, Russian people, A. E. Meshchersky, A. B. Freireis

Acknowledgments. The reported was carried out at the State Social and Humanitarian University with the financial support of the Russian Science Foundation (project number 23-28-00699, “New About Dostoevsky: Reconstruction of Early Biography and Works by Interdisciplinary Research”. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

For citation: Bessonova A. S. “It’s in Some of Our Nation...”: Customs and Rituals of the Kashirsky District Peasants According to the Ethnographic Descriptions of Dostoevsky’s Neighbors. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 102–127. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081. EDN: UXZKEW (In Russ.)

Исследование посвящено влиянию народной среды на личность и творчество Ф. М. Достоевского. Этнографический аспект представляется нам весьма существенным: «Достоевский народный», как определил его В. П. Владимирцев, есть Достоевский подлинный, если мы стремимся постичь суть его произведений — художественных и публицистических: «Народная культура (язык, склад мышления, взгляды, понятия и представления, вера, поэзия, обычай, вкусы, привычки, мистика) была наиболее органичной составляющей мироощущения и мировидения Достоевского <...>. Она входила в сознание и подсознание писателя как единое с его натурой этнически кровное опорное духовное достояние. Незримо изо дня в день питала и возбуждала нравственную и литературную мысль Федора Михайловича <...>. Этот культурный рабочий феномен есть краеугольный камень его творческой жизни» [Владимирцев: 10–11].

Впечатления детства в художественной и нравственно-этической системе Достоевского занимают главенствующее положение, поэтому большое значение имеет, в ряду прочего, та этнографическая среда, в которой вырос будущий писатель. Это, конечно, московские кормилицы и няня, Алена Фроловна, а также прислуга в квартире на Божедомке, это народные гулянья «под Новинским», о чем подробно писал в своих «Воспоминаниях» А. М. Достоевский¹. Полное погружение в народную среду произошло в родительском имении Даровое во время летних «вакаций» в 1832–1836 гг.

Реконструировать народную жизнь в Даровом наряду с семейной перепиской и мемуарами А. М. Достоевского позволяют архивные документы XIX в., в частности материалы, собранные Русским географическим обществом (РГО). Ранее нами были обнаружены «Сведения о простом русском народе Тульской губернии по Каширскому уезду», присланные в РГО священником Свято-Духовского храма села Моногарова П. В. Проферансовым (1849). Документ содержит этнографическое описание крестьян села Моногарова, деревень Даровое, Черемошня, Комово, Назарьево — прихода Свято-Духовского храма. Архивный источник дает представление о внешнем облике, языке, жилище, обрядах и преданиях народа, а также содержит наблюдения о народном характере, каким узнал его в юные годы будущий писатель [Бессонова, 2023].

Однако реконструкция народной среды деревенского детства Ф. М. Достоевского может быть значительно расширена. Каширский уезд Тульской губернии подробно охарактеризован в материалах, присланных из многих мест самыми разными информантами РГО. Ими были не только приходские священники, но и помещики, постоянно проживающие в своих имениях,

¹ [Достоевский А. М.] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 38, 43–45. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский А. М.* и указанием страницы в круглых скобках.

преподаватели духовных училищ. Сам факт столь горячего отклика на призыв РГО собирать сведения о русском народе свидетельствует о возрастающем интересе в образованном обществе середины XIX в. к жизни крестьянства, осознании важности изучения и понимания этого сословия.

Среди множества документов Научного архива РГО по Каширскому уезду наше внимание привлекли материалы, присланные двумя помещиками, — Александром Егоровичем Мещерским и Александром Балтазаровичем Фрейрейсом. Мещерский связан с Достоевскими непосредственно. Фрейрейс — сосед по Каширскому уезду и с Достоевскими знаком не был, однако его личность, с нашей точки зрения, провидчески осмыслена как человеческий тип в романных образах и публицистике Достоевского.

Штабс-капитан А. Е. Мещерский (1800–?)² принадлежал к княжескому роду, внесенному в 5-ю часть Дворянской родословной книги Тульской губернии³. Согласно формулярному списку,

«Въ Службу вступилъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ подѣ-прапорщикомъ 12 февраля 1817 г.⁴ <...> произведенъ онъ Штабсъ Капитаномъ 1823 Маія 8. Послѣ сего по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы уволенъ 1824 Апрѣля 25. Во время прекращенія болѣзни холеры⁵, находился попечителемъ квартала въ Каширскомъ уѣздѣ всего 6 мѣсяцовъ съ половиною. Избранъ былъ въ Каширскій З<емскій> Судъ дворянскимъ Засѣдателемъ 1833 Марта 20, каковую должность и продолжалъ по 14 февраля 1835. На настоящее трехлѣтіе поступилъ въ оный Судъ 1838 февраля 14»⁶.

С дворянским заседателем Мещерским были знакомы родители писателя М. А. и М. Ф. Достоевские в связи с тяжбой о чересполосном землевладении в Даровом с П. П. Хотяинцевым, владельцем имения в селе Моногарове⁷. Мимо сельца Ожерельева, где постоянно проживал Мещерский, неоднократно проезжала Мария Федоровна по пути в Каширу и обратно.

² Год рождения установлен по копии метрического свидетельства: Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1463. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии князей Мещерских. Л. 70.

³ Дворянское сословие Тульской губернии / сост. М. Т. Яблочков. Тула: Тип. Губ. правления, 1899. Т. 1. [Ч. 1]. С. 103 [Электронный ресурс]. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/18576-t-1-ch-1-pamyatnaya-knizhka-tulskoy-gubernii-za-1898-g-1899#mode/inspect/page/107/zoom/4> (18.08.2023).

⁴ ГАТО. Ф. 51. Оп. 17. Д. 1338. Дело по предложению Тульского гражданского губернатора об определении штабс-капитана Мещерского в Каширский земский суд. Л. 5 об. — 6.

⁵ С 18 ноября 1830 г. по 21 января и с 21 июля по 3 ноября 1831 г. — ГАТО. Ф. 51. Оп. 17. Д. 1338. Л. 8.

⁶ ГАТО. Ф. 51. Оп. 21. Т. 1. Д. 142. Дело по рапорту Каширского уездного суда о награждении дворянского заседателя штабс-капитана князя Мещерского годовым окладом жалования вместо чина. Л. 4–4 об.

⁷ См. об этом: (Достоевский А. М.: 53–54), [Нечаева: 41–42, 73–75, 78, 82, 107, 108, 127], [Даровое Достоевского: 55, 274–284].

Подпись А. Е. Мещерского стоит в документах следствия по делу о смерти отца писателя [Даровое Достоевского: 368–382].

Этнографическое описание крестьян сельца Ожерельева Каширского уезда, составленное А. Е. Мещерским в 1848 г., отличается обилием подробностей, что свидетельствует о ежедневной погруженности помещика в дела и заботы имения и хорошем знании материала. Особо обращает на себя внимание детальная фиксация свадебного обряда, включающая не только описание последовательности событий, но и фольклорные тексты, сопровождавшие обряд, в записи которых сохранены особенности местного говора. Так жениха и невесту после венца встречают песней:

*«Не наступайте бояре
Не ломите новыхъ стѣней;
Ужо взойдетъ свѣтѣль мѣсяцъ,
Ужо взойдетъ бѣла заря
Ужо взойдетъ красно сонцо.
Свѣтѣль то мѣсяцъ (имя новобрачнаго)
Бѣла то заря его свашенька,
Красно сонцо, молода жена (имя ее)»⁸.*

Зафиксированы названия участников обряда, поезжан: *дружко, полудружье, боярин, тысяцкий и сваха*; именованья жениха и невесты: *князь и княгиня*. Наблюдаются устойчивые черты свадебной церемонии, перекликающиеся с описанием П. В. Проферансова (*Мещерский*: л. 2), что говорит о локальной традиции в Каширском уезде. Однако в основе своей структура и содержание свадебного обряда в крестьянской среде во многом носят общерусский характер, поэтому свадебные «чины» и их роли, циклы свадебных песен, предписанное поведение всех участников действия присутствуют в этнографических материалах из разных российских губерний [Громыко: 372–379].

Много общего встречаем и в описании быта крестьян Каширского уезда: в устройстве жилища, пище⁹, одежде. Так, в женском костюме сельца Ожерельева используется платок, а не сорóка — распространенный женский головной убор в южных губерниях (Тульской и Рязанской, на границе которых находилось Даровое), глухая темно-синяя клетчатая (шахматная) понёва.

⁸ Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 4. Мещерский А. Е. Этнографические сведения о Каширском уезде Тульской губернии. Л. 5. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Мещерский* и указанием номера листа в круглых скобках.

⁹ Как, например, дымные (курные) избы с аскетическим убранством или овсяный кисель, который в Даровом, по воспоминаниям старожилов, бытовал вплоть до середины XX в.

Понёва (панева) неожиданно возникает в романе «Братья Карамазовы», усиливая автобиографический «даровской» контекст последнего произведения Ф. М. Достоевского. В сцене суда Иван Карамазов говорит председателю:

«Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: "Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу". За ней ходят с сарафаном али с паневой, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: "Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу"... Это в какой-то нашей народности...»¹⁰.

Комментаторы 30-томного Полного собрания сочинений лишь отмечают аналогичные мотивы в русских свадебных песнях, ссылаясь на издание И. П. Сахарова «Песни русского народа» 1839 г.¹¹ (ДЗ0; т. 15: 598). Недостаточной нам представляется и скупая отсылка к «Пословицам русского народа» В. И. Даля в комментариях к 15-томному собранию сочинений¹². Учитывая, что образ Ивана Карамазова напрямую связан с воспоминаниями деревенского детства Достоевского (Чермашня — родительская деревня Черемошня, лес в пустошах Бегичеве и Дячкине — лес в окрестностях Дарового, см.: [Бессонова, 2019: 200]), то сравнение с крестьянской девкой оказывается неслучайным. Знаковым здесь является и характерное «цоканье», локально встречающееся в Рязанской¹³ и, как мы увидим далее, в Тульской губерниях, и диалектный вариант союза 'или' — 'али', и само описание обряда, подробности которого встречаем в этнографических материалах о Тульской губернии:

«Вообще обычаи здѣшнихъ крестьянъ отличаются своею странностію. На пр<имѣръ> здѣшнія дѣвки ходятъ до 15 и до 16 лѣтъ въ однихъ только рубахахъ, опоясанныхъ краснымъ шерстянымъ поясомъ; а по прошествіи сего срока на дѣвку надѣваютъ поневу <...>. Обрядъ же надѣванія поневы совершается въ день именинъ въ присутствіи всей родни. Въ это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинаетъ ходить по ней. Мать ея, держа въ рукахъ открытую поневу, слѣдуетъ за нею подлѣ лавки и приговариваетъ: "вскоци дитятко, вскоци милое"; а дочь каждый разъ на таковое привѣтствіе сурово отвѣчаетъ: "хоцу вскоцу, хоцу невскоцу".

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 15. С. 116. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹¹ Сахаров И. П. Песни русского народа: [в 5 ч.]. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 3: Русские свадебные песни. 528 с.

¹² Ср. фольклорные записи В. И. Даля: «Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (в старину невеста говорила: хочу — вскоцу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку)» (Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 332; впервые вышли в свет в 1861–1862 гг.). См.: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. С. 374 [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/dostoevski/02comm/35_2.htm (18.08.2023).

¹³ См.: [Сидоров: 131–134], [Аванесов: 226–231]. См. также сноску 14.

Но какъ вскочить въ поневу, значитъ объявить себя невѣстою и дать право женихамъ за себя свататься; то никакая дѣвушка <не> заставляетъ долго за собою ухаживать, и никакая не дѣлаетъ промаху въ прыжки, влекущего за собою отсрочку въ сватовство до слѣдующаго года»¹⁴.

Таким образом, посредством целого ряда «местных», зачастую имплицитных подробностей вокруг Ивана Карамазова и — шире — во всем романе формируется семантическое поле, работающее на одну из ключевых идей не только «Братьев Карамазовых», но и всего «великого пятикнижия» и неразрывно связанного с ним «Дневника Писателя», — это «драгоценные воспоминания детства».

Отдельные наблюдения А. Е. Мещерского могут служить дополнением к тексту моногаровского священника, который, к сожалению, обращает мало внимания на диалектные особенности народной речи. А. Е. Мещерский отмечает, что с октября по апрель крестьяне имеют обыкновение отправляться на заработки в город, что накладывает отпечаток на их речь: «*въ разговорахъ объясняются довольно складно*» (Мещерский: л. 2). В отличие от П. В. Проферансова, А. Е. Мещерский выделяет яркие фонетические, морфологические, лексические диалектизмы, например: *бязу*, *связкровь* (с характерным южнорусским яканьем), *вошпиталь* (воспитательный дом), *шпитомец* (воспитанник), *некрут* (замена начального согласного в слове рекрут)¹⁵,

¹⁴ Глаголев А. Тула. Из памятных записок 1823 и 1826 года // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 15. 1835. № 1 [Год 7]. С. 68–69 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12053777?page=112&rotate=0&theme=white (18.08.2023). Среди этнографических материалов Научного архива РГО есть документ, предположительно составленный председателем Отделения этнографии Н. И. Надеждиным, «О старинном крестьянском обряде надевания понявы», где, процитировав записки А. Глаголева, автор замечает: «*Мы неруцаемся, существуетъ ли теперь въ Богородицкомъ уѣздѣ обычный праздновать такимъ образомъ совершеннолѣтіе дѣвушки; но за двадцать лѣтъ и болѣе онъ существовалъ не только въ Богородицкомъ, но и въ другихъ ближайшихъ къ нему уѣздахъ; на пр<имѣръ> въ прежде бывшемъ городѣ, нынѣ слободѣ Гремячевѣ, Веневскаго уѣзда, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зарайскаго, Рязанской губерніи (оба граничатъ с мѣстностью въ Каширскомъ уѣздѣ, где находится Даровое Достоевскихъ. — А. Б.). <...> Мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, что обычай, описанный въ приведенномъ нами отрывкѣ, не есть общій, а частный. Русская пословица: Что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай, ни къ какому другому краю не можетъ лучше быть примѣнена, какъ къ восточнымъ и южнымъ уѣздамъ Тульской губерніи <...>. Тамъ не рѣдкость встрѣтить нѣсколько смѣжныхъ селъ, которыя различествуютъ между собою не только обычаями, но и языкомъ. На пр<имѣръ> въ одномъ селеніи звукъ ц выговариваютъ, какъ ц, въ другомъ на оборотъ <...>. Въ настоящее время образованность быстро вытѣсняетъ всѣ народныя старинныя обряды <...> и тѣмъ съ болѣею признательностію должны мы принимать всякое любопытное свѣдѣніе о старинѣ, сообщаемое людьми образованными, знающими мѣстность» (Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2 об. — 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1378064> (18.08.2023)).*

¹⁵ В другом месте А. Е. Мещерский замечает: «*При рекрутскихъ наборахъ когда повезутъ назначеннаго къ отдачѣ, то его провожаютъ также какъ умершаго*» (Мещерский: л. 6), что нашло отражение в пословице, приведенной В. И. Далем в качестве иллюстрации к слову некрут: «Въ некрутчину, что въ могилу». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого

гамазея (метатеза при усвоении заимствованного 'магазин'; оба слова — 'некрут' и 'гамазея' — зафиксированы в словаре В. И. Даля без областных помет), *идіо, видё, жрію* (усеченный аффикс личной формы глаголов 'идет', 'ведет', 'жрет'; данное фонетическое явление зафиксировал и П. В. Профрансов); *кулига* (небольшая часть лугу, лѣса), *магарычъ* (значитъ пить вино посылъ покупки, продажи или мѣны), образцы бытовых метафор *мѣсяць (сонце) погибаетъ*¹⁶ в значении затмения. Последний пример перекликается с этнографическими записями старшего брата писателя, одного из опекунов имения после смерти родителей, М. М. Достоевского, сделанными во время его пребывания в Даровом в начале 1850-х гг.: *овсы хороши живали* (овес хороший рос), *пѣвчые процвели* (преуспели)¹⁷. Характерные местные выражения сопровождают также повествование о свадебном обряде: *запить невесту, пирог курник, кормная телега, вечеровые* (родные невесты).

Что дают нам эти лингвистические наблюдения для понимания Достоевского? В «Дневнике Писателя» за 1873 г. в главке «По поводу новой драмы», разбирая пьесу Кишенского «Пить до дна — не видать добра», Достоевский пишет:

«Нашего автора упрекали <...> за слишком уж *натуральный* мужицкий язык, утверждая, что он мог бы быть более литературным. Этой *натуральностию* языка и мы недовольны; всё должно быть художественно. Но, прочтя внимательно, прочтя другой раз драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было изменить язык, в иных ее местах по крайней мере, не ослабив ее характерности. Это "пыжалте, мамынька-с" не могло быть изменено: вышло бы не так подло. И заметьте, что эту гадкую, глупую пьющую старуху, свою "мамыньку" сынок уважает столько же, сколько свою подошву» (ДЗ0; т. 21: 99).

Здесь видна стратегия Достоевского относительно языка художественного произведения. Под «натуральностью» языка он имеет в виду в данном случае фонетический диалектизм в сочетании с лакейским словоерсом как яркое средство психологической характеристики персонажа пьесы. Если говорить о присутствии диалектных слов в произведениях самого Достоевского, то, следуя требованию художественности, он в некоторых случаях позволяет героям говорить на местном наречии, как, например, крестьянину Душкину или мещанину в «Преступлении и Наказании» — из соображений художественной правды. Красильщик — Миколка (не Николка), как

великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. изд.-е. М.: Терра — Книжный клуб, 1998. Т. 2. Стлб. 1355. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Даль* и указанием тома и номера столбца в круглых скобках.

¹⁶ См. у В. И. Даля: «Коли могорычи выпиты, и дѣло покончено» (*Даль*; т. 2: 747).

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 6. Достоевский Михаил Михайлович. [Записная тетрадь]. Материалы для художественных произведений, расчеты по табачной фабрике и др. заметы. 1849–[1850-е гг.]. Л. 9; опубли.: [Бессонова, 2019: 199].

говорили в Зарайском уезде¹⁸, а Раскольников, который тоже «из этих местов», — убийца, а не иначе, литературно — убийца. Устами мещанина приговор Раскольникову вынес народ, а потому невозможно было изменить язык, по мнению Достоевского, не изменив характеристики текста. К народным словам прибегает писатель и тогда, когда говорит от первого лица. В «Дневнике Писателя» 1876 г. сквозной темой становится

«русский человек, которого надо образить* и очеловечить (*Образить — словцо народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. Долго пьянствующему говорят, укоряя: "Ты хошь бы образил себя". Слышал от каторжных.)» (ДЗ0; т. 22: 26); «народ наш <...> нужно самого обучить сперва грамоте, образить его, развить его, настроить школ...» (ДЗ0; т. 23: 157).

«Словарь русских народных говоров» фиксирует широкое распространение данного слова в южнорусских губерниях, в том числе и в ближайшей к Даровому Рязанской губернии¹⁹.

По мнению В. П. Владимирцева, «Достоевский питал особую приязнь к живым разговорным "словечкам" (лексемам, словоформам, идиоматике). <...> писателя занимали в "словечках" всего более мгновения из внутренней жизни православного великорусского человека и этноса в целом. Живые, "горячие", коннотативные значения "словечек" позволяли Достоевскому своевременно и проникательно судить о нравственных и психологических процессах, происходивших в России» [Владимирцев: 348]. С нашей точки зрения, интерес писателя к емкому и точному народному слову начал формироваться еще в детстве, и особенно в деревне.

Этнографические материалы А. Е. Мещерского содержат ценные наблюдения над традициями народного права:

«Въ имѣніяхъ <...> владѣльческихъ, гдѣ не живутъ сами помещики собираются мирскіе сходки, по призыву сельскаго начальника (старосты) для разкладки и урвенія между жителями требуемыхъ съ нихъ подушныхъ денегъ и разныхъ земскихъ сборовъ <...> для избранія самихъ вотчинныхъ старостъ <...>, всякой обыватель находящійся на мирской сходкѣ имѣетъ свой полной голосъ, а всѣ урвенія или разкладки рѣшаются или большинствомъ голосовъ или очередью. Если же мирская сходка собирается для разобранія какого либо проступка, изъ числа живущихъ въ селеніи; то обвиняемаго вызываютъ въ передъ, и онъ долженъ предъ всѣми оправдываться, иногда признается мирскою сходкою правымъ; то обвинявшій его наказывается за ложной доносъ по усмотрѣнію

¹⁸ В переписных документах Зарайска 1715 г. встречаются имена Микифор, Микита. См.: Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Типолит. И. Н. Кушнерева и К^а, 1888. С. 51–53 [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003614297?page=1&rotate=0&theme=white> (18.08.2023).

¹⁹ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1987. Вып. 22: Обвинень — одалбливать. С. 191 [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1348> (18.08.2023).

мирской сходки при оной телесно розгами; или другимъ какимъ оштрафованіемъ <...> замѣченныхъ обществомъ неоднократно въ дурныхъ поступкахъ <...>; для примѣру прочимъ, молодыхъ лѣтъ и годныхъ отдають безъ очереди въ солдаты, а у протчихъ отнимають въ предѣ до исправленія право присутствовать на мирскихъ сходкахъ и подавать свое мнѣніе, и послѣднихъ называютъ отъявленными» (Мещерский: л. 8–8 об.)²⁰.

А. Е. Мещерский описывает здесь так называемое обычное право [Безгин: 13], распространенное в крестьянской среде. Эти подробности интересны нам как характеристика народного Дарового, которое, будучи владельческим имением, где помещики с 1831 по 1837 г. не проживали постоянно, «самоуправлялось» миром во главе со старостой Савином Макаровым (Достоевский А. М.: 60). Мирские сходки, подобные тем, что описывает Мещерский, видел в детстве и Достоевский, что отозвалось впоследствии в «Дневнике Писателя» за 1873 г., где он обобщает: крестьянская Россия «лишь миром и его приговором вся держится и стоит» (ДЗ0; т. 21: 101), а позднее, в главке 1876 г. «Земля и дети», решение земельного вопроса видит в крестьянской общине:

«А что есть община? Да тяжелее крепостного права иной раз! Про общинное землевладение всяк толковал, всем известно, сколько в нем помехи экономическому хотя бы только развитию; но в то же время не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального, что всех ожидает, что неизвестно как произойдет, но что у нас лишь одних есть в зародыше и что у нас у одних может сбыться, потому что явится не войною и не бунтом, а опять-таки великим и всеобщим соглашением, а соглашением потому, что за него и теперь даны великие жертвы» (ДЗ0; т. 23: 99).

Еще один интересный аспект жизни деревни в Каширском уезде Тульской губернии — организация медицинской помощи. А. Е. Мещерский пишет:

«Въ обыкновенныхъ болѣзняхъ крестьяне прибѣгаютъ къ помощи своего владѣльца, или сосѣдняго, и данные самыя простыя лѣкарственныя пособія <...> оказываютъ желаемое дѣйствіе; вывихи суставовъ вправляютъ также большую частію безъ пособія мѣдика» (Мещерский: л. 6 об. — 7).

И далее помещик подробно описывает изобретенный им способ лечения свирепствовавшей в уезде летом 1848 г. холеры, благодаря которому из 41 заболевшего в сельце Ожерельеве скончалось только 3 человека. Лечиться к Мещерскому приходили из окрестных деревень, он смог вылечить двух своих дочерей и их гувернантку. Завершает Мещерский «медицинскую» часть своих наблюдений «верноподданническим» пожеланием:

²⁰ В. И. Даль помечает понятие 'отъявленный мужик' в значении «лишонный, за дурное поведение, голоса на сходкѣ» как тульское (Даль; т. 2: 1998).

«Желаніе мое быть полезнымъ <...> чѣмъ либо драгоцѣнному моему Отечеству возродило во мнѣ смѣлость подвергнуть сіе къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ВСЕАВГУСТѢЙШАГО ПОКРОВИТЕЛЯ Рускаго Географическаго Общества на милостивое возрѣніе, и если удостоится онаго и не будетъ отвергнутъ сей способъ лѣченія Медициною, то желаніе мое достигнетъ самой высшей стѣпени благополучія» (Мещерский: л. 7 об.).

Михаил Андреевич Достоевский, будучи врачом по образованию, лечил от болезней крестьян Дарового и Черемошни, о чем свидетельствует его переписка с женой, Марией Федоровной, где он либо дает ей наставления относительно способов лечения крепостных, либо делится предпринятыми им мерами по оздоровлению няни Алены Фроловны [Нечаева: 79–80]. Несомненно, что по выходе в отставку отец писателя продолжил свою врачебную практику и в Даровом.

Говоря о народном характере и нравственности, А. Е. Мещерский выделяет такие качества, как понятливость и сметливость и при этом отсутствие расчетливости:

«...они мало обдумываютъ на будущіе время; довольствуясь настоящимъ. <...> пьянство, лѣность и воровство болѣе имѣютъ мѣста въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ управленіи нѣтъ порядка; и довольно строгости къ искорененію сего зла <...>. Добрые же качества ихъ далеко превышаютъ пороки: совершенная привѣрженность къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всей АВГУСТѢЙШЕЙ ФАМИЛИИ; къ Отечеству, родинѣ, слѣпое повиновеніе къ исполненію приказаній всякой высшей власти; набожность, строгое соблюденіе нѣ токмо постовъ, но и всѣхъ постныхъ дней <...>. Охотно даютъ покровъ пострадавшимъ отъ пожара или иныхъ несчастныхъ случаяхъ, впредь до выстройки имъ своего жилища безъ всякой платы; неимущимъ и увѣчнымъ подаютъ по возможности пропитаніе. Занятые деньги одинъ у другаго и разныя вещи <...> безъ всякихъ актовъ и записокъ, кои у нихъ совсѣмъ не въ употребленіи; на одно только честное слово; отдають всегда исправно...» (Мещерский: л. 9–9 об.).

Можно предположить, что вера Достоевского в лучшие народные качества, высказанная в полной мере на страницах «Дневника Писателя», зародилась еще в детстве и находит свое обоснование в свидетельствах тех, кто с этим народом живет всю свою жизнь бок о бок, — священника Профферансова и помещика Мещерского²¹ (напомним, что каникулы будущего

²¹ Корреспонденты из Каширского уезда в своих оценках народа не одиноки. В этом смысле интересны обобщения священника из Зарайского уезда, на границе с которым находилось имение Достоевских: «Простой народъ земли Руской, какъ въ характеръ, такъ и во многихъ отношеніяхъ имѣетъ отпечатокъ единства, а это единство рускаго духа неизгладилось въ народъ въ продолженіи многихъ лѣтъ никакимъ постороннимъ вліяніемъ, отчего вся земля Русская, какъ одна великая семья» (Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Селезнев Ф. Этнографические сведения о жителях Зарайского уезда Рязанской

писателя в Даровом и время создания этнографических записок разделяет всего 10 лет).

Об укорененности в древних, дохристианских временах говорит обычай опахивания села при эпидемиях и падеже скота. Его упоминают многие корреспонденты РГО из Каширского уезда, причем можно наблюдать ряд устойчивых элементов данного обряда в разных деревнях: действие совершается ночью, его участницы — женщины (вдовы или девушки), которые впрягаются в соху и проводят ею борозду округ селения. Эта архаичная часть обряда сопровождается несением икон и пением молитв, например «Святый Боже». А. Е. Мещерский, как и П. В. Проферансов, отмечает: по завершении обряда

«разходятся всѣ по своимъ домамъ, въ полномъ увѣреніи что какая бы не была зараза но не смѣетъ перейти прорѣзанную ими борозду; но сіе пустое ихъ заблужденіе, запрѣщеніями владѣльцевъ и совѣтами приходскихъ Священниковъ во многихъ селеніяхъ оставляется» (Мещерский: л. 6 об.).

Учитывая, что повальные болезни и падеж скота — явление нередкое в русской деревне XIX в.²², можно предположить, что, проводя летние каникулы в Даровом, юный Достоевский мог быть свидетелем подобных обрядов, тем более что «Воспоминания А. М. Достоевского» содержат описания традиционных молебнов и крестных ходов, близких по своему содержанию обряду опахивания селения. Так, был «заказан» пруд, устроенный в усадьбе по распоряжению М. Ф. Достоевской. Водоем был обойден кругом крестным ходом с определенной целью: «Чтобы не было преждевременной ловли и истребления вновь насаженных карасей в пруду...» (Достоевский А. М.: 55).

губернии. Л. 11. Рукопись датирована 1867 г. Позднее текст с купюрами, авторскими и цензурными, был опубликован в Рязанских губернских ведомостях (1871, № 67–69) и выпущен в том же году отдельной брошюрой: Этнографическія свѣденія о Рязанской губерніи. Народные юридическіе обычаи, существующіе въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, собранные дѣйствительнымъ членомъ статистическаго комитета, священникомъ Селезневымъ. Изданіе Рязанскаго статистическаго комитета. Рязань: Въ Губернской Типографіи, 1871). Заметим, что личность Ф. В. Селезнева весьма примечательна. Он связан родственными узами с Н. П. Гиляровым-Платоновым, который оставил о кончаковском батюшке, а позднее благочинном, такую характеристику: «тот идеальный пастырь, каких разве только десятки наберутся в России. Никогда праздного слова, весь в труде, образцово воздержный, строгий к себе, он переродил прихожан» [Гиляров-Платонов: 311].

²² Священник соборной церкви г. Каширы Павел Глаголев пишет: «Въ падежѣ рогатаго скота, который здѣсь отъ частаго ли прогона въ Москву Черкаскаго скота, или отъ другихъ причинъ, почти каждагодно болѣе съ Іюля мѣсяца открывается, не имѣя врачебныхъ пособій и не зная ихъ, прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ» (Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 19. Краткое этнографическое сведение касательно жителей Тульской губернии города Каширы с его уездом, собранное наставлению, данному от Русско-го географическаго общества. Л. 2).

Обход кругом, проведение защитной черты — реальной или метафизической — достаточно распространенный народный ритуал. По заключению современного исследователя, «экстремальные ситуации всегда обнажают наиболее важные ценности и наиболее общие жизненные ориентации. Изучение арсенала средств, которыми располагала традиционная культура для противостояния таким часто случавшимся бедствиям, как засуха, падеж скота, эпидемические болезни, пожары, высвечивает основы социально-мировоззренческой солидарности. <...> система народных мировоззренческих представлений имела, по существу, двухслойный характер. Не будучи "двоеверными", русские, как и другие христианские народы, в своей ритуальной практике не утратили различных символических способов взаимодействия с природными силами» [Островский: 109].

Обратимся к материалам, присланным в РГО помещиком села Красина-Телешова Каширского уезда Александром Балтазаровичем Фрейрейсом (1819–1855)²³. Как известно из «Дела о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса» из фондов ГАТО, отец Александра Фрейрейса Балтазар Александрович, лютеранин по вероисповеданию,

«изъ иностранцевъ присягнувшихъ на вѣрность подданства Россіи <...> въ службу поступилъ изъ воспитанниковъ С. Петербургскаго Практическаго Лѣснаго Института съ званіемъ ученаго фористмейстера, въ Екатеринославскую Губернію 1814 Октября 15»²⁴.

Здесь прослужил он десять лет, после чего был переведен в Воронежскую губернию на должность губернского лесничего, где в 1839 г. дослужился до чина подполковника Корпуса лесничих и поста директора лесничества. Среди многих наград Фрейрейса за честную и беспорочную службу стоит выделить одну:

«за представленное разсужденіе въ разрѣшеніе задачи предложенной ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ обществомъ для поощренія Лѣснаго Хозяйства, объ укрѣпленіи сыпучихъ наносныхъ песковъ и за разведеніе имъ на таковыхъ болѣе 700 десятинъ благонадежнаго лѣса, признанъ отъ сего общества, 1834 февраля 25, достойнымъ золотой медали»²⁵.

Вспоминаются в этой связи переживания Ф. М. Достоевского о том, что «безлесья Россию», и его горячее желание получить свою долю куманинского

²³ Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 6. Фрейрейс А. Характеристические очерки жителей Каширского уезда. 9 л. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Фрейрейс* и указанием номера листа в круглых скобках.

²⁴ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 2 об.

наследства в Рязанской губернии лесом, чтобы растить его к совершеннолетию детей²⁶ [Достоевская А. Г.: 281]. О лесах хлопчут и герои произведений, даже комический Фома Фомич дает наставление Ихменеву:

«Вы хотели, — я знаю это, рубить зырянский участок лесу; — не рубите <...>. Сохраните леса: ибо леса сохраняют влажность на поверхности земли...» (Д30; т. 3: 138).

В отставку Б. А. Фрейрейс вышел в 1842 г. в звании полковника, приобрел имение в Каширском уезде, а в 1848 г. подал прошение о внесении его с семейством в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии, что произошло в 1849 г.²⁷

Именно к этому времени относятся записки его сына, Александра Балтазаровича, родившегося в 1819 г., а в 1848 г., согласно архивным документам, числящегося писцом Тульской казенной палаты по отделению казначейства в чине коллежского регистратора²⁸.

К задаче, поставленной РГО, Александр Фрейрейс подошел творчески. Сам он определяет жанр своих заметок как «характеристические очерки», но, скорее, это эссе горячего сторонника русского крестьянства. Так, Фрейрейс выделяет в народе

«дѣятельность, терпѣніе въ трудахъ и крѣпкое здоровье, готовое бороться со всякими переменами суровой атмосферы. Опытъ убѣдилъ ихъ, что каждый ломоть хлѣба для будничной трапезы, каждый кусокъ мяса къ праздничному столу ихъ, должны быть добыты по́томъ, и не упадутъ на столъ безъ труда неутомимаго. Очевидно, что подобное существованіе не можетъ быть блестящимъ и что оно немногимъ — чѣмъ роскошнѣе нищеты... <...> И не взирая на это, не смотря на то, что эти люди ѣзъ-году въ годъ бьются выработывая свои господскія и казенныя повинности, да живутъ въ тѣсныхъ, душныхъ, сырыхъ и дымныхъ жилищахъ; не смотря на всё это, говорю я, они и поютъ и пляшутъ по праздникамъ — они готовы веселиться при каждомъ удобномъ случаѣ! Въ ихъ словарь нѣтъ слова "Скѣ́ка"; они не зѣваютъ, отъ бездѣлья какъ многіе изъ насъ, эманципированныхъ существъ, нерѣдко въ одинъ день убивающихъ всѣ грядущіе доходы съ имѣній своихъ, и привсѣмъ томъ жалующихся на "тоску сердечную"...» (Фрейрейс: л. 1–1 об.).

Пафос, отличающий слог Фрейрейса, продиктован стремлением не просто констатировать факт, а осмыслить его, дать свою оценку, будь то быт,

²⁶ Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 281 [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/fa/88/fa889b0e-a2eb-49ca-bb3b-3991383c2020/dostoevsky_vospominania.pdf (18.08.2023).

²⁷ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Л. 23.

²⁸ Там же. Л. 7.

внутрисемейные отношения, обряды, религиозные представления народа. Так, многие корреспонденты РГО из Каширского уезда отмечают отходничество крестьян, особенно в осенне-зимний период. Ведомости Свято-Духовского храма села Моногарова косвенно подтверждают наличие этого явления в Даровом: против отметки о том, что крестьянин не был на исповеди в Великий Пост, у некоторых из них указана причина — «за отлучкою», нередко по два-три года сряду²⁹. Фрейрейс видит в отходничестве не только источник правильной речи крестьян Каширского уезда — он подмечает и пагубное влияние города на народную нравственность:

«Въ Москвѣ усвѣиваетъ онъ себѣ эту страсть къ расточительности, эту привычку мотать трудовымъ заработкомъ, это неуваженіе къ святынямъ брачныхъ узъ: онъ — бѣльшею частію — эпикуреецъ...»

Нынѣ сомнѣнія, конечно, что лучи истинной цивилизаціи, проникнувъ и въ дѣльное жилище крестьянина, — рано, или поздно, — наведутъ его на лучшую дорогу и покажутъ ему, что не этимъ путѣмъ достигается нравственное усовершенствованіе. Нынѣ же, по старой привычкѣ только, да изъ страху наказанія повинуюсь еще волю помѣщика своего, — онъ заносчивъ и неуступчивъ уже съ людьми, поставленными внѣ матеріальнаго вліянія на судьбу его; "а я вама не фрякаю" скажетъ онъ каждому, кто захотѣлъ бы упрекнуть его въ непочтительности или дерзости» (Фрейрейс: л. 3–3 об.)³⁰.

Спустя тридцать лет в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Ф. М. Достоевский словно отвечает на опасения А. Б. Фрейрейса:

«Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ: это будто бы такой ход дела, при котором, рядом с спасением и светом, вторгается столько ложного и фальшивого, столько тревоги и сквернейших привычек, что разве лишь в поколениях впереди, опять-таки, пожалуй, через двести лет, возрастут добрые семена, а детей наших и нас, может быть, ожидает что-нибудь ужасное. Так ли это по-вашему, господа? Назначено ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой цивилизации? <...> Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительнее. Я очень склонен уверовать, что наш народ такая огромность,

²⁹ ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 22. Л. 6 об.

³⁰ Фрейрейс в конце своих очерков дает небольшой словарь местных слов, поясняя глагол «фрякать» — нуждаться. В. И. Даль, указывая на тульско-каширский ареал глагола «фрякать», приводит в качестве примера его употребления выражение «Я вами не фрякаю» с литературной формой местоимения «вы». Тем ценнее в тексте Фрейрейса диалектный вариант творительного падежа «вама», сохранивший архаичную падежную форму двойственного числа.

что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут» (ДЗ0; т. 22: 45).

Периоды не только общения с народом, но жизни среди него были у Достоевского дважды — в Даровом и на каторге, но лишь в Даровом он увидел и узнал народ в его естественной среде и привычном состоянии, и эти впечатления детства, к которым писатель столь активно обращался в зрелый период своего творчества, усиленные каторжными «открытиями», стали источником его размышлений о судьбе народа.

А. Б. Фрейрейс с горечью отмечает характер внутрисемейных взаимоотношений, сложившихся в крестьянской среде:

«Домашній бытъ его богатъ такими картинами, отъ которыхъ не разъ вскружнётся истинному филантропу. На жену свою глядитъ онъ обыкновенно не какъ на подругу, имѣющую одинаковыя права съ нимъ на радости и скорби бытія, на любовь и уваженіе его; но больше какъ на существо, осуждённое быть слѣпымъ орудіемъ его произвола и не имѣющее никакого голоса въ домашнемъ ареопагѣ. Здѣсь онъ уже деспотъ...»;

«Въ дѣтяхъ своихъ онъ больше видитъ одинъ неизбежный даръ брака — чѣмъ благословеніе его, и только взрослые изъ нихъ — да и то мальчики — имѣютъ нѣкоторый интересъ для него, какъ помощники въ полевыхъ и домашнихъ трудахъ...» (Фрейрейс: л. 3 об. — 4).

Современные исследователи жизни русского народа, обращаясь к вопросу любви в крестьянских семьях, утверждают: «Не следует думать, что хозяйственные задачи определяли всё в семейных отношениях. Крестьяне знали глубокие супружеские и родительские чувства. Казалось бы, здесь и доказывать нечего, ведь достаточно хорошо известна лирика русского фольклора, отразившая богатейшую гамму сильных и тонких чувств. Однако об отношениях в крестьянской семье было сказано в литературе немало худого. Как правило, это были выхваченные поверхностным наблюдателем из общей спокойной и ясной картины мрачные случаи, на основе которых делались широковещательные выводы» [Громыко, Буганов: 326]. Однако те же народные песни, к которым апеллируют авторы, сохранили семейно-бытовые сюжеты, иллюстрирующие наблюдения А. Б. Фрейрейса, далекие от идеализации семейных отношений у крестьян. Это, например, песня «Я вѣчер млада / Во пиру была...», упоминаемая Ф. М. Достоевским в подготовительных материалах к «Дневнику Писателя» 1881 г. под названием «Верея ль вереюшка» (ДЗ0; т. 27: 45). Этнографическая коллекция Научного архива РГО по Тульской губернии подтверждает, что эту песню Ф. М. Достоевский мог слышать в Даровом³¹:

³¹ Ранее один из ее вариантов был опубликован в сборнике: Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Том первый. Книга первая, вторая, третья и четвертая. Из-

«Я вячо́р малада́
Ва пиру́ была́ (2),
Ва бясѣдушки,
Я ня у ба́тюшки,
Я ня у ма́тушки;
Я была́ малада́
У ми́ла дру́шка (2),
У сярде́ шнава.
Я ня ме́т пи́ла, —
Я пи́ла мла́да
Сла́тку во́дачку (2),
Фсе́ ви́шнёвачку;
Я ня рю́мачкай,
Ня стака́нчикам,
Я пи́ла мла́да
Ис палу́вядра (2),
Чаряс кра́й пи́ла.
И я по́лям шла —
Ня валя́лася,
И я лѣ́сам шла —
Ня шата́лася;
Ка двару́ пришла́ —
Пашатну́лася,
За вярэ́юшку ухва́тiлася.
Вяря-ль, моя
Вярэ́юшка!
Паддзяржí мяня́,
Ба́бу пъя́наю,
Шэ́льму хмѣ́льнаю, —
Ня уви́дѣл-бы
Свёкар-ба́тюшка,
Ня сказа́л-бы сва́му сы́ну
Ма́му му́жу.
У мяня́-ли муш —
Го́ркая пъя́ница;
Он ви́на ня пѣ́ть,
С вады́ пъян живѣ́ть,
Нада мно́й младо́й
Он лама́ицца.
У мяня́-ль младо́й
До́ма у́брана:

*Лѳшки вы́мала,
Вѳ щѳ вы́ляла,
Парѳх вы́мала —
Ф гарѳх вы́ляла,
Ча́шу вы́мала —
Ф ка́шу вы́ляла,
Пол скряблѳ —
Пирагѳ́ няклѳ́»³².*

Лишь неизменное почтение к родителям и страх Божий перед послушанием, усомниться в котором не дает автору слышанная им варварски-циническая шутка («*Этимъ ножомъ хорошо-бы бачьку на печь подсаживать*» говорит онъ, увидя длинный или вострый ножикъ — и хохотъ общаго удовольствія награждаетъ его жалкое остроуміе...») — Фрейрейс: л. 4 об.), вселяет надежду на незыблемость нравственных устоев в народной среде. Наблюдения А. Б. Фрейрейса перекликаются как со страшными деревенскими впечатлениями Ф. М. Достоевского, о чем тот «проговаривается» в статье «Среда», когда вспоминает дело крестьянина Саяпина:

«Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее» (Д30; т. 21: 21), —

так и с верой писателя в лучшие свойства народной души, выработанные вековыми традициями.

Заметки А. Б. Фрейрейса о религиозных обрядах крестьян Каширского уезда позволяют по-иному взглянуть на некоторые подробности, приведенные А. М. Достоевским в мемуарах о Даровом. Хорошо известна история пожара в только что приобретенном имении. Андрей Михайлович пишет, что произошел он по вине крестьянина Архипа Савельева, вздумавшего в Страстную пятницу «палить кабана у себя на дворе» (Достоевский А. М.: 60). На фоне единодушного мнения корреспондентов РГО о религиозности крестьян и строгом соблюдении ими постов крепостной мужик господ Достоевских выглядит безбожником. Если бы не одно обстоятельство: пожар, по официальным документам, случился в Даровом 7 апреля 1832 г.³³, а это был Страстной четверг. Как пишет А. Б. Фрейрейс:

³² Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 52. Благовещенский В. И. Русские народные песни, собранные в различных уездах Тульской губернии. Л. 47 об. — 49. Ценность этому документу придает фонетическая запись песни, зафиксировавшая диалектные особенности произношения в Тульской губернии.

³³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10678. Дело о происшествиях в уездах Тульской губернии за 1-ю половину апреля 1832 г. Л. 2–2 об.

«Четвертокъ Страстной недѣли — есть преддверіе въ Свѣтлую. Тутъ, до солнечнаго восхода, бьютъ какое нибудь домашнее животное, нарочно къ тому времени подкормленное. Завернувъ поро́знь, въ тряпицы, частицу сала отъ этаго животнаго, нѣсколько щепотокъ соли и золы, въ тотъ день изъ печи выметенной, — вѣшаютъ ихъ подъ кровлю дома и берегутъ, какъ универсальное лѣкарство, если не отъ всѣхъ, то, по крайней-мѣрѣ отъ многихъ болѣзней. Это сало, эта соль и эта зола — зовутся у нихъ "Четверговымъ Саломъ, Четверговою Солью и Четверговою золою"» (Фрейрейс: л. 6 об.).

Кабан, из-за которого и случился в Даровом пожар, скорее всего, был забит, а потом и опален Архимом ради «четвергового сала», следовательно, трагический инцидент стал результатом соблюдения традиционной в крестьянской среде обрядности в Страстную неделю, а не фактом святотатства.

А. Б. Фрейрейс замечает:

«Религіозные понятія крестьянина здѣшняго весьма ограниченны, правда, но за то съ радостью можно сказать, что онъ слѣпо привязанъ къ вѣрѣ отцовъ и строго повинуется уставамъ церкви своей. Наслѣдуя отъ предковъ святыя догматы Религіи, онъ усвоилъ себѣ, однако, и всѣ предрасудки, и всѣ суевѣріе блаженной старины» (Фрейрейс: л. 4 об.).

Автор очерков выражает надежду, что просвещение сделает свое благое дело. Однако он не может не посвятить несколько страниц описанию колоритных народных праздников и сопряженных с ними обрядов, где соединились христианский церковный календарь и народная мифология. Здесь и полные возвышенной поэзии приметы о плеснувшей в тишине воде на Крещение как знаке того, что в это мгновение Христос крестился в Иордане, это и вынесенные в поле печеные «лестницы» на Вознесение, по которым Христу легче восходить на небо³⁴.

Отголоски дохристианского прошлого присутствуют и в отношении русского народа к православным святым:

«Нѣкоторымъ изъ Святыхъ крестьяне приписываютъ особенную честь, называя ихъ богами какихъ-либо домашнихъ животныхъ. О благоденствіи рогатаго скота, напимѣръ, молятъ Священно-мученика Власія (11 февраля);

³⁴ Аналогичный обряд, но уже с другим смысловым — более утилитарным — наполнением, описывает П. П. Сумароков в «Очерке сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде»: «В праздник *Вознесения* крестьяне домохозяева, преимущественно старики, имеют неперменное обыкновение осматривать ржаные поля и, судя по тому, в каком положении найдут их в это время, заключают о будущем урожае. Женщины <...> пекут из теста лестницы. С этими лестницами они ходят тоже в рожь. Так каждая из них, на своей пашне, насырав ржи с корня, скручивает по несколько былок в пучек, полагая, что от этого рожь будет гуще и кустистая. Для того же, чтобы она росла выше и как бы желая доставить ей возможность дотянуться до самого неба, бросают на пашни испеченные лестницы» (републикация очерка: [Сумароков: 207]).

благосостояніе лошади поручено Флору и Лавру (Фролу и Лавёру — по ихнему)...» (Фрейрейс: л. 8–8 об.).

Ф. М. Достоевский в «Дневнике Писателя» за 1876 г., обращаясь к теме народа, негодует по поводу отношения образованного сословия к крестьянству:

«Да народ и веры не знает, скажете вы, он и молитвы не умеет прочесть, он поклоняется доске³⁵ и лепечет какой-то вздор про святую пятницу и про Фрола и Лавра. <...> Мы о вере народа и о православии его имеем всего десятка два либеральных и блудных анекдотов и услаждаемся глумительными рассказами о том, как поп исповедует старуху или как мужик молится пятнице» (Д30; т. 22: 113).

День памяти святых Флора и Лавра, «Фрола и Лавёра — лошадиников», православная церковь отмечает 31 августа (18 августа по старому стилю), так что, бывая летом в Даровом, юный Достоевский мог быть свидетелем не только праздничного богослужения, но и традиционных обрядов с лошадьми — главными кормильцами крестьянских семей. В Даровом Достоевский слышал и простонародный вариант имен святых — Фрол и Лавёр³⁶, который упоминается А. Б. Фрейрейсом. «Вздор о святой пятнице» в этом

³⁵ Декабрист А. П. Беляев, имевший возможность ежедневно наблюдать жизнь ссыльных крестьян, близок к пониманию Достоевским сути почитания народом святых: «...православіе глубоко проникло во весь нашъ народный организмъ, и проникло незамѣтно, не смотря на то, что народъ нашъ не имѣлъ воспитанія и, къ сожалѣнію, рѣдко слышалъ даже и проповѣдь, но онъ какъ бы съ молокомъ матери всосалъ въру, и въру правую, и крѣпко держится ея. <...> Наши реформаторы обыкновенно говорятъ, что русскій крестьянинъ, какъ дикій, поклоняется иконамъ, какъ идоламъ, что ставятъ въ упрекъ ему, и даже православію. <...> я убѣдился, что народъ нашъ поклоняется иконѣ не какъ доскѣ или холсту, вмѣщающему въ себя силу, а поклоняется изображенному на нихъ Спасителю, Богородицѣ и тѣмъ прославленнымъ самимъ Богомъ святымъ, въ которыхъ онъ обиталъ при жизни ихъ во времени, какъ обитаетъ въ вѣчности» (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805–1850 / [соч.] А. Беляева. СПб.: А. С. Суворин, 1882. С. 301 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/36258#mode/inspect/page/306/zoom/4> (18.08.2023)).

³⁶ В этой связи позволим себе небольшое лингвистическое наблюдение. Как в мемуарной литературе («Воспоминания А. М. Достоевского»), так и в произведениях Ф. М. Достоевского (рассказ «Мужик Марей», роман «Подросток») зафиксированы народные варианты личных крестьянских имен: Марей (Марк Ефремов) и Савин (Савва Макаров). Как нам представляется, образованы они по аналогии с Фролом и Лавёром, где имели место метатеза (перестановка звуков) и эпентеза (добавление гласного). В случае с Марем мы видим замену согласного на полный слог с сонорным [й], по тому же принципу образовано народное 'Савин', где произошла замена целого слога — на более звучный и удобопроизносимый. Схожие примеры усвоения личных имен приводит и священник села Кончакова Зарайского уезда Рязанской губернии: «Лучшими именами считаются: Иванъ и Марья. Прочія имена для крестьянъ бываютъ сносны, когда удобно ихъ произносить, а имена многосложныя для нихъ тяжелы и часто ими по своему переименовываются. Амосъ, называется Аносъ, Галактіонъ — Лактивонъ, Діомидъ — Дементій, Фока — Фоканъ, Евгенія зовется Евленье, Олимпіада — Липа — Лутошка, Надежда — Нѣха»

ряду «христианского невежества» тоже не случаен. Еще один исследователь народной жизни — священник села Кончакова Зарайского уезда Ф. В. Селезнев — упоминает такие народные обычаи:

«Въ молитвахъ на сонъ и по утру крестьянки говорятъ: матушка пятница помилуй, матушка среда прости меня грѣшную. Подъ пятницу и на самый день коноплю и ленъ толкутъ и трепятъ, но никогда не прядутъ, чтобъ не запылить пятницу»³⁷.

Во многих материалах РГО из Каширского уезда корреспонденты отмечают строгое соблюдение крестьянами постов в среду и пятницу — особых дней в череде страстей Христовых. Избирательность Достоевского в примерах, таким образом, обоснована хорошим знанием обыденной духовной жизни деревни: здесь и поклонение святым покровителям лошадей, и «сердечное знание Христа».

Очерки А. Б. Фрейрейса, таким образом, не только наполняют картину деревенского детства писателя разнообразными и интересными подробностями, но еще раз подтверждают прозорливость многих наблюдений Ф. М. Достоевского над народным характером, и не только крестьянским, чему свидетельство — личность самого А. Б. Фрейрейса, немца по происхождению. В «Деле о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса» есть документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу Александра Балтазаровича. Это его формулярный список, в котором последняя запись сообщает, что А. Б. Фрейрейс, будучи женат и имея троих детей, вступил в Камчатский егерский полк в возрасте 37 лет рядовым 23 июня 1855 г.³⁸ Последний документ в этом деле содержит ответ на письмо отца, Б. А. Фрейрейса, который посылает сыну документы и деньги. Командующий Камчатским егерским полком сообщает,

«что состоявшей на службу <...> отставной Коллежскій Регистраторъ Александръ Фрейрейсъ, во время штурма Англо-французскими войсками города Севостополя, 27го Августа 1855 года убитъ»³⁹.

Известно, что Камчатский егерский полк, которым с 1850 г. командовал И. П. Голев, в Крымскую войну 1853–1856 гг. сражался на Малаховом кургане. Судя по всему, А. Б. Фрейрейс ушел на фронт добровольцем. 83-я Каширская дружина ополчения, в которую он мог вступить, была сформирована в уезде летом 1855 г., прикомандирована к Тобольскому пехотному

(Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Селезнев Ф. Этнографические сведения о жителях Зарайского уезда Рязанской губернии. Л. 2).

³⁷ Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10 об.

³⁸ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Л. 102 об. — 103.

³⁹ Там же. Л. 131 об.

полку и несла службу в Симферополе и Бахчисарае [Смолин: 342]. А. Б. Фрейрейс же оказался на передовом крае обороны Севастополя.

По мнению Л. И. Сараскиной, Достоевского-патриота во многом формировали события Крымской войны. Его горячий поэтический отклик на них впоследствии вылился не только в литературные «воспоминания» романых героев, но и стал провозвестником цельного мировоззрения, раскрытого в «Дневнике Писателя» [Сараскина: 105]. Личность А. Б. Фрейрейса, явленная в корреспонденции для РГО и в поступке этого безвестного коллежского регистратора, может пополнить галерею «лучших людей»⁴⁰, по Достоевскому, в ряду которых самый прославленный — немец по происхождению доктор Ф. П. Гааз. О нем в своей «статье» как о примере единичного добра говорит Ипполит в романе «Идиот», к личности «Гаса» как нравственному идеалу обращается Достоевский в подготовительных материалах к «Преступлению и Наказанию» и в неосуществленном замысле «Жития великого грешника». К тому же разряду может быть отнесен и «общий человек» доктор-немец Гинденбург из мартовского «Дневника Писателя» за 1877 г.⁴¹:

«Этот общий человек хоть и единичный случай, а соединил же над гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу вместе, теснились около него вместе, плакали вместе. Пятьдесят восемь лет служения человечеству в этом городе, пятьдесят восемь лет неустанной любви соединили всех хоть раз над гробом его в общем восторге и в общих слезах. <...> вот эти-то "общие человеки" побеждают мир, соединяя его...» (ДЗ0; т. 25: 92).

Отголоски этих реальных докторов-немцев присутствуют в образе «божьего человека» доктора Герценштубе в романе «Братья Карамазовы»:

«Его все у нас в городе очень ценили и уважали. Был он врач добросовестный, человек прекрасный и благочестивый <...>. Он был добр и человеколюбив, лечил бедных больных и крестьян даром, сам ходил в их конуры и избы и оставлял деньги на лекарства...» (ДЗ0; т. 15: 103).

Парадоксальным образом глубинные проблемы современной России в романе «Подросток» прозревает немец Крафт, которому Достоевский передает собственную боль:

⁴⁰ Эволюцию категории «лучшие люди» у Достоевского подробно прослеживает Г. Я. Галаган, отмечая, что именно в свете «восточного вопроса» у автора «Дневника Писателя» складывается ясное определение «лучших людей»: «Ответ на вопрос о связующем начале русского общества обретается Достоевским во второй половине лета 1876 года, обретается внезапно. Его дает общерусское движение в защиту славян» [Галаган: 105]. Однако истоки «лучших людей» можно усмотреть значительно раньше — в Крымской войне, в которой с той же остротой стояла задача защиты православия как «Христовой истины».

⁴¹ Подробно о личности В. Д. Гинденбурга и ее осмыслении в «Дневнике Писателя» см.: [Сафронова].

«Нынче безлесят Россию⁴², истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево — все засмеются: "Разве ты до него доживешь?" С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» (ДЗ0; т. 13: 54).

Еще в 1830-е гг. с обезлесиванием России в Воронежской губернии успешно боролся немец Б. А. Фрейрейс. Определенно, Россия не была для него постоянным двором. Словно про его сына, павшего на русском поле боя, Достоевский сказал в «Дневнике Писателя»:

«В сущности, эти идеалы, эти "лучшие люди" ясны и видны с первого взгляда: "лучший человек" по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью. <...> И если б только возможно было, чтоб мы все согласились и сошлись с народом в понимании: кого отселе считать человеком "лучшим", то с нынешнего лета, может быть, зачался бы новый период истории русской» (ДЗ0; т. 23: 161–162).

С нашей точки зрения, пример А. Б. Фрейрейса как нельзя лучше подтверждает предположение Ф. М. Достоевского о спасительном для нации согласии с народом образованной части общества в понимании идеала и «скрепляющей идеи».

Этнографические материалы РГО, присланные из Каширского уезда Тульской губернии, позволяют представить народную среду, в которой оказался Ф. М. Достоевский в детстве, уточнить отдельные сведения о событиях в Даровом, содержащиеся в «Воспоминаниях А. М. Достоевского», прокомментировать некоторые эпизоды в произведениях писателя. Наряду с бытовыми подробностями жизни крестьян в этнографических описаниях А. Е. Мещерского и А. Б. Фрейрейса представлен духовно-нравственный облик народа, сказавшийся в его традициях и обрядах, вере и суеверии, что во многом проясняет истоки «народных» воззрений Ф. М. Достоевского.

⁴² В главке «О Юрие Самарине» мартовского «Дневника Писателя» за 1876 г. Достоевский цитирует признание своего героя о впечатлении от статьи князя Васильчикова: «...я не мог заснуть; всю ночь так и мерещилась страшная картина безводной и безлесной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов» (ДЗ0; т. 22: 102).

Список литературы

1. Аванесов Р. Н. Очерки диалектологии рязанской мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 1. С. 135–236 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (18.08.2023).
2. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с.
3. Бессонова А. С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (18.08.2023).
4. Бессонова А. С. Даровое Достоевского в архивных документах Русского географического общества // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 2. С. 196–223 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689191182.pdf (18.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM
5. Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературных исследований. Иркутск: ИГУ, 2007. 459 с.
6. Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873–1876) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 12. С. 99–107 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_12/06_%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD_99.pdf (18.08.2023).
7. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания: в 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 616 с.
8. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 [2] с.
9. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 528 с.
10. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: Лига, 2021. 544 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (18.08.2023).
11. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 158 с.
12. Островский А. Б. Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. СПб.: Эго, 2002. Т. 1. С. 109–156 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ethnomuseum.ru/collections/e_library/materialy-po-etnografii-1/ (18.08.2023).
13. Сараскина Л. И. «Надо сказать правду»: Ф. М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 96–140 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (18.08.2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140
14. Сафронова Е. Ю. Достоевский и Гинденбург: литературный текст в биографическом контексте // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 3. С. 78–115 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (18.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HFWAWY
15. Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 1. С. 93–134 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (18.08.2023).

16. Смолин Н. Н. Дружины Государственного подвижного ополчения 1855–1856 гг. // Русский сборник. 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 325–366.
17. Сумароков П. П. Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде (републикация, послесловие и комментарии А. С. Бессоновой) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Лига, 2019. С. 201–213 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (18.08.2023).

References

1. Avanesov R. N. Essays on the Dialectology of the Ryazan Meshchera. 1. Description of One Dialect Along the River Pry. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Researches on Russian Dialectology]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 1, pp. 135–236. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
2. Bezgin V. B. *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [The Peasant Truth. The Customary Law and Court of Russian Peasants]. Moscow, Common Place Publ., 2017. 334 p. (In Russ.)
3. Bessonova A. S. Unknown Darovoe (Based on Archival Materials). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 193–200. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on August 18, 2023). EDN: PGLUSW (In Russ.)
4. Bessonova A. S. Dostoevsky's Darovoe in Archival Documents of the Russian Geographical Society. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2023, vol. 10, no. 2, pp. 196–223. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689191182.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM (In Russ.)
5. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: Stat'i. Ocherki. Etyudy. Kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy* [The Folk Dostoevsky: F. M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Article. Essays. Sketches. The Complex Historical and Literary Studies]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2007. 459 p. (In Russ.)
6. Galagan G. Ya. The Problem of “the Best People” in the Legacy of F. M. Dostoevsky (1873–1876). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 12, pp. 99–107. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_12/06_%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD_99.pdf (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
7. Gilyarov-Platonov N. P. *Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominaniya: v 2 tomakh* [From the Experience. Autobiographical Memoirs: in 2 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, vol. 1. 616 p. (In Russ.)
8. Gromyko M. M. *Mir russkoy derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 446 p. (In Russ.)
9. Gromyko M. M., Buganov A. V. *O vozzreniyakh russkogo naroda* [About the Views of the Russian People]. Moscow, Palomnik Publ., 2007. 528 p. (In Russ.)
10. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky's Darovoe: Materials and Researches]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 543 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
11. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevskys Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Maria F. Dostoevsky]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)

12. Ostrovskiy A. B. Village Community Rituals in Disaster Situations. In: *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. St. Petersburg, Ego Publ., 2002, vol. 1, pp. 109–156. Available at: https://www.ethnomuseum.ru/collections/e_library/materialy-po-etnografii-1/ (accessed on August 18, 2023) (In Russ.)
13. Saraskina L. I. “One Must Tell the Truth”: Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries in the Debate About the Results of the Crimean Campaign. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2023, no. 1 (21), pp. 96–140. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140 (In Russ.)
14. Safronova E. Yu. Dostoevsky and Hindenburg: a Literary Text in a Biographical Context. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 78–115. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HWFAWY (In Russ.)
15. Sidorov V. N. Observations on the Language of One of the Dialects of the Ryazan Meshchera. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Researches on Russian Dialectology]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 1, pp. 93–134. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
16. Smolin N. N. Squads of the State Mobile Militia of 1855–1856. In: *Russkiy sbornik* [Russian Collection], 2009, vol. 7: Military Policy of Emperor Nicholas I, pp. 325–366. (In Russ.)
17. Sumarokov P. P. An Essay on Rural Festivals, Signs, Beliefs and Rituals in Kashirsky District (Publication, Afterword and Comments by A. S. Bessonova). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 201–213. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зелёная, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Albina S. Bessonova, PhD (Philology), Leading Researcher, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.11.2023

Принята к публикации / Accepted 10.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Мотив возвращения билета Богу в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского

А. В. Шаравин^{1✉}, И. Л. Старцева²

^{1, 2} *Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
(г. Брянск, Российская Федерация)*

¹ e-mail: ekl1ier@mail.ru✉

² e-mail: kafedra338@mail.ru

Я. О. Резаков

*независимый исследователь
(г. Щёлково, Российская Федерация)*

e-mail: ric.darko@mail.ru

Аннотация. Эмоциональный монолог Ивана Карамазова в романе Ф. М. Достоевского, метафорично объясняющего свой отказ от гармонии, полученной ценой слезинки ребенка, и сравнивающего его с возвращением Богу билета на право входа в мир, определил устойчивое значение и традицию функционирования этого мотива в русской литературе. Высказывание героя о возвращенном Богу билете в научной литературе исследуется как цитата из трех возможных источников: стихотворение “Resignation” Ф. Шиллера, письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину, «Санкт-петербургские вечера» Ж. де Местра. Данные произведения рассмотрены в статье в качестве текстов, определивших становление мотива возвращения билета Богу как для «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, так и для всей русской культуры. Они уточняют, актуализируют, идентифицируют, обозначают мотив. Влиянием текстов Шиллера, Белинского, Ж. де Местра определяется и художественная логика выбора Ф. М. Достоевским слова «билет». Стихотворение “Resignation” Ф. Шиллера, письмо В. Г. Белинского, роман «Санкт-петербургские вечера» Ж. де Местра рассматриваются как разноплановые варианты, отражающие формирование писателем идейной и эмоциональной наполненности мотива возвращенного Богу билета. Тексты Шиллера и Белинского акцентировали идею неприятия мира и бунта против него. Теодицея Ж. де Местра полярна: мир, созданный Богом, принимается, несмотря ни на что. Воздействием произведений с таким противоположным потенциалом и обусловлен выбор Ф. М. Достоевским формулировки «почтительнейший» бунт. Мотив возвращения Богу билета, сформировавшийся на основе деистического концепта, определил гениальное предчувствие Ф. М. Достоевского о грядущем пути России и наполнил его глубинным философским и общечеловеческим звучанием.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы, Ф. Шиллер, Resignation, В. Г. Белинский, Ж. де Местр, Санкт-петербургские вечера, мотив, возвращенный билет, богоборчество, деизм, образ-символ

Для цитирования: Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О. Мотив возвращения билета Богу в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 128–143. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6901. EDN: LQTPHW

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6901

EDN: LQTPHW

The Motif of Returning the Ticket to God in the Novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky

Andrey V. Sharavin ^{1✉}, Irina L. Startseva ²

^{1,2} Bryansk State University Named After Academician I. G. Petrovsky
(Bryansk, Russian Federation)

¹ e-mail: ekl1ier@mail.ru ✉

² e-mail: kafedra338@mail.ru

Yaroslav O. Rezakov

Independent Researcher
(Shchyolkovo, Russian Federation)

e-mail: ric.darko@mail.ru

Abstract. In F. M. Dostoevsky’s novel, the emotional monologue of Ivan Karamazov, who metaphorically explains his refusal of harmony obtained at the cost of a child’s tear and compares it with returning to God a ticket granting admission to the world, has determined the sense and tradition of the functioning motif in Russian literature. In scientific literature the character’s statement about the ticket returned to God is investigated as a quotation from three possible sources: the poem “Resignation” by F. Schiller, the letter of V. G. Belinsky to V. P. Botkin, and “St. Petersburg Evenings” by J. de Maistre. In the article these works are viewed as the texts that determined the formation of the motif of returning the ticket to God for both “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky and the entire Russian culture. These texts clarify, update, identify, and designate this motif. The influence of the texts by Schiller, Belinsky, and J. de Maistre determines the artistic logic of the choice of the word “ticket.” The poem “Resignation” by F. Schiller, a letter by V. G. Belinsky, the novel “St. Petersburg Evenings” by J. de Maistre are diverse options that determine the formation by the writer of the ideological and emotional fullness of the motif of the ticket returned to God. The texts of Schiller and Belinsky focused on the idea of a rejection of the world and a rebellion against it. The theodicy of J. de Maistre is opposite: the world created by God is accepted, no matter what. The influence of works with such a contradictory potential is the reason for F. M. Dostoevsky’s choice of the phrase “the most respectful” rebellion. The motif of returning the ticket to God, based on the deistic concept, determined F. M. Dostoevsky’s brilliant premonition about the future path of Russia and filled it with a deep philosophical and universal resonance.

Keywords: F. M. Dostoevsky, The Brothers Karamazov, F. Schiller, Resignation, V. G. Belinsky, J. de Mestres, St. Petersburg Evenings, motif, returned ticket, God-fighting, deism, image-symbol

For citation: Sharavin A. V., Startseva I. L., Rezakov Ya. O. The Motif of Returning the Ticket to God in the Novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 128–143. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6901. EDN: LQTPHW (In Russ.)

=====

Монолог Ивана Карамазова о возврате Богу билета на право входа в мир из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — одно из первых эмоционально-идейных проявлений мотива «возвращенного билета» в русской литературе XIX–XX вв. И. Смирнов, комментируя слова героя, отмечает: «Фраза Ивана возымела очень широкое воздействие на русскую поэзию XX в., простирающееся от "Заблудившегося трамвая" Гумилева до "Стихов о советском паспорте" Маяковского» [Смирнов: 193].

У исследователей вызвало спор происхождение цитаты. Отметим три точки зрения на источник высказывания Ивана Карамазова о возврате билета Богу. Первый подход — на слова героя Достоевского повлияло стихотворение "Resignation" («Резиньяция», «Отречение») Ф. Шиллера (см.: [Чижевский: 30], [Вильмонт: 218], [Ветловская: 495], [Жеребин: 142], [Криницын]). Так, по Д. Чижевскому, и цитата из стихотворения немецкого поэта-романтика, и высказывание Ивана Карамазова семантически сближены: «В своем "бунте" Иван просто переиначивает слова Шиллера <...> "...Не Бога я не принимаю, Алеша, я *только билет ему почтительнейше возвращаю*" <...>. В этих словах содержится аллюзия на "Отречение" — стихотворение Шиллера <...>

Поэт обращается к вечности:

Empfange meinen Vollmachtsbrief zum Glücke.
Ich bring ihn unaufgebrochen dir zurücke,
Ich weiß nichts von Glückseligkeit. —

Однако сходство в выражениях особенно бросается в глаза, когда мы берем русский перевод:

И грамоту на вход к земному раю
Тебе, нераспечатав, *возвращаю* —
Блаженство было чуждо мне <...>

От внешнего построения и содержания "Отречения" можно провести параллель к "бунту" Ивана — это обвинительная речь против Бога ("вечности" — у Шиллера), которая построена на (незаслуженных) страданиях человека, в "Отречении" на индивидуальном страдании, у Ивана — на страдании другого. Но решение <...> в обоих случаях различно, поскольку Достоевский был в это время бесконечно далек от идей <...> молодого Шиллера, самим Шиллером позднее преодоленных» [Чижевский: 30–31].

Кроме того, в сноске под русским переводом Д. Чижевский приводит еще один аргумент в защиту шиллеровского «происхождения» реминисценции о возвращенном билете: «...в набросках Достоевского Шиллер упоминается

¹ Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 223. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

непосредственно после заявления Ивана: "...возвращаю билет на вход" (Д30; т. 15: 229). Связь не очень прозрачна, но речь идет во всяком случае о проблеме теодицеи...» [Чижевский: 30].

Приводя текст Достоевского, Д. Чижевский акцентирует связи отрывка из черновиков «Братьев Карамазовых» с вопросом о цене гармонии, цене билета:

«...Шиллер поет о радости <...>. Чем куплена радость? Каким потоком крови, мучений, подлости и зверства, которых нельзя перенести?» (Д30; т. 15: 230).

Н. Н. Вильмонт считает, что воздействие стихотворения "Resignation" на афористическое высказывание о билете поверхностное, хотя и определившее дальнейшее развитие мысли Достоевского: «Несомненно, юношеское стихотворение Шиллера во многом наивно, да и речь там идет о другом, не о *завышенной стоимости* "конечной гармонии", коль скоро она все же наступит в "эмпирическом мире" и увенчает собою историю человечества, а о *недостижимости земного счастья*. Но не будем умалять и этой идеи, тем более что и она соприкоснулась с мышлением Достоевского» [Вильмонт: 219].

В. Е. Ветловская в комментариях к роману возводит «слова» Ивана Карамазова к «мотивам стихотворения Шиллера "Резиньяция" (1784) в переводе Г. П. Данилевского» («Я пред тобой, о вечности равенство! — / У полных тайны врат... / Возьми свою расписку на блаженство: / Она цела — не знал я совершенства; / Возьми ее назад») [Ветловская: 495].

В комментариях исследователей, увидевших во фразе Ивана Карамазова шиллеровскую реминисценцию, обнаруживается неточность. С чьим переводом "Resignation" («Резиньяция», «Отречение», иногда переводится даже как «Покорность») Ф. Шиллера мог быть знаком Достоевский? Д. Чижевский отмечает: «Русский перевод Данилевского был помещен в собрании сочинений Шиллера, которое вышло в издательстве Гербеля (1857). У Достоевского было издание Гербеля (Гроссман Л. Семинарий по Достоевскому. Пг., 1923)²» [Чижевский: 30]. Однако Д. Чижевский в цитате приводит строки «Отречения» в переводе Ореста Головнина, а не Данилевского. Книгу Р. Ф. Брандта (псевдоним Орест Головнин) Достоевский читать не мог, так как она вышла только в 1886 г.³ Цитирование Н. Н. Вильмонтом созданного в советское время перевода Н. К. Чуковского [Вильмонт: 219], опубликованного в собрании сочинений Ф. Шиллера в 7 томах (1955–1957), также некорректно. В. Е. Ветловская цитирует строки Г. П. Данилевского по первому тому собрания сочинений Ф. Шиллера в издании Н. В. Гербеля. Однако в этой книге сразу после перевода Г. П. Данилевского (с. 23–26) следовал

² По описанию Л. П. Гроссмана это могли быть 1-е или 5-е издания [Гроссман: 31–32], по уточнению более поздних исследователей — 2-е или 5-е [Библиотека: 102].

³ См.: [Брандт Р. Ф.] Переложения Ореста Головнина. Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1886. 83 с. («Отречение» — с. 27–30.)

перевод “Resignation” М. Дмитриева (с. 27–30), где соответствующее место звучало по-другому:

«И вотъ, я, мракомъ окруженный,
О, вѣчность! на твоємъ мосту уже стою!
Прими залогъ, тобой на счастье мнѣ врученный;
Вотъ онъ, съ печатію еще не преломленной:
Я счастья не встрѣтилъ въ жизнь свою!»⁴

Цитаты отличаются от слов Ивана Карамазова, они могут быть рассмотрены как замысел, определивший последующий выбор писателем выражения возвращения Богу билета.

На наш взгляд, то, что Достоевский был знаком с двумя переводами “Resignation”, принципиально важно: тексты Г. П. Данилевского и М. Дмитриева («расписка» и «залог» «с печатью» — в устар. значении: символ ручательства в чем-нибудь) оказались своего рода «черновыми редакциями», позволившими писателю сделать выбор в пользу формулировки возвращенного билета в окончательном варианте. Достоевский, хорошо знавший немецкий язык, не ограничился переводом и читал “Resignation” Ф. Шиллера на языке оригинала. Об этом свидетельствуют издания произведений поэта на немецком языке, имевшиеся в его библиотеке [Библиотека: 241]. В первоисточнике душа на пороге перехода в незримый мир возвращает Вечности “meinen Vollmachtbrief zum Glück”⁵, что во времена Достоевского переводилось как «залог с печатью» (М. Дмитриев), «расписка на блаженство» (Г. П. Данилевский). Возможно, кроме “meinen Vollmachtbrief”, осознаваемого писателем в качестве вариантов к слову «билет», заглавие стихотворения Шиллера “Resignation” отразилось в названии бунта Ивана Карамазова «почтительнейшим»⁶.

Подчеркнем, «билет» не есть «расписка на блаженство», «залог с печатью», «символ» ручательства, но все эти возможные контекстные синонимы, очевидно, фиксировались в сознании Достоевского при поиске им окончательного, наиболее точного словесного обозначения мотива.

Отзвуки шиллеровского “meinen Vollmachtbrief” по смыслу больше подходят к «похвальному листу» Федора Павловича, который он, в присущей ему шутовской манере, «выдает» старцу Зосиме:

⁴ [Шиллер Ф.] Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Изданныя подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. СПб.: Въ типографіи Императорской академіи наукъ, 1857. С. 27.

⁵ Букв.: мою доверенность, мое «уполномочивающее письмо» на счастье (нем.).

⁶ Хотя немецкое слово *Resignation* многозначно, в данном случае перевод однозначен: «покорность».

«Это я всё время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смирению есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить!» (Д30; т. 14: 43).

Сцена напоминает разговор Алеши и Ивана Карамазова о возвращении билета. Возвышенный характер диалога между героями отражается в снижающей модальности травестии: возвращение билета Богу героем «эвклидова ума» / выдача похвального листа праведнику грешником.

“Resignation” Ф. Шиллера определило художественный потенциал дилеммы: отказ от несправедливой реальности и веры в провидение. Наметившиеся совпадения будут осмыслены, углублены Достоевским в идейно-эмоциональной составляющей мотива возвращенного Богу билета.

Исследователи выделяют прецедентные тексты, оказавшие воздействие на роман Достоевского. О них писала, например, И. В. Дергачева. Исследовательница выявила и проанализировала прецедентные тексты, «включенные» («прецедентный интертекст») в поэму «Великий инквизитор» [Дергачева: 127]. Практически все, писавшие о романе «Братья Карамазовы», отмечали, что Библия, а в особенности Евангелие, являются древнейшими источниками произведения, занимая особое место в «поэтике памяти» (Д. Томсон) Достоевского. В. Ляху в статье «"Книга Иова" как прецедентный текст "Братьев Карамазовых"» констатирует: «...главы "Бунт" и "Великий инквизитор" пятой книги "Братьев Карамазовых" <...> ориентируют нас соответственно на Книгу Иова и Евангелие от Матфея» [Ляху: 380–381]. Исследователь трактует их как прецедентные тексты, заявившие о себе «не только при помощи прямых аллюзий (вербализованных или тематических), но и через посредство структурных параллелей», задававших диалогическую «сложную соотношенность <...> повествования с текстом ветхозаветного автора» [Ляху: 381, 383]. Прецедентность текста Евангелия от Матфея подтверждена и уникальным научным трудом «Евангелие Ф. М. Достоевского». Б. Н. Тихомиров выделил около 70 изречений из Евангелия от Матфея, процитированных Достоевским в романе «Братья Карамазовы» и в подготовительных материалах к нему (см.: [Тихомиров: 116–330]).

“Resignation” Ф. Шиллера также многообразно отразилось в романе Достоевского, что позволяет поставить вопрос и о данном произведении как о прецедентном для писателя тексте. В статье отмечены возможные взаимодействия между «Братьями Карамазовыми» и стихотворением Шиллера — тем более, что современники Достоевского подчеркивали значение этого произведения для русской культуры XIX в. Так, П. В. Анненков в биографии русского поэта, публициста Н. В. Станкевича отмечал, что тот находился под огромным воздействием стихотворения “Resignation”:

«Съ неменьшею силой владѣлъ всѣми нравственными способностями его и Шиллеръ. Извѣстное стихотвореніе Шиллера: "Resignation" было у него на умѣ и на языкѣ почти безпрерывно. Онъ находилъ постоянно случаи примѣнять

основную мысль его къ самому себѣ, — писал литературный критик и мемуарист. — Каждый разъ, какъ излишне-пылкія надежды Станкевича встрѣчали отпоръ въ обстоятельствахъ и въ людяхъ и разбивались объ эти преграды, онъ вспоминалъ любимое свое стихотвореніе и вмѣстѣ съ нимъ повторялъ: "Кто тоскуетъ по другомъ мірѣ, тотъ не долженъ знать земныхъ наслажденій. Кто вкусилъ отъ земнаго наслажденія, тотъ не надѣйся на награду другаго міра, гдѣ пышно разцвѣтаютъ только терніи и скорби нашего дольнаго существованія"⁷.

В статье «О критике и литературныхъ мнѣніяхъ "Московского наблюдателя"» (1836) В. Г. Белинский подбираетъ эпитетъ, оценивающий "Resignation" какъ шедевр поэзии:

«Шиллеръ былъ душа пламенно верующая, а посмотрите, какое безотрадное, ужасное отчаяніе проглядываетъ въ каждомъ стихѣ его **дивнаго** "Resignation"...»⁸.

И спустя несколько лѣтъ въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сентября — 8 октября 1839 г. критикъ среди знаковыхъ произведеній Ф. Шиллера называетъ и "Resignation":

«В "Résignation" онъ принесъ въ жертву общему все частное — и вышелъ въ пустоту, потому что его общее было Молохомъ, пожирающимъ собственныхъ чадъ своихъ, а не вечною любовью, которая открываетъ себя во всемъ, въ чемъ только есть жизнь» (Б9; т. 9: 261).

Лирический герой Шиллера больше погруженъ въ сравненіе земнаго/небеснаго съ позиціи личностнаго, индивидуальнаго сознанія. Переживаній за страданія другихъ людей, въ томъ числѣ и детей, у него нѣтъ. Идея "Resignation" совершенно иная, чѣмъ карамазовское возвращеніе билета на входъ въ конечную гармонию жизни вѣчной. Лирический герой Шиллера предъявляетъ нераспечатаннымъ полученный при рожденіи билетъ на обретеніе земнаго счастья, которое ему не удалось испытать. Такимъ образомъ, отметимъ антитезы у Шиллера и Достоевскаго: нераспечатанный "meinen Vollmachtbrief" на обретеніе земнаго счастья / отказъ отъ билета въ «будущую гармонию»; предъявленіе "meinen Vollmachtbrief" вѣчности / неприятие билета; жалоба / «почтительнейшій» бунтъ. От Шиллера въ контекстѣ мотива «Братьевъ Карамазовыхъ» взята «фабульная ситуация», трансформировавшая предъявленіе "meinen Vollmachtbrief" на порогѣ вѣчности въ возвращеніе билета Богу.

⁷ [Анненковъ П. В.] Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. М.: Въ Типографіи Каткова и К^о, 1857. С. 62–63.

⁸ Белинский В. Г. Собр. соч.: въ 9 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 1. С. 293 (здесь и далее выделено нами. — А. Ш., И. Л., Я. Р.). Далее ссылки на это изданіе приводятся въ текстѣ статьи съ использованием сокращенія Б9 и указаніемъ тома и страницы въ круглыхъ скобкахъ.

М. Карпович считает, что есть параллели между высказываниями Ивана Карамазова (отказывается от «"высшей гармонии"», оплаченной слезинкой «замученного ребенка») и письмом В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. («отказывается от мировой гармонии, обещанной <...> Гегелем», так как «хочет быть спокоен насчет *каждого* из его "братьев по крови"») [Карпович: 282–283].

И. З. Серман, также отмечая воздействие на роман «Братья Карамазовы» письма Белинского Боткину, констатирует хорошее знание этого эпистолярия Достоевским: «Уже указывалось, что многое в высказываниях Ивана Карамазова на религиозно-философские темы, особенно его бунт против мирового страдания во имя прав каждой личности, воспроизводит мысли и высказывания В. Г. Белинского, о которых Достоевскому могла напомнить публикация в работе А. Н. Пыпина <...> писем Белинского, где, хотя и в сокращенном виде, было опубликовано знаменитое письмо Белинского к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. Разумеется, мысли, высказанные Белинским в этом письме к Боткину, Достоевскому были хорошо знакомы. Известны слова Достоевского о том, что при первом же знакомстве с ним Белинский "прямо начал <...> с атеизма" <...>, т. е. излагал в 1845 г. молодому писателю те идеи, которые отразились позднее в "Братьях Карамазовых" в страстных инвективах Ивана» [Серман: 47].

Отмечая воздействие письма Белинского Боткину на слова Ивана Карамазова, исследователи имеют в виду прежде всего следующий текст:

«...со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что, если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови...» (Б9; т. 9: 443).

Письмо Боткину от 1 марта 1841 г. впервые было опубликовано в журнале «Вестник Европы»⁹ А. Н. Пыпиным. В 1876 г. вышла его работа «Белинский, его жизнь и переписка» в двух томах, где также была повторена публикация этого письма¹⁰. Интерес Достоевского к личности Белинского отразился в написанных им воспоминаниях «Знакомство мое с Белинским» (1867), предназначенных для сборника К. И. Бабикова «Чаша». Сборник не вышел, «текст воспоминаний <...> утрачен» [Библиотека: 254]. Понятно, что публикации А. Н. Пыпиным ранее не изданных писем Белинского

⁹ Вѣстникъ Европы. 1875. № 2. С. 598–604 (большая часть) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/323334?ysclid=lpk69e2y7r667840583> (10.08.2023); № 4. С. 565.

¹⁰ См.: [Пыпин А. Н.] Бѣлинскій, его жизнь и переписка / Сочиненіе А. Н. Пыпина; изданіе «Вѣстника Европы». СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 2. С. 105–111 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/863303?ysclid=lpk5c99baw468292274> (10.08.2023).

привлекли внимание Достоевского. В записной тетради 1875–1876 гг. писатель особо выделил материал, получивший у него заголовок «АВСЕЕНКЕ» (ДЗ0; т. 24: 180). Достоевский полемизирует с критиком В. Г. Авсеенко, статья составила «первую главу апрельского выпуска "Дневника писателя" за 1876 г.» (ДЗ0; т. 24: 453). Достоевский несколько раз упоминает имя Авсеенко рядом с именем Белинского. Особое внимание обращает выпад писателя против критика «Русского Вестника» за «унижение» Белинского:

«Ведь это всё Белинский же писал, тот самый, которого вы, Авсеенко, еще так недавно унижали. Но у Белинского была правда и его заблуждение, а у вас и правда выходит заблуждением» (ДЗ0; т. 24: 185).

В комментариях академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского указано:

«Имеются в виду две статьи В. Г. Авсеенко (обе подписанные криптонимом А.):

- 1) По поводу одной литературной репутации. А. Пыпин. В. Г. Белинский. Опыт биографии (*Вестник Европы*, <1874>, №№ 3, 4 и 6). — РВ, 1874, № 8, стр. 873–896;
- 2) Переписка Белинского с друзьями. А. Н. Пыпин. В. Г. Белинский. Опыт биографии (*Вестник Европы*, 1874, кн. X–XII). — РВ, 1875, № 1, стр. 393–418» (ДЗ0; т. 24: 454).

Продолжением публикаций А. Н. Пыпина в февральском номере «Вестника Европы» и стало первое издание письма к Боткину от 1 марта 1841 г. Достоевский знал о публикациях неизданного эпистолярия Белинского, как и о трактовке Авсеенко, который дискредитировал великого критика, «акцентируя письма [Белинского] периода "примирения с действительностью"» (ДЗ0; т. 24: 454–455). Исходя из изложенных фактов, можно с уверенностью предположить, что и письмо Боткину в журнале «Вестник Европы» (1875, № 2) было прочитано Достоевским.

Воспоминания о личной встрече с критиком определили обращение Достоевского к личности Белинского в романе «Братья Карамазовы». Особенно поразили Достоевского проповедь атеизма и критика Христа Белинским (подробнее о разногласиях между Белинским и Достоевским см.: [Захаров: 10–12]). В комментариях к академическому ПСС писателя отмечается, что «в своем восстании против взгляда на будущее человечества как на царство отвлеченной "вечной" гармонии», которая «оправдывает прошлые и настоящие страдания человечества, Достоевский повторил, усилив их при этом, аргументы не только Вольтера, но и В. Г. Белинского периода его страстного отречения от философского "колпака" "Егора Федоровича" (т. е. от гегелевского идеализма и метафизики)» (ДЗ0; т. 15: 469–470). Комментаторами предлагается сравнить «слова Белинского <...> в письме к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г.» с «рассуждениями Ивана в главе "Бунт"» (ДЗ0; т. 15: 470). Многие мысли критика получили художественную обработку и дополнительное развитие в романе «Братья Карамазовы»:

«...не хочу счастья и даром» (Б9; т. 9: 443) — «не хочу гармонии», «от высшей гармонии совершенно отказываюсь» (Д30; т. 14: 223); «моих братьев по крови, — костей от костей моих и плоти от плоти моей» (Б9; т. 9: 443) — «слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка» (Д30; т. 14: 223); «Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии» (Б9; т. 9: 443) — «унавозили собою для кого-то будущую гармонию» (Д30; т. 14: 222); «Что мне в том, что я уверен, что разумность восторжествует, что в будущем будет хорошо, если судьба велела мне быть свидетелем торжества случайности, неразумия, животной силы?» (Б9; т. 9: 444) — «когда я сам доживу до того момента али воскресну, чтоб увидеть его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: "Прав ты, Господи!", но я не хочу тогда восклицать» (Д30; т. 14: 223); «Что мне в том, что моим или твоим детям будет хорошо, если мне скверно и если не моя вина в том, что мне скверно? Не прикажешь ли уйти в себя? Нет, лучше умереть, лучше быть живым трупом! Выздоровление! Да в чем же оно?» (Б9; т. 9: 444) — «Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неуголенном негодовании моем, *хотя бы я был и неправ*» (Д30; т. 14: 223).

Указанные переключки между письмом Белинского и главой «Бунт» свидетельствуют об идейных, эмоциональных, лексических совпадениях монолога Ивана Карамазова и текста критика.

Отметим, что и диалог Дмитрия Карамазова и Алеши также содержит реминисцентные вкрапления из письма В. Г. Белинского:

«— Это ты оттого, что я покраснел, — вдруг заметил Алеша. — Я не от твоих речей покраснел и не за твои дела, а за то, что я то же самое, что и ты.

— Ты-то? Ну, хватил немного далеко.

— Нет, не далеко, — с жаром проговорил Алеша. (Видимо, эта мысль давно уже в нем была.) — Всё одни и те же **ступеньки**. Я на самой низшей, а ты **вверху**, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это всё одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно непременно вступит и на **верхнюю**.

— Стало быть, совсем не вступать?

— Кому можно — совсем не вступать.

— А тебе — можно?

— Кажется, нет» (Д30; т. 14: 101).

Дмитрий Карамазов оценивает брата Ивана в категориях Белинского — «высший человек», т. е. высоко забравшийся по «лестнице развития», а вот Алеша для него — «херувим», воспаривший по «лестнице Иакова»:

«Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим. <...> Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван» (Д30; т. 15: 34).

Письмо Белинского Боткину от 1 марта 1841 г. определило прежде всего генезис идеи Ивана Карамазова. Отказ от абстрактной вечной, высшей гармонии объединяет обоих авторов.

Третий подход в вопросе генезиса выражения о «возвращении билета Богу» — исследования В. Парсамова и О. Марченко, ставящие вопрос о том, что высказывание Ивана Карамазова восходит к отрывку из текста «Санкт-петербургских вечеров» Жозефа де Местра¹¹. В. Парсамов отмечает, что высказывание Ивана Карамазова не является «цитатой» или «аллюзией» шиллеровского *“meinen Vollmachtbrief”*: «...Шиллер здесь ни при чем. <...> В “расписке на блаженство” (*Vollmacht Brief zum Glück*, в других переводах: “полномочие на счастье” или “доверенность на земное счастье”) трудно усмотреть “билет на вход”. <...> смысл высказывания Ивана вообще не соотносится с данным стихотворением Шиллера <...> название стихотворения “Резиньяция” (полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности, безропотное смирение и т. д.) противоположно по смыслу названию главы, передающему внутреннее состояние героя Достоевского, — “Бунт”» [Парсамов: 373].

Исследователь считает, что в высказывании о возвращении билета Богу Иваном Карамазовым процитирован отрывок из текста «Санкт-петербургских вечеров» Жозефа де Местра:

«Граф. Я способен смириться без усилий и ропота; признаюсь даже, что если бы я был один на свете и поразившие меня удары судьбы причинили боль лишь мне одному, то на все, что происходит в мире, смотрел бы я лишь как на блестящее и величественное зрелище, предавшись восхищению всем своим существом, — но дорого же достался мне **входной билет!**...»¹².

Если герой Достоевского отдает билет, т. к. не желает смириться со злом и не способен «увидеть своим “жалким, земным эвклидовым умом”¹³ в этом мире что-либо, кроме зла», то Граф Жозефа де Местра «не отказывается от входного билета, но подчеркивает его высокую стоимость» [Парсамов: 374].

¹¹ О. Марченко, отмечая у обоих писателей темы «неправильности мироустройства и “входного билета”», указывает, что звучат у де Местра они «в ином ключе», чем у Достоевского [Марченко: 127]. В «Санкт-петербургских вечерах» несправедливость, зло, невинное страдание, преступления воспринимаются автором как воля Всевышнего. По Ж. де Местру, наказание за нарушение закона, изуверство Бог возложил на земные власти. Граф — герой «Санкт-петербургских вечеров» (во многом он автобиографичен) — с восхищением смотрит на мир, созданный Творцом (для него это «блестящее и величественное зрелище» — см.: Местр Ж., де. Санкт-Петербургские вечера / под ред. А. Г. Терехова; пер. с фр. и примеч. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. С. 113), принимая окружающую реальность во всех проявлениях. Для Ивана же Карамазова страдания мира, и особенно детские, обязывают «честного человека» к отказу, отречению от несправедливой реальности (Д30; т. 14: 223).

¹² Местр Ж., де. Санкт-Петербургские вечера. С. 112–113.

¹³ Ср.: Д30: т. 14: 222.

Еще одним свидетельством совпадения с текстом «Санкт-петербургских вечеров» Ж. де Местра, по мнению исследователя, являются черновики к «Братьям Карамазовым»: «В черновых набросках романа у Достоевского аналогичная фраза звучала ближе к тексту Местра "Возвращаю билет на вход — как слишком дорого стоит"¹⁴» [Парсамов: 381].

«Санкт-петербургские вечера» Ж. де Местра художественно реализуют идею принятия Божественного билета на право входа в мир в споре сторонника теодицеи и воображаемого автором умозрительного, априорного образа оппонента-деиста. Идея билета Ивана Карамазова отрицает местровский постулат.

Книги савойского мыслителя были известны и в Европе, и в России. Текст «*Les soirées de St.-Petersbourg*» («Санкт-петербургские вечера») был издан в Париже в 1821, а также в 1854 г. в Лионе (в 2 т.). Книги Ж. де Местра выписывали из Франции, как это делал А. С. Пушкин, обращаясь за этой услугой к А. И. Тургеневу:

«Мне покаместь из Парижа ничего не надобно; разве Папу Мейстера»¹⁵.

«Санкт-петербургские вечера», по свидетельству В. С. Печерина, можно было купить на книжных развалах:

«Пошел на толкучий, нашел *Soirées de St-Petersbourg* и начал читать...»¹⁶.

М. Стасюлевич в своей диссертации (1866) отмечает высокую популярность религиозно-философского сочинения Ж. де Местра:

«Забытые его *Les soirées de St. Petersburg* явились снова въ цитатахъ...»¹⁷.

Популярным в России становится сравнение писателей и политических деятелей с Ж. де Местром. Критиками, литературоведами, мемуаристами «русскими де Местрами» назывались Ф. И. Тютчев, П. Чаадаев, Ф. М. Достоевский и К. П. Победоносцев. Исследователи предполагают, что Достоевский читал Ж. де Местра, и прежде всего его «Санкт-петербургские вечера». Хронология выхода книги Ж. де Местра, как и отличное знание французского языка Достоевским, не противоречат возможности чтения им книги

¹⁴ Ср.: ДЗ0: т. 15: 229.

¹⁵ Пушкин А. С. Письмо А. И. Тургеневу. Первая половина (не позднее 11) декабря 1834 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 15: переписка 1832–1834. С. 202.

¹⁶ Печерин В. С. Замогильные записки / под ред., с введен. и примеч. Л. Б. Каменева. М: Кооперативное изд-во «Мир», 1932. С. 113.

¹⁷ [Стасюлевич М. М.] Опыт исторического обзора главных систем философии истории / [Соч.] М. Стасюлевича. СПб.: В тип. Ф. С. Сушинского, 1866. С. 283 [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003583024?page=147&rotate=0&theme=white> (10.08.2023).

на языке оригинала (на русский сочинение савойского мыслителя было переведено только в 1998 г. А. А. Васильевым).

В отличие от текста оригинала, где слово «билет» употреблено четыре раза, в русском переводе А. Васильев использует его лишь дважды — к французским “*billets de visite*” и “*billet*” им подобраны синонимы («визитные карточки» и «расписка»), что осовременило перевод.

Слово «билет» укоренилось в бытовой сфере русской жизни — в текстах Достоевского насчитывается 139 подобных словоупотреблений (кроме *билетов-ассигнаций* и кредитных *билетов*, это *билеты* на концерты, поезда, судебные процессы и т. п.). А вот использование слова «билет» как метафоры стало частотным лишь в начале XX в. Достоевский, художественно оформив силлогизм возвращения билета Богу, опередил свое время.

Высказывание писателя о возвращенном Богу билете полностью преобразовано и воспроизведено в трагической модальности. Слова Ивана Карамазова реализовались в диалогическом споре теодицеи и деизма, «перестроив» местровскую метафору и придав ей противоположное значение. Текст Ж. де Местра оказался наиболее важен для генезиса формулы «возвращения билета». Идея «билета на вход» в вечную гармонию не получила художественного воплощения у писателя. У савойского мыслителя скорее билет ассоциируется со входом на то «представление», которое называется «жизнь» (что ближе к Шиллеру).

Внимание критиков, написавших рецензии и статьи сразу после публикации романа «Братья Карамазовы», образ-символ возвращенного Богу билета не привлек, эти строки даже не цитируются (см. работы К. Н. Леонтьева, Н. К. Михайловского, В. П. Буренина и др.). Одним из первых осмыслил обобщающее значение высказывания Ивана Карамазова В. Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1889).

Для Достоевского мотив возвращенного Богу билета был важен как одна из составляющих замысла романа. В письме М. Н. Каткову от 9–11 декабря 1879 г. писатель попытался еще раз раскрыть идею романа и место в произведении мотива возвращенного Богу билета:

«Инквизитор. (Иван холоден). Такие **концепции**, как **билет обратно** и Великий Инквизитор, пахнут эпилепсией, мучительными ночами. — А, скажут, сами сознались, что эпилепсией. Да коли такие люди есть, то как же их не описывать? Да разве их мало, оглянитесь кругом, господа, эти взрывы — да вы после этого ничего не понимаете в современной действительности и не хотите понимать, а это уже хуже всего» (ДЗ0; т. 30;: 251).

Спор исследователей о происхождении цитаты Ивана Карамазова позволил обозначить тексты, определившие формирование мотива возвращенного Богу билета. Значимыми произведениями оказались стихотворение Шиллера «Резиньяция» в переводе Г. П. Данилевского, письмо Белинского к Боткину от 1 марта 1841 г., «Санкт-петербургские вечера» Жозефа

де Местра. Константы текстов о неприятии окружающего мира в романе «Братья Карамазовы» трансформировались в мотив возвращения Божественного билета на право входа в «будущую гармонию». «Санкт-петербургские вечера» Ж. де Местра акцентировали и определили окончательный выбор словесной формулы. Силлогизм Ивана Карамазова обретает символическое философское выражение идеи бунта, обозначившей дальнейшее движение России к атеизму и революции.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
3. Вильмонт Н. Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. 280 с.
4. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: материалы, библиография и комментарии. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 124 с.
5. Дергачева И. В. Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–140 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622. EDN: SCXGTQ
6. Жеребин А. И. Германский гений русской литературы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 1. С. 131–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/12179> (10.08.2023). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-131-158
7. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. / В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров, В. П. Владимирцев. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию; Сибирская тетрадь Достоевского. С. 7–62 [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#26> (10.08.2023).
8. Карпович М. Комментарии (1) *О русском мессианстве*, 2) *Достоевский, Белинский, Шиллер*) // Новый журнал [=The New Review]. Нью-Йорк, 1956. Кн. 45. С. 274–283.
9. Криницын А. Б. Мотивы и идеи Шиллера в «Братьях Карамазовых»: «Разбойники» // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/46077.php> (10.08.2023).
10. Ляху В. «Книга Иова» как прецедентный текст «Братьев Карамазовых» (из наблюдений над поэтикой диалогического слова) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 379–395.
11. Марченко О. В. Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете): к юбилею Леонида Владимировича Ушкалова // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4 (44). С. 124–141 [Электронный ресурс]. URL: <http://ispu.ru/files/SI-444.pdf> (10.08.2023).
12. Парсамов В. С. «Билет на вход» Ивана Карамазова (к проблеме «Достоевский и Жозеф де Местр») // Лотмановский сборник / под ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. М.: ОГИ, 2014. Вып. 4. С. 373–381. EDN: WFOYOZ
13. Серман И. З. Достоевский и Гете // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 46–57.

14. Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: НЛО, 1996. 208 с.
15. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского: материалы к комментарию // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. / В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров, В. П. Владимирцев. Tobolsk: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Tobolska», 2017. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию; Сибирская тетрадь Достоевского. С. 109–786. [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#26> (10.08.2023).
16. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» / публ. и предисл. А. В. Тоичкиной, В. В. Янцена; пер. с нем. С. П. Кравца, В. В. Янцена // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 16–57.

References

1. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky's Library: the Experience of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)
3. Vil'mont N. N. *Dostoevskiy i Shiller: zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of a Russian Germanist]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1984. 280 p. (In Russ.)
4. Grossman L. P. *Seminary po Dostoevskomu: materialy, bibliografiya i kommentarii* [Dostoevsky Seminary: Materials, Bibliography and Comments]. Moscow, Petrograd, State Publishing House Publ., 1923. 124 p. (In Russ.)
5. Dergacheva I. V. Precedential Intertext in the Poem "The Grand Inquisitor". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 125–140. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622. EDN: SCXGTQ (In Russ.)
6. Zherebin A. I. German Genius of Russian Literature. In: *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog* [Philosophical Letters. Russian and European Dialogue], 2021, vol. 4, no. 1, pp. 131–158. Available at: <https://phillet.hse.ru/article/view/12179> (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-131-158 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 vols]. Tobolsk, Public Charitable Foundation "Rebirth of Tobolsk" Publ., 2017, vol. 2: Research. Materials for the Commentary; Dostoevsky's Siberian Notebook, pp. 7–62. Available at: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#31> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
8. Karpovich M. Comments (1) On Russian Messianism, 2) Dostoevsky, Belinsky, Shiller). In: *Novyy zhurnal* [The New Review], New York, 1956, book 45, pp. 274–283. (In Russ.)
9. Krinitsyn A. B. Schiller's Motifs and Ideas in "The Brothers Karamazov": "Robbers". In: *Obrazovatel'nyy portal "Slovo"* [Educational Portal "Slovo"]. Available at: <https://portal-slovo.ru/philology/46077.php> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
10. Lyakh V. "The Book of Job" as a Precedent Text of "The Brothers Karamazov" (from Observations on the Poetics of the Dialogical Word). In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": the Current State of Study]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 379–395. (In Russ.)
11. Marchenko O. V. Grigory Skovoroda and Joseph de Maistre (About One Forgotten Story): to the Anniversary of Leonid Vladimirovich Ushkalov. In: *Solov'yovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], 2014, issue 4 (44), pp. 124–141. Available at: <http://ispu.ru/files/SI-444.pdf> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)

12. Parsamov V. S. Ivan Karamazov's "Entrance Ticket" (to the Problem "Dostoevsky and Joseph de Maistre"). In: *Lotmanovskiy sbornik [Lotman's Collection]*. Moscow, United Humanitarian Publishing House Publ., 2014, issue 4, pp. 373–381. EDN: WFOYOZ (In Russ.)
13. Serman I. Z. Dostoevsky and Goethe. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 46–57. (In Russ.)
14. Smirnov I. P. *Roman tain "Doktor Zhivago" [The Novel of Secrets "Doctor Zhivago"]*. Moscow, New Literary Review Publ., 1996. 208 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov B. N. Reflections of the Gospel Word in Dostoevsky's Texts: Materials for Commentary. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 vols]*. Tobolsk, Public Charitable Foundation "Rebirth of Tobolsk" Publ., 2017, vol. 2: Research. Materials for the Commentary; Dostoevsky's Siberian Notebook. pp. 109–786. Available at: <http://denismc.beget.tech/book1.html#31> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
16. Chizhevskiy D. I. Shiller and "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 16–57. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаравин Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, Российская Федерация, 241036); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>; e-mail: ekllier@mail.ru.

Старцева Ирина Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, Российская Федерация, 241036); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>; e-mail: kafedra338@mail.ru

Резаков Ярослав Олегович, кандидат филологических наук; независимый исследователь (г. Щёлково, Российская Федерация, 141000); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2001-3429>; e-mail: ric.darko@mail.ru.

Andrey V. Sharavin, PhD (Philology), Professor of Department Russian, Foreign Literature and Mass Communication, Bryansk State University Named After Academician I. G. Petrovsky (ul. Bezhitskaya 14, Bryansk, 241036, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>; e-mail: ekllier@mail.ru.

Irina L. Startseva, PhD (Pedagogy), Assistant Professor of Department Russian, Foreign Literature and Mass Communication, Bryansk State University Named After Academician I. G. Petrovsky (ul. Bezhitskaya 14, Bryansk, 241036, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>; e-mail: kafedra338@mail.ru.

Yaroslav O. Rezakov, PhD (Philology), Independent Researcher (Shchyolkovo, 141000, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2001-3429>; e-mail: ric.darko@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 31.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.10.2023

Принята к публикации / Accepted 23.10.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7061

EDN: UKKCOP

Мотив растления в произведениях Достоевского в контексте законодательства XIX века

А. Н. Першкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: dostoevsk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен мотив растления, который повторяется в нескольких произведениях Ф. М. Достоевского. Постоянные и настойчивые разговоры нарратора и персонажей о возрасте могли быть результатом стремления писателя к достоверности и скандальности повествования. Четырнадцатилетний возраст в российском законодательстве XIX в. был границей, отделяющей половые преступления в отношении детей от остальных половых преступлений. Достоевский это знал и использовал этот факт в своих текстах. Лучше всего это видно в романе «Преступление и Наказание» и в главе «У Тихона», которая должна была войти в состав романа «Бесы». В качестве одного из аргументов в пользу того, что Достоевский соотносил содержание соответствующих эпизодов с действующим в то время законодательством, служит его работа с признанным источником указанного мотива. Писатель был знаком с историей самоубийства тринадцатилетней девочки Марфы Архиповой, которую обвинили в краже. Достоевский переработал эту историю, расширил событийный ряд, добавил эпизод растления и увеличил возраст жертвы. При подобном расширении фабулы возраст героини необходимо было повысить, чтобы избежать громкого скандала, но в то же время оставить болезненный и пугающий сюжет. Матреша и утопленница из «Преступления и Наказания» — не единственные героини Достоевского четырнадцати лет (или около), которые вызвали интерес мужчин или сами такой интерес проявляли и которые могли стать жертвами преступления. В подобных случаях Достоевский всегда оговаривает возраст героини, подчеркивая юридический аспект такого рода отношений.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Матреша, Свидригайлов, Ставрогин, Н. Н. Страхов, законодательство XIX века, растление

Для цитирования: Першкина А. Н. Мотив растления в произведениях Достоевского в контексте законодательства XIX века // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 144–154. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7061. EDN: UKKCOP

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7061

EDN: UKKCOP

The Molestation Motif in F. M. Dostoevsky's Prose in the Context of the 19th-Century Legislation of the Russian Empire

Anastasiya N. Pershkina

National Research University

Higher School of Economics

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: dostoevsk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a subplot of molestation of a girl, which is repeated in several works by F. M. Dostoevsky, in the context of the 19th-century legislation. We focus on two works: "Crime and Punishment" and the chapter "At Tikhon's" that was originally intended to be a part of "Demons." Molestation occurs in both texts, and there are intersections in a number of details. Both victims (the drowned girl and Matresha) are poorly socialized and suffer from abuse in their families. Both girls are fourteen years old. Researchers have already pointed out that a possible source for this plot was an article in "Severnaya pchela" covering the suicide of a thirteen-year-old girl, Marfa Arkhipova, who was accused of stealing. Dostoevsky significantly expanded the plot, adding molestation and making the girls older. This article is intended to prove that the change in victim's age was not accidental. The age of fourteen years in the 19th-century legislation is the boundary that separates sexual crimes in general from sexual crimes against children. There was no direct ban on such plots in censorship regulations. However, it appears that an author who decided to depict this crime would at least have to deal with their editor's discontent. This is exactly what happened with the chapter "At Tikhon's," when M. N. Katkov, the editor of "Russkiy Vestnik," refused to publish it. It is difficult to speculate and say what reaction this text would have caused among censors, and readers — if published. We know, however, that this subplot later served as a reason for N. N. Strakhov to accuse Dostoevsky of pedophilia.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Matresha, Svidrigailov, Stavrogin, N. N. Strakhov, 19th-century legislation, molestation

For citation: Pershkina A. N. The Molestation Motif in F. M. Dostoevsky's Prose in the Context of the 19th-Century Legislation of the Russian Empire. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2023, vol. 10, no. 4, pp. 144–154. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7061. EDN: UKKCOP (In Russ.)

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» и в главе «У Тихона», которая не вошла в основной текст «Бесов», но известна исследователям и традиционно привлекается для толкования писательского замысла¹, есть общий мотив — растление или обольщение девицы². Статья посвящена вопросу о том, насколько хорошо Достоевский был знаком с законодательством XIX в. в отношении к такого рода преступлениям и отображал его в своем творчестве. Оба текста — и эпизод из «Преступления и Наказания», и глава «У Тихона» — рассматриваются нами как равнозначные источники, несмотря на то, что в одном случае мы имеем дело с фрагментом, который был напечатан и однозначно входит в канонический текст романа, а в другом — с главой, которая знакома не всем читателям, потому что и сейчас публикуется отдельно.

В «Преступлении и Наказании» о случившемся сначала рассказывает Лужин. Он сообщает, что, по слухам, Свидригайлов «жестоко оскорбил» племянницу иностранки Ресслих, девочку «лет пятнадцати и даже четырнадцати»³, которая вскоре после этого повесилась. Сам Свидригайлов в ночь перед самоубийством вспоминает похожую историю, скорее всего, ту же самую, проговаривая, что девочка утопилась, и уточняет ее возраст:

«Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшись и удивившись это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшее последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер...» (Д30; т. 6: 391).

В главе «У Тихона» о преступлении в своей исповеди сообщает Ставрогин [Коган]. Он рассказывает, что нанимал комнату у мещан в «большом доме в Гороховой», где часто оставался один с их дочерью Матрешей, и добавляет: «...думаю, лет четырнадцати, совсем ребенком на вид» (Д30; т. 11: 13). В очередной раз, когда родителей не было дома, он пришел к ней в каморку:

«Я тихо сел подле на полу. Она вздрогнула и сначала неимоверно испугалась и вскочила. Я взял ее руку и тихо поцеловал, принагнул ее опять на скамейку и стал смотреть ей в глаза. <...> Я опять стал целовать ей руки, взяв ее к себе на колени, целовал ей лицо и ноги. Когда я поцеловал ноги, она вся отдернулась

¹ Обзор издательских и исследовательских стратегий при обращении к главе «У Тихона» см.: [Чернышов: 102–104]. Аргументы против включения главы в роман см.: [Комарович: 219–226], [Буданова: 237–253], [Туниманов: 622–630], за включение — [Сараскина: 459], за и против — [Гроссман: 144–163], [Захаров, 2013: 348–352].

² О значении и различии этих терминов см. ниже.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. С. 228. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

и улыбнулась как от стыда, но какою-то кривою улыбкой. Всё лицо вспыхнуло стыдом. Я что-то всё шептал ей. Наконец, вдруг случилась такая странность, которую я никогда не забуду и которая привела меня в удивление: девочка обхватила меня за шею руками и начала вдруг ужасно целовать сама. Лицо ее выражало совершенное восхищение. Я чуть не встал и не ушел — так это было мне неприятно в таком крошечном ребенке — от жалости. Но я преодолел внезапное чувство моего страха и остался. Когда всё кончилось, она была смущена» (ДЗ0; т. 11: 16).

Следующие несколько дней Ставрогин боялся, что его преступление раскроют, ему «мерещилась каторга» (ДЗ0; т. 11: 17). Матреша никому ничего не рассказала о случившемся и повесилась в своей каморке.

Обе девочки были ограничены в общении, обеих избивали родственники, что делало и утопленницу, и Матрешу особенно беззащитными. Про утопленницу, со слов Лужина, известно, что она была глухонемой и что мадам Ресслих ее «беспредельно ненавидела и каждым куском попрекала; даже бесчеловечно была» (ДЗ0; т. 6: 228). У Матрешы похожая история: мать ее «часто была и по их привычке ужасно кричала на нее по-бабьи» (ДЗ0; т. 11: 13). Ставрогин наблюдал, как ее мать за пропажу какой-то тряпки «отодрала за волосы», а потом, из-за подозрения, что девочка украла у квартиранта ножичек, высекла ее прутьями из веника «до рубцов» (ДЗ0; т. 11: 13). Исследователи указывали не только на сходство этих двух историй, но и на то, что у них мог быть один источник: самоубийство тринадцатилетней крестьянской девочки Марфы Архиповой, которую обвинили в краже, после чего она повесилась на поясе (ДЗ0; т. 7: 397). Об этом происшествии, по следам публикации в «Северной Пчеле» (1861, № 83), писал автор «Внутренних новостей» журнала «Время»⁴, который издавали братья Достоевские. Про изнасилование ничего не сказано ни в газетном, ни в журнальном источнике, на основании чего можно предположить, что его не было. Если Достоевский действительно использовал историю Марфы Архиповой, то нельзя не отметить, насколько серьезно он расширил начальную фабулу: добавил описание тяжелой жизни ребенка до встречи с преступником, включил сам факт растреления и увеличил возраст жертвы с тринадцати до четырнадцати лет. Изменение возраста героини писателем сделано осознанно. И если Достоевский не знал историю Марфы Архиповой, а использовал в качестве источника рассказ о другом происшествии или выдумал эту ситуацию сам, то неоднократное указание возраста девочек — по-прежнему важный момент повествования.

Четырнадцать лет в законодательстве того времени — это пограничный возраст жертвы при определении степени вины человека, совершившего преступление. Эта возрастная граница отделяла от остальных половых

⁴ Внутренние новости // Время. 1861. Т. 3. № 5. С. 17.

преступлений те, которые в современной практике связывают с педофилией и возрастом согласия (в XIX в. термины не использовались). Как отмечает юрист Н. С. Таганцев, современник Достоевского, в комментариях к «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных», изначально границей должен был быть возраст двенадцати лет, однако при рассмотрении проекта уложения в Государственном совете было принято решение поднять возраст до четырнадцати⁵. Термин «растление» закон употребляет «в тесном смысле», пишет Таганцев, то есть как «посягательство мужчины на девство женщины, посредством полового с нею совокупления» (*Уложение*: 582).

Для случаев, когда жертве было меньше четырнадцати лет, законодательство предусматривало два основных состава преступления с разными наказаниями. Если растление было сопряжено с насилием, то виновному грозило лишение «всех прав состояния» и отправка на «каторжную работу в крепостях» на срок от десяти до двенадцати лет (*Уложение*: 582). Если «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, учинено без насилия, но по употреблению во зло ее невинности и неведения, то виновный в оном приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, или на заводах на время от четырех до восьми лет» (*Уложение*: 584). Если были «употреблены во зло не только невинность и неведение девицы», но и «предоставленная <...> по званию или по особой доверенности ее родителей, опекунов или родственников власть», то степень наказания для виновного повышалась до «лишения всех прав состояния» и «ссылки в каторжные работы в крепостях» на срок от десяти до двенадцати лет (*Уложение*: 584). То есть употребление особой власти приравнивалось к насилию. Каторжные работы на срок от десяти до двенадцати лет — наказание четвертой степени из семи возможных, где самая жесткая первая степень предполагала пожизненные каторжные работы (*Уложение*: 27).

Если жертва была старше четырнадцати лет, то законодательство также рассматривало два возможных состава преступления. Первый из них — изнасилование. За него полагалось лишение всех прав состояния и ссылка «на каторжную работу на заводах на время от четырех до восьми лет» (*Уложение*: 585). Эта формулировка включает сразу две степени наказания. Шестая степень — это срок от шести до восьми лет, седьмая — срок от четырех до шести (*Уложение*: 27). В законодательстве указывалось, что если изнасилование девицы старше четырнадцати лет было сопряжено с растлением, то

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н. С. Таганцевым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. С. 582. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Уложение* и указанием страницы в круглых скобках.

суду должно было выбрать более высокую степень наказания из положенных по этим статьям (*Уложение*: 586), то есть шестую.

Второй возможный состав преступления в отношении девиц старше четырнадцати лет — это обольщение (*Уложение*: 587). В «Уложении» сказано, что если достигшая четырнадцати лет девица была «обольщена и обещена своим опекуном, или учителем, или иным лицом, имеющим по званию своему или особым обстоятельствам надзор за нею и большую или меньшую степень над нею власти», то виновного должно приговорить к «лишению всех особенных, лично или по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь (от одного года до двух лет. — А. П.) или отдаче в исправительные арестантские отделения (от полутора до двух с половиной лет. — А. П.) по четвертой степени 31 статьи <...> уложения» (*Уложение*: 587–588).

Итак, при одинаковом составе преступления, где растление сопровождалось изнасилованием, наказание зависело от возраста жертвы. Если она была младше четырнадцати, то преступнику грозило от десяти до двенадцати лет каторги, если старше — от шести до восьми лет. Если насилия не было, то наказание за растление девицы младше четырнадцати лет составляло от восьми до десяти лет. Если жертве было больше четырнадцати и виновный ее обольстил, пользуясь своей властью, то ему могли присудить максимально два с половиной года в исправительных арестантских отделениях.

Сравнивая два варианта раскрытия мотива растления (по терминологии «Уложения» в обоих случаях был факт растления) в «Преступлении и Наказании» и в главе «У Тихона», обязательно следует брать во внимание то, как преступления описаны обоими преступниками. Получается, что в случае Свидригайлова можно говорить об изнасиловании девицы, сопряженном с растлением. Это шестая степень наказания, от шести до восьми лет. В случае Ставрогина, учитывая «странность» в поведении Матрешы, когда она обняла его и начала целовать сама, а «когда всё кончилось», смотрела на него, «робко улыбаясь» (*Д30*; т. 11: 16), его действия можно подвести и под минимальное из всех наказаний за преступления «против чести и целомудрия женщин», указанных в законодательстве (*Уложение*: 582–588).

Достоевский, хорошо знавший законодательство того времени, что уже было отмечено современниками⁶ и исследователями⁷, специально указывает, что обоим жертвам было по четырнадцать лет — предположительно

⁶ Например, А. Ф. Кони, который сопоставлял фрагменты из произведений писателя с законодательными документами и находил десятки совпадений (Кони А. Ф. Федор Михайлович Достоевский // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1968. Т. 6: Статьи и воспоминания о русских литераторах. С. 413–418). Также об интересе Достоевского к судебным процессам и его консультациях с адвокатом А. А. Штакеншнейдером писала А. Г. Достоевская (Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. С. 404).

⁷ См.: [Тихомиров], [Першкина], [Карлова], [Жаров], [Сафронова].

в расчете на то, что его читатели, даже не помня конкретных сроков и видов наказания, могут знать, что четырнадцать лет — важная граница в законодательстве. Также это позволяет избежать претензий и обвинений в изображении в художественных текстах половых преступлений в отношении детей. Прямого запрета в цензурных документах на это не было. Однако писатель, которому захотелось бы поместить такой сюжет, например, в периодическом издании, мог столкнуться с препятствиями в публикации, как минимум с недовольством редактора. Именно это произошло с главой «У Тихона», которую отказался печатать редактор «Русского Вестника» М. Н. Катков (ДЗ0; т. 12: 239). Указание писателем возраста героини не помогло. Сложно предположить, какой могла бы быть реакция цензуры или читателей. Нельзя забывать, что в будущем именно этот сюжет стал поводом для Н. Н. Страхова обвинить самого Достоевского в педофилии⁸. Исследователями уже было доказано, что это сплетня. Ее фактологический анализ был дан, например, В. Н. Захаровым [Захаров, 1978: 95–104; 2017], с указанием, что в своем художественном мире писатель оценивает такие поступки однозначно. Свидригайлова и Ставрогина объединяет то, что они оба покончили жизнь самоубийством, так как «по Достоевскому, это преступление неискупимо, ему нет и не может быть прощения» [Захаров, 1978: 103]⁹.

Катков пропустил в печать историю про Свидригайлова, но отказался печатать историю про Ставрогина. Этому может быть несколько причин, которые следует искать внутри самих текстов. Это то, насколько подробно и очевидно рассказана история преступления, и то, какое место в романе занимает совершивший его герой. В «Преступлении и Наказании» о растлении девочки рассказано намеками, а не прямо. Лужин сначала говорит, что девочке было пятнадцать, потом убавляет год, чтобы усилить эффект своего рассказа. Ясность вносит Свидригайлов, четко проговаривая, что его жертве было четырнадцать. Сама история произошла не с главным героем, а с второстепенным персонажем. В главе «У Тихона» Ставрогин не уверен в том, сколько лет было Матреше. Он, конечно, произносит верное число, но с прибавкой «думаю», и в то же время в остальном тексте девочка прямо называется ребенком, а в поведении ее отмечаются детские черты. Если считать главу «У Тихона» частью романа, то Ставрогин как человек, который ставит страшные эксперименты над собой и над другими, выходит на первый план, его сюжетная линия¹⁰ становится ключевой. Катков, не пропустивший главу, но познакомившийся с ней, имел дело именно с романом, где главным героем был Ставрогин.

⁸ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: в 2 т. / Оттавский ун-т, Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова; ред. А. А. Донсков. [М.; Оттава], 2003. С. 652–654.

⁹ О реакции жены писателя А. Г. Достоевской см.: [Андрианова: 87–92].

¹⁰ См.: [Долинин: 546–556], [Ермоленко, Тарасенко: 144–146].

Утопленница из «Преступления и Наказания» и Матреша из «Бесов» — не единственные героини Достоевского четырнадцати лет или приблизительно этого возраста. Приведем остальные случаи не в хронологическом порядке, а по степени скандальности сюжетов, в которых фигурируют девочки. Нелли из «Униженных и Оскорбленных» «скоро четырнадцать лет» (ДЗ0; т. 3: 387) — об этом главному герою напоминает Наташа, когда объясняет, что девочка в него влюблена. До этого герой спас ее, когда забрал у мадам Бубновой, где Нелли грозили растление и изнасилование. На четырнадцатилетнюю девочку засматривается князь К. в «Дядюшкином сне», рассуждает о ее «формах», за что его одергивает Марья Александровна (ДЗ0; т. 2: 342). Четырнадцать лет Лизе Хохлаковой из «Братьев Карамазовых»: она предлагает себя Ивану Карамазову, «как развратные женщины предлагают» (ДЗ0; т. 15: 38). Он возмущается, что она так себя ведет, когда ей нет еще шестнадцати — с этого возраста было разрешено выдавать девушек замуж. Героиня повести «Кроткая» выглядит на четырнадцать (ДЗ0; т. 24: 7) на момент знакомства с рассказчиком, хотя ей «без трех месяцев шестнадцать», а женятся они, когда девушке уже шестнадцать. Однако то, что она выглядит младше, герою нравится, и он акцентирует внимание на возрасте.

В случае с «Кроткой» возраст имеет большое значение в контексте потенциального замужества. Тетки, у которых живет героиня, хотят выдать ее за лавочника, уже дважды вдовца, который «усахарил», то есть забил двух своих предыдущих жен. Они могут это сделать, только когда девушка достигнет законного возраста. Именно поэтому Кроткая начинает отчаянно искать место гувернантки и печатать объявления в газете «Голос», ради этого отдавая ростовщику все ценные вещи. Ей нужно успеть до своего шестнадцатилетия. Вся эта ситуация с закладами создает повод для знакомства героев, и так завязывается сюжет повести.

Что касается шестнадцатилетия, то такое внимание к возрасту у Достоевского — это прием игры со скандалом. Писатель хотел изобразить страшное преступление, на что указывала его вдова Анна Григорьевна, отвечая на обвинения Страхова¹¹, который именно так расценивал растление девочки. Это было нужно для характеристики персонажей: отрицательные воспринимают такого ребенка как сексуальный объект, положительные — нет. При этом Достоевский опасался переступить черту, моральную или же обозначающую некие общественные приличия. Эти опасения выливаются в обязательные и последовательные указания в текстах Достоевского на возраст героинь в соответствии с законодательством XIX в.

¹¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. С. 594–604.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 3. С. 84–95 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (25.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
2. Буданова Н. Ф. Комментарий к роману «Бесы» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 12. С. 237–253.
3. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: Гос. акад. худ. наук, 1925. 190 с. (Сер.: История и теория искусств / Гос. акад. худ. наук; вып. 4.)
4. Долинин А. С. Страницы из «Бесов» // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. II. С. 544–556.
5. Ермоленко С. И., Тарасенко Т. Ю. Еще раз о «пропущенной» главе «Бесов» Ф. М. Достоевского // *Филологический класс*. 2014. № 1 (35). С. 144–147 [Электронный ресурс]. URL: https://filclass.ru/images/JOURNAL/35/Filologiceskij-klass_135_2014_st.-22.pdf (25.08.2023).
6. Жаров В. А. Достоевский и философия права 1860-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 194 с.
7. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск: ПГУ, 1978. 110 с.
8. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
9. Захаров В. Н. Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове // *Русская литература*. СПб., 2017. № 4. С. 61–70.
10. Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. 165 с.
11. Коган Г. Ф. Из истории создания Исповеди Ставрогина // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 1995. Т. 54. № 1. С. 65–74.
12. Комарович В. Л. Неизданная глава романа «Бесы» // *Былое*. Пг., 1922. № 18. С. 217–230.
13. Першкина А. Н. Прапорщик Ставрогин: из исторического комментария к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // *Русская литература*. 2020. № 2. С. 85–87.
14. Сараскина Л. И. «Бесы», или Русская трагедия // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в 3-х частях. «Бесы»: антология русской критики / сост., подгот. текста, послесл., коммент. Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 435–460.
15. Сафронова Е. Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского, 1846–1862 гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 182 с.
16. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
17. Туниманов В. А. Безумие и «вечная Великая Мысль» // Достоевский Ф. М. Бесы. Л.: Лениздат, 1990. С. 622–638.
18. Чернышов И. С. Стратегии издания романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в современной России // *Филологический класс*. 2017. № 3 (49). С. 101–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://filclass.ru/images/JOURNAL/50/49/15-5.pdf> (25.08.2023). DOI: 10.26710/fk17-03-15

References

1. Andrianova I. S. "Strakhov's Slander", or the Protest of Dostoevsky's Widow and Nephew. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 3, pp. 84–95. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (accessed on August 25, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485 (In Russ.)
2. Budanova N. F. Commentary on the Novel "Demons". In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 12, pp. 237–253. (In Russ.)
3. Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [*Poetics of Dostoevsky*]. Moscow, State Academy of Art Sciences Publ., 1925. 190 p. (Ser.: History and Theory of Art / State Academy of Art Sciences; Issue 4.) (In Russ.)
4. Dolinin A. S. Pages from "Demons". In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [*F. M. Dostoevsky. Articles and Materials*]. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924, collection 2, pp. 544–556. (In Russ.)
5. Ermolenko S. I., Tarasenko T. Yu. Once Again About the "Omitted" Chapter "Demons" of F. M. Dostoevsky. In: *Filologicheskij klass* [*Philological Class*], 2014, no. 1 (35), pp. 144–147. Available at: https://filclass.ru/images/JOURNAL/35/Filologiceskij-klass_135_2014_st.-22.pdf (accessed on August 25, 2023). (In Russ.)
6. Zharov V. A. *Dostoevskiy i filosofiya prava 1860-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [*Dostoevsky and the Philosophy of Law of the 1860s. PhD. philol. sci. diss.*]. Tver, 2003. 194 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo* [*The Problems of Studying Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy: ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky: An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Polemical Notes of F. M. Dostoevsky About N. N. Strakhov. In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, 2017, no. 4, pp. 61–70. (In Russ.)
10. Karlova T. S. *Dostoevskiy i russkiy sud* [*Dostoevsky and the Russian Court*]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 1975. 165 p. (In Russ.)
11. Kogan G. F. From the History of the Creation of Stavrogin's Confession. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [*The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language*], 1995, vol. 54, no. 1, pp. 65–74. (In Russ.)
12. Komarov V. L. Unpublished Chapter of the Novel "Demons". In: *Byloe* [*Past*]. Petrograd, 1922, no. 18, pp. 217–230. (In Russ.)
13. Pershkina A. N. Ensign Stavrogin: from a Historical Commentary to F. M. Dostoevsky's Novel "Demons". In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, 2020, no. 2, pp. 85–87. (In Russ.)
14. Saraskina L. I. "Demons", or Russian Tragedy. In: *Dostoevskiy F. M. Besy: roman v 3-kh chastyakh. "Besy": antologiya russkoy kritiki* [*Dostoevsky F. M. Demons: a Novel in 3 Parts. "Demons": an Anthology of Russian Criticism*]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 435–460. (In Russ.)
15. Safronova E. Yu. *Diskurs prava v tvorchestve F. M. Dostoevskogo, 1846–1862 gg.* [*Discourse of Law in the Works of F. M. Dostoevsky, 1846–1862*]. Barnaul, Altai State University Publ., 2013. 182 p. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [*"Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: the Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

17. Tunimanov V. A. Madness and the “Eternal Great Thought”. In: *Dostoevskiy F. M. Besy* [*Dostoevsky F. M. Demons*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990, pp. 622–638. (In Russ.)
18. Chernyshov I. S. The Publishing Strategies of the Novel “Demons” by F. M. Dostoevsky in Post-Soviet Russia. In: *Filologicheskii klass* [*Philological Class*], 2017, no. 3 (49), pp. 101–108. Available at: <https://filclass.ru/images/JOURNAL/50/49/15-5.pdf> (accessed on August 25, 2023). DOI: 10.26710/fk17-03-15 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Першкина Анастасия Николаевна, старший преподаватель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, г. Москва, 105066, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-9064-9934>; e-mail: dostoevsk@mail.ru.

Anastasiya N. Pershkina, Senior Lecturer of School of Philological Studies of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (ul. Staraya Basmannaya 21/4, 1, Moscow, 105066, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-9064-9934>; e-mail: dostoevsk@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 06.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.11.2023

Принята к публикации / Accepted 14.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6961

EDN: MFUZJC

Петербургские адреса Николая Страхова

Б. Н. Тихомиров

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Аннотация. В статье предпринят обзор петербургских адресов философа, литературного критика и публициста Николая Николаевича Страхова (1828–1896), одного из наиболее близких к Достоевскому людей в 1860–1870-е гг., автора первой посмертной биографии писателя. На основе мемуарной литературы, переписки, официальных документов с опорой на адресные книги, табели домов, атласы С.-Петербурга, иную справочную литературу XIX в. в статье описаны адреса жительства мыслителя начиная с сентября 1844 г., когда он приехал в Северную столицу из Костромы, до дня кончины 24 января 1896 г. Кроме мест проживания, учтены адреса учебных заведений (С.-Петербургский императорский университет, Главный педагогический институт) и мест службы Страхова (2-я петербургская мужская гимназия, Императорская публичная библиотека, Ученый комитет Министерства народного просвещения, Комитет иностранной цензуры); адреса, где при активном участии Страхова собирались редакционные кружки журналов «Светоч», «Время», «Эпоха», «Заря». Во всех случаях указаны как исторические адреса (включая фамилии домовладельцев), так и их местонахождение на карте современного Петербурга.

Ключевые слова: Петербург, Н. Н. Страхов, Достоевский, краеведение, адресная книга, табель домов, атлас Петербурга

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса Николая Страхова // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 155–175. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6961. EDN: MFUZJC

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6961

EDN: MFUZJC

St. Petersburg Addresses of Nikolai Strakhov

Boris N. Tikhomirov

The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Abstract. The article provides an overview of the St. Petersburg addresses of the philosopher, literary critic and publicist Nikolai Nikolaevich Strakhov (1828–1896), one of the closest people to Dostoevsky in the 1860s and 1870s and the author of the writer's first posthumous biography. Based on memoir literature, correspondence, official documents based on address books, house journals, atlases of St. Petersburg, other reference literature of the 19th century. The article lists the residence addresses of the thinker since September 1844, when he arrived in the Northern capital from Kostroma, until the day of his death on January 24, 1896. In addition to his places of residence, the addresses of the educational institutions he attended (St. Petersburg Imperial

University, the Main Pedagogical Institute) and his places of service (St. Petersburg Second Men's Gymnasium, the Imperial Public Library, the Scientific Committee of the Ministry of National Education, the Committee of Foreign Censorship) are taken into account; addresses where the editorial circles of "Svetoch," "Vremya," "Epokha," "Zarya" magazines gathered with the active participation of Strakhov. In all cases, both historical addresses (including the names of the homeowners) and their location on the map of modern St. Petersburg are indicated.

Keywords: Petersburg, N. N. Strakhov, Dostoevsky, local history, address book, house journal, atlas of St. Petersburg

For citation: Tikhomirov B. N. St. Petersburg Addresses of Nikolai Strakhov. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 155–175. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6961. EDN: MFUJJC (In Russ.)

Более чем полувековой петербургский период биографии философа, литературного критика и публициста Николая Николаевича Страхова начался 26 сентября 1844 г., когда они со старшим братом Петром после одиннадцатидневной дороги из Костромы прибыли в Северную столицу (см.: [Сорокина: 58]). Пятнадцатилетний Николёя (так его называли близкие) только что окончил философский класс Костромской духовной семинарии. В Петербург братья Страховы были вытребованы их опекуном, родным дядей по матери архимандритом Нафанаилом (в миру Николаем Ивановичем Савченко; 1802–1875), который занимался воспитанием племянников после смерти в 1834 г. их отца протоиерея Николая Петровича Страхова. С 1839 г. о. Нафанаил являлся ректором Костромской семинарии, но в 1843 г. был вызван в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Ожидая в Северной столице нового назначения, он и вызвал в Петербург отроков Петра и Николая.

Ехали братья Страховы в столицу с некоторой тревогой, так как будущность рисовалась им достаточно неопределенно. Но одновременно мечты подростков о главном городе Империи были окрашены предчувствием счастья. В дневнике, который Николай вел во время путешествия, им сделана запись: «Дорога, дорога! Немного останется от тебя приятных воспоминаний и сколько неприятных! Немного нашел я на тебе любопытного; одну грязь, да брань с ямщиками. Немного видел красивых городов, но я думаю за всё это вознаградит нас счастливый Петербург. Петербург! Петербург! Скоро ли я увижу тебя? Завтра, послезавтра! Скорее, скорее!» (цит. по: [Сорокина: 57]).

Как ни странно, братья Страховы въехали в Северную столицу по воде. Может быть, по причине «испорченности дорог» и «гадких лошадей» (они ехали на вольных), но, добравшись по Ярославскому почтовому тракту до села Колчанова, расположенного на реке Сясь в Новоладожском уезде, в двухстах верстах от Петербурга, они с попутчиками наняли лодку и, плывя вблизи берега по Ладожскому озеру, а затем от Шлиссельбурга по Неве, пристали почти к самому Александро-Невскому монастырю, где проживал их дядюшка, архимандрит Нафанаил (см.: *Страхов, Скивский*: 60).

Однако, вопреки указанию некоторых биографов, по приезде в Северную столицу Страхов остановился не «у отца Нафанаила в Александро-Невской лавре» [Сорокина: 58], а у других родственников. В Петербурге, в Литейной части на Кирочной улице, жил двоюродный дедушка Николая Страхова — титулярный советник Семен (Симеон) Иларионович Липенский, служивший в департаменте военных поселений. У него также квартировала тетка братьев Страховых, сестра матери, Катерина Ивановна Карпенко. Вот у них-то и поселился Николай (см.: *Страхов, Скивский*: 60). Сам Страхов в письме к своему духовному наставнику о. Иоанну Скивскому указывает этот адрес так: «Кирочная, уг^{ол} Воскресенского проспекта, д. Ларионова» (*Страхов, Скивский*: 61). Однако данное указание не вполне точно. Дом почетного гражданина Петра Ильича Ларионова, значившийся в 4-м квартале Литейной части по Кирочной улице под № 25 (соврем. участок дома № 24), был не угловым, а находился за один дом от Воскресенского (ныне Чернышевского) проспекта (см.: *Нистрем, 1844*; т. 1: 124; т. 2: 120; *Цылов, 1849*: 134). Это первый адрес Николая Страхова в Петербурге¹.

Первоначально предполагалось, что Николай будет поступать в Главный педагогический институт. Но затем о. Нафанаил решил, что племянник должен стать вольнослушателем Санкт-Петербургского императорского университета, причем камерального факультета (управленческого в современном понимании²). Преимущество было в том, что вольнослушателям не требовалось сдавать вступительные экзамены, к которым Страхов не вполне был готов. Посещать лекции Николай начал 12 января 1845 г. Университет, основанный в 1819 г., располагался, как и ныне, на Васильевском острове, в здании «Двенадцати коллегий» (соврем. адрес: Университетская набережная, № 7–9). Свой маршрут в Университет Страхов описывал так: «Я всегда иду по Невскому проспекту, который <...> есть самая широкая, самая великолепная улица в Петербурге, потом перехожу чрез Исаакиевскую или Дворцовую площадь и вижу дворец, колонну Александринскую, иду по прекрасному адмиралтейскому бульвару и, наконец, перехожу Неву чрез Исаакиевский мост. Самая приятная прогулка» (*Страхов, Скивский*: 70). До Невского, надо полагать, от дома Ларионова он добирался по Кирочной и Литейной улицам.

В августе 1845 г., сдав вступительные экзамены, Страхов перешел на математический факультет Университета. В это же время его дядя, о. Нафанаил, 26 августа 1845 г. был хиротонисан во епископа Ревельского, викария Петербургского, а после удара, постигшего в декабре митрополита Антония (Рафальского), фактически управлял Петербургской епархией.

¹ Исторический дом не сохранился; современное здание на его месте построено в 1904–1905 гг. (см.: [Гинзбург, Кириков: 98]).

² Камеральные науки — совокупность знаний, необходимых для управления государственным имуществом (*устар.*).

Получив епископский сан, о. Нафанаил перебрался и в новые апартаменты, и племянники Николай и Петр переехали к нему в Александро-Невскую лавру. В каком они расположились корпусе, еще предстоит установить. Это — второй адрес Николая Страхова в Петербурге.

В начале июня 1846 г. у 17-летнего Страхова произошла крупная ссора с дядей, о. Нафанаилом, недовольным слишком вольным поведением племянника, нарушавшего монастырские распорядки, и тот в сердцах приказал Николаю написать прошение об увольнении из Университета, с тем, чтобы отправить его в родной Белгород, к матери (см.: *Страхов, Скивский*: 97).

В середине июля Страхов уехал из Петербурга на родину, но ненадолго. По возвращении в сентябре 1846 г. из Белгорода, восстановившись в Университете, но лишившись и стипендии, и приюта (за самовольное возвращение в Северную столицу дядя отказал ему в монастырском крове), он какое-то время вновь проживал у Липенских на Кирочной улице (см.: *Страхов, Скивский*: 100–101). Здесь, судя по всему, Страхов прожил несколько месяцев. В январе 1847 г. он уже писал в Кострому наставнику, о. Иоанну, о «новой квартире» с отдельной комнатой, за которую платил, давая уроки, по 12 целковых в месяц. В это время он поселился на квартире у матери своего университетского товарища А. В. Левицкого (см.: *Страхов, Скивский*: 110–111), которого, представив под криптонимом А. В. Л-кий, охарактеризовал в воспоминаниях как «совершенного отрицателя, полного нигилиста» (*Страхов*, 1897: 431). Этот адрес установить не удалось.

Любопытно, что в первой половине 1847 г. Н. Н. Страхов свел знакомство с поэтами Алексеем Плещеевым и Николаем Некрасовым (см.: *Страхов, Скивский*: 114). У Н. А. Некрасова, который с января этого года вместе с И. И. Панаевым начал издавать журнал «Современник», Страхов пытался получить какую-нибудь литературную работу, например переводы, но безуспешно. Через Плещеева или Некрасова он вполне мог бы познакомиться и с Достоевским, но тогда их знакомство не произошло.

В конце 1847 г. Страхов принимает решение оставить Университет и переводится на физико-математический факультет Главного педагогического института, который с 1836 г. располагался на Васильевском острове в том же здании «Двенадцати коллегий», что и С.-Петербургский университет (см.: *Греч*, 1851: 142), в дальней от Невы, северной его части. Поступив на казенный кошт в закрытое учебное заведение, каким являлся Главный педагогический институт, студент Страхов получал обеспечение одеждой, питанием и жильем. «Жилые покои студентов располагались на третьем этаже здания» [Бурмистров: 166]. Здесь Николай прожил с начала 1848 г. до окончания института в 1851 г.³

³ В литературе, посвященной биографии Н. Н. Страхова, есть указание, что в августе 1849 г. он жил «в доме Иванова около Поцелуева моста» [Щербакова: 9]. Очевидно, имеется в виду дом надворного советника Павла Васильевича Иванова, располагавшийся на

По существовавшим правилам выпускники Главного педагогического института должны были по окончании курса по распределению прослужить восемь лет в одном из учебных заведений Министерства народного просвещения. Блестяще защитив выпускное сочинение по теме «Решение линейных неравенств», заслужив похвалу от выдающегося математика — академика Михаила Остроградского и кончив курс с серебряной медалью (золотых медалей в этот год не получил никто, а серебряные лишь двое: Страхов и его друг Иван Вышнеградский, в будущем министр финансов Российской империи), в августе 1851 г. Страхов был направлен старшим учителем физики и математики во 2-ю Одесскую мужскую гимназию. Но в Одессе он прослужил лишь год. И 1 августа 1852 г. по прошению был переведен в Петербург старшим учителем естественной истории во 2-ю петербургскую мужскую гимназию, которая, как и сейчас, располагалась на Большой Мещанской ул., № 30, угол Демидова переулка, № 7 (соврем. адрес: Казанская улица, № 27, угол пер. Гривцова, № 12)⁴.

По приезде из Одессы Страхов поселился рядом с местом службы, в Конном переулке. И это первый его адрес, зарегистрированный в петербургских адресных книгах. В справочнике Василия Матвеева «Путеводитель. 60,000 адресов из С.-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина [так!] и проч.», имеющем цензурное разрешение от 3 декабря 1853 г., читаем: «Страхов, Ник. Ник. Учит<ель> 9 кл. (то есть титулярный советник. — Б. Т.), 3-я <Адмиралтейская> ч<асть>, Кон<ный> пер., 5» (Матвеев, 1853: 198, перв. паг.). Конный переулок — это ныне часть переулка Гривцова, пролегающая от Сенной площади до канала Грибоедова (в XIX в. Екатерининского). А продолжением его за каналом (до Мойки) как раз был Демидов переулок, на углу которого и Большой Мещанской улицы находилась 2-я гимназия. Согласно тому же справочнику, владельцем дома № 5 являлся отставной тайный советник Андрей Андреевич (Генрих) фон Кранихфельд (см.: Матвеев, 1853: 24, втор. паг.)⁵. Сегодня это участок дома № 24 по переулку Гривцова (исторический дом не сохранился, современный — постройки 1870-х гг.)⁶.

углу набережной Мойки, № 91, и Никольской улицы, № 7–9 (см.: Цылов, 1849: л. 21, 24, с. 92) (соврем. адрес: наб. Мойки, угол ул. Глинки, № 100/1). Однако как это согласовать с тем, что в это время он был студентом закрытого учебного заведения, непонятно. Возможно, Страхов квартировал по данному адресу во время летних каникул.

⁴ Здание гимназии было построено на рубеже XVIII и XIX вв. для губернского правления; с 1805 г. после перестройки, которую осуществил архитектор Л. Руска, в нем разместилась губернская всесословная гимназия, ставшая с 1830 г. называться 2-й классической. Историческое здание в 1911–1913 гг. было расширено и перестроено архитектором Л. Шишко. В таком виде оно существует и поныне (см.: [Бройтман: 144–145, 148]).

⁵ Имя, отчество и чин домовладельца установлены по изд.: (Цылов, 1849: 124); также см.: [Потемкин: 458]. В последнем издании ошибочно Андрей Андреевич и Генрих Кранихфельд представлены как два разных лица с полностью совпадающими датами жизни: 12.07.1789 — 28.06.1855.

⁶ В краеведческой литературе встречается указание, что Н. Н. Страхов жил в Конном переулке на *Петербургской стороне* (см.: [Привалов: 233]). Однако это абберрация, вызванная

Согласно сведениям Александра Кургановича и Алексея Круглого, составителей «Исторической записки 75-летия С.-Петербургской второй гимназии», первый из которых преподавал в названном учебном заведении одновременно со Страховым, тот служил в гимназии до 1861 г., выйдя в отставку коллежским асессором (см.: Курганович, Круглый: 338). «Преподаватель он был, по свидетельству его учеников, очень плохой — сбивчивый, отвлеченный и сухой», — отмечал автор критико-биографического очерка о нем Б. В. Никольский (Никольский: 251).

Любопытно, что во 2-й петербургской гимназии в 1860–1861 гг. обучался пасынок Достоевского Павел Исаев. В октябре 1859 г., находясь в Твери, писатель обратился к Александру II с прошением о разрешении ему иметь жительство в Петербурге. Одновременно он писал царю: «...благоволите оказать чрезвычайную милость, повелев принять моего пасынка, двенадцатилетнего Павла Исаева, на казенный счет в одну из с.-петербургских гимназий» (Д30; т. 28; 387). Монаршая милость, как можно заключить, была оказана. 27 ноября 1859 г. на письме Достоевского к Александру II начертана резолюция шефа жандармов В. А. Долгорукова: «Высочайше повелено относительно Исаева снести с кем следует» (цит. по: Д30; т. 28; 519, примеч.).

С кем следует, очевидно, снеслись, и после возвращения семьи Достоевских в конце декабря 1859 г. в Северную столицу Павел Исаев стал учащимся 2-й петербургской гимназии. Скорее всего, учитель естественной истории Николай Николаевич Страхов был его педагогом.

Однако учеба у Паши, бывшего большим разгильдяем, не заладилась. Достоевского, как отчима, не однажды вызывали для бесед в гимназию. В частности, сохранилась записка к писателю от 29 ноября 1861 г. инспектора 2-й гимназии Х. И. Пернера с просьбой «покорнейше пожаловать <...> сегодня же в гимназию»: «Дело, о чем желаю с Вами поговорить, — писал Пернер, — касается Вашего пасынка» (цит. по: [Летопись: 341]⁷). На следующий день, 30 ноября, очевидно, после личной встречи инспектор вновь писал к Достоевскому, прося «оставить Вашего пасынка дома и, в послѣдствіи времени, явиться для полученія документовъ, представленныхъ при помѣщеніи его въ Гимназію» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29805. Л. 1). Неизвестно, за какую провинность, но Павел Исаев из гимназии был исключен. Его отчим в это время находился уже в тесных отношениях с Н. Н. Страховым, ставшим ведущим автором журнала братьев Достоевских «Время». Интересно, обращался ли он за помощью в разрешении описанного инцидента

наличием в Петербурге в период с 1828 по 1871 г. двух Конных переулков. Приведенное указание в адресной книге на 3-ю Адмиралтейскую часть позволяет однозначно разобраться в этой путанице. Подробнее см.: [Тихомиров, 2018: 15–18], также см.: [Бурмистров: 167].

⁷ Здесь ошибочно Христофор Иванович Пернер (см.: Курганович, Круглый: 314) фигурирует как А. Пернер.

к Николаю Николаевичу, многие годы бывшему сотрудником Х. И. Пернера (впрочем, к этому времени уже вышедшему в отставку⁸)?

Кроме службы во 2-й гимназии, Н. Н. Страхов в 1859 г. преподавал естественную историю и физику также в Николаевском женском сиротском институте (см.: *Тимофеев*: 24, отд. паг.). Институт располагался в бывшем дворце графа Г. К. Разумовского на набережной Мойки (соврем. № 48–50, корпус А Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена). Здесь Н. Н. Страхов познакомился с педагогом и литератором Александром Петровичем Милюковым, служившим в этом учебном заведении в качестве преподавателя русской словесности в 1844–1871 гг. (см.: *Тимофеев*: 21, отд. паг.).

С 1857 г. Страхов начинает публиковаться в «Журнале министерства народного просвещения»⁹. Но своим «настоящим вступлением в литературу» он считал напечатанную в январе 1859 г. в еженедельной газете В. Я. Стоюнина «Русский мир» статью «Физиологические письма. Письмо I»¹⁰. С 1860 г. в Петербурге начал выходить учено-литературный журнал «Светоч». Его издателем был Д. И. Калиновский, а редактором литературного отдела сослуживец Страхова по Николаевскому институту А. П. Милюков. Страхов печатался в «Светоче» начиная с № 1 («Значение гегелевской философии в настоящее время»), сделавшись его деятельным сотрудником. В это время он становится участником редакционного кружка журнала «Светоч», собиравшегося на квартире редактора А. П. Милюкова на Офицерской улице, в доме Самуила Якобса (ныне ул. Декабристов, дом № 5). Квартира Милюкова № 14 находилась на третьем этаже (см.: *Григорьев*: 248)¹¹.

Именно здесь Н. Н. Страхов познакомился с Аполлоном Григорьевым¹², Михаилом Достоевским и его братом Федором, только что вернувшимся в Петербург из Сибири. Здесь также бывали А. Н. Майков, Вс. В. Крестовский,

⁸ Н. Н. Страхов был уволен от службы «согласно прошению по болезни» 20 сентября 1861 г. (Аттестат № 606, выданный 23 октября 1861 г. из 2-й Санкт-Петербургской гимназии за подписью директора А. Тихомандрицкого; воспроизведен: [Полухин, Щербакова, Ольхов и др.: 57]). Сердечно благодарю А. В. Тоичкину за уточнение данных по публикации этого источника.

⁹ Еще раньше под инициалами Н. С. в сатирическом приложении к журналу «Современник» «Литературный ералаш. Тетрадь четвертая» (1854. Т. XLV. № 6. С. 60–62) Страховым было опубликовано стихотворение «Ночная заметка», являвшееся пародией на «Весенний бред» А. Н. Майкова.

¹⁰ Обнародовавший это свидетельство биограф Страхова Б. В. Никольский допустил здесь ошибку, назвав статью «Письма об органической жизни» (*Никольский*: 235). Такое название «Физиологические письма» получили при перепечатке в составе книги «Мир как целое: черты из науки о природе» (1872).

¹¹ Дом постройки 1852 г. сохранился в своем историческом виде (см.: [Гинзбург, Кириков: 33, 69]).

¹² Знакомство с Ап. Григорьевым сам Страхов датирует осенью 1859 г. (см.: *Страхов*, 1864: 3). Знакомство с Ф. М. Достоевским, лишь около 20 декабря 1859 г. возвратившимся из Сибири, должно было произойти несколько позднее.

Д. Д. Минаев и другие литераторы (см.: *Страхов*, 1883: <180–181>, перв. паг.). Весь 1860 г. Достоевский и Страхов встречались почти исключительно на «вторниках» у А. П. Милюкова (см.: *Страхов*, 1883: <187>, перв. паг.).

К сожалению, мы не знаем, когда и в связи с чем Страхов оставил квартиру в Конном переулке и где квартировал ко времени знакомства с Достоевским. Известно только, что в это время он жил где-то на Васильевском острове (см.: *Страхов*, 1883: 223, перв. паг.). С начала 1861 г. начал выходить журнал братьев Достоевских «Время», деятельным сотрудником которого стал Страхов. Уже в № 1 он напечатал привлекающую общее внимание статью «Жители планет» и затем публиковался чуть ли не в каждом номере журнала, иногда помещая по две, а то и по три статьи и/или рецензии в одном номере. Здесь Страхов заявил себя и как серьезный литературный критик, начавший с небольших статей вроде отклика на 1-й том собрания сочинений А. Ф. Писемского (1861. № 7), а затем продолживший такими капитальными публикациями, как разбор деятельности Н. А. Добролюбова (1862. № 3) или статья «И. С. Тургенев. Отцы и дети» (1862. № 4).

С первых дней издания журнала он сделался непременным участником редакционного кружка «Времени», который собирался на квартире М. М. Достоевского в доме генеральской дочери Анастасии Астафьевой на Малой Мещанской улице (ныне Казначейская ул., № 1)¹³. «У кружка был свой постоянный день — воскресенье» [Орнатская: 252]. Членами кружка были во многом те же литераторы, с которыми Страхов встречался на вечерах у А. П. Милюкова. Дополнительно можно назвать Платона Кускова и Чокана Валиханова.

Вскоре, летом 1861 г., Страхов, чтобы быть поближе к редакции журнала, переехал с Васильевского острова на Большую Мещанскую улицу в дом наследников каретного мастера Иогана-Альберта Иохима (ныне Казанская ул., дом № 39, против Столярного переулка)¹⁴. Интересно, знал ли новый жилец, что в 1829 г. в этом доме несколько месяцев квартировал Н. В. Гоголь (см.: [Бройтман: 179–180])¹⁵.

¹³ Подробнее см.: [Тихомиров, 2016: 66–70].

¹⁴ Дом по проекту неизвестного архитектора был построен в начале второго десятилетия XIX в. В 1871 г. были перестроены дворовые флигели, но фасад по Казанской улице сохранил свой исторический облик (см.: [Бройтман: 177–178]).

¹⁵ А. С. Бурмистров пишет, что «Страхов сменил квартиру и переехал с Васильевского острова поближе к братьям Достоевским и Григорьеву», указывая, что в это время «Григорьев ютился в меблированных комнатах в доме Соболевской на Вознесенском проспекте» [Бурмистров: 168]. Однако в доме жены капитана Елисаветы Соболевской на Вознесенском проспекте, № 49, Аполлон Григорьев поселился лишь в феврале 1863 г. В период знакомства со Страховым он квартировал на Невском проспекте, в доме купца 3-й гильдии каретника Ивана Логинова, № 59 (соврем. № 61) (см.: *Григорьев*: 217, 229, 278, 455). Когда же Страхов летом 1861 г. переехал на Большую Мещанскую, Григорьев уже уехал в Оренбург, где находился до мая 1862 г.

Летом или осенью 1863 г. М. М. Достоевский переехал из дома Астафьевой в дом отставного действительного статского советника Алексея Евреинова, расположенный на той же Малой Мещанской улице, № 9 (угол Столярного пер., № 11). Журнал «Время» в мае 1863 г. за публикацию в № 4 статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященной полякам и Польше после восстания 1863 г. (автор выступил под псевдонимом *Русский*), был запрещен «по высочайшему повелению». Однако братьям Достоевским удалось получить разрешение на возобновление в 1864 г. издания под названием «Эпоха», и редакционный кружок нового журнала стал собираться в доме Евреинова. Страхов по-прежнему являлся его активным участником¹⁶.

По сведениям краеведа А. С. Бурмистрова, в доме на Большой Мещанской улице Страхов прожил до июля 1865 г. (см.: [Бурмистров: 168]), пережив здесь и смерть Михаила Достоевского, скончавшегося в июле 1864 г., и крах весной 1865 г. «Эпохи», которую в одиночку пытался продолжать, но неудачно Федор Достоевский.

Следующим адресом как будто должен быть назван дом купца 2-й гильдии Александра Кёнига в 3-й линии Васильевского острова, на углу Большого проспекта (соврем. № 6/9), который указан во «Всеобщей адресной книге С.-Петербурга» 1867–1868 гг., где зарегистрирован «отставной коллежский асессор Ник. Ник. Страхов» (см.: *Всеобщая адресная книга*; отд. 3: 458; также см.: [Бурмистров: 171])¹⁷. Но гипотетически можно предположить, что между Большой Мещанской и 3-й линией Васильевского острова Страхов какое-то недолгое время жил на Невском проспекте, против Знаменской церкви, в доме архитектора Константина Кохендорфера, № 77 (соврем. № 81). Дело в том, что в воспоминаниях о Достоевском Страхов сообщает, что «некоторое время после падения "Эпохи"» (то есть после весны 1865 г.) он жил вместе с литератором Иваном Григорьевичем Долгомостьевым, также сотрудником братьев Достоевских, секретарем журнала «Эпоха», который умер от белой горячки вследствие алкоголизма 31 декабря 1867 г. (см.: *Страхов, 1883*: 205, перв. паг.). Последняя же квартира Долгомостьева находилась

¹⁶ О редакционных кружках журналов «Время» и «Эпоха» см.: [Орнатская].

¹⁷ Этот дом, постройки середины XVIII в., на протяжении двух столетий был двухэтажным. В 1914 г. вместо каменной ограды, выходившей на 3-ю линию, к дому были пристроены одноэтажные магазины (в перестроенном виде существующие и поныне). В советское время с фасада по Большому проспекту пропала веранда, а в послевоенные годы дом надстроили третьим и четвертым этажами (см.: [Никитенко, Соболев: 41]).

именно на Невском проспекте, в доме Кохендорфера¹⁸ (см.: *Всеобщая адресная книга*; отд. 3: 155)¹⁹.

Впрочем, в декабре 1867 г. друзья жили уже отдельно (о чем свидетельствуют и данные адресной книги), но за несколько дней до смерти Иван Долгомостьев, уже с признаками безумия, появился в доме Страхова на Васильевском острове и оставался у него до своей кончины. «Долгомостьев умер страшно; он сошел с ума у меня на квартире, и я был свидетелем зрелища почти невыносимого» (*Страхов, 1940: 257*), — писал Страхов весной 1868 г. Достоевскому, который в это время жил за границей, в Женеве.

Как и адрес Страхова в доме купца Кёнига, сведения о новом месте его жительства мы узнаем также из письма Николая Николаевича к Достоевскому от 29 января — 1 февраля 1869 г. во Флоренцию: «Адрес мой, — пишет Страхов: — Вас<ильевский> Остр<ов>, Загибенин переулоч, дом ЦЭ, или Цея» (*Страхов, 1940: 262*). Ныне бывший дом учителя музыки Андрея Николаевича Цеэ находится по адресу: Тучков пер., № 20, угол Среднего просп., № 8. Это совсем неподалеку от прежнего адреса Страхова в 3-й линии²⁰.

Почему-то в эти годы Николай Николаевич меняет адреса неоднократно и достаточно часто. Буквально через полгода после предыдущего письма к Достоевскому он сообщает ему 8 августа 1869 г., уже в Дрезден (куда, готовясь к рождению ребенка, Достоевские буквально за несколько дней до этого переехали из Флоренции): «Мой новый адрес: у Круглого Рынка, д. Тура, кв. № 11» (*Страхов, 1940: 264*). Это адрес на набережной Мойки, у Конюшенного моста (соврем. дом № 5). Намереваясь оставаться здесь до летней поездки в Киев, Страхов подтверждает адрес на Мойке и в письме к Достоевскому от 22 февраля 1871 г.: «Адрес мой тот же: Кругл<ый> Рын<ок>, д. Тура» (*Страхов, 1940: 271*). Любопытно, что формально владельцем этого дома числился Великий князь Михаил Николаевич (см.: *Цылов, 1862: 219*); до перестройки в 1863 г. здесь квартировал штат его прислуги. Но в 1863 г. после реконструкции, осуществленной архитектором Андреем Штакеншнейдером (см.: [Гинзбург, Кириков: 340]), часть участка, примыкающая к Мойке, была сдана в аренду известному мебельному фабриканту Карлу Туру.

¹⁸ Не упоминая о совместном проживании Н. Н. Страхова и И. Г. Долгомостьева, краевед А. С. Бурмистров полагает, что «в дом Кенига на Большом проспекте Васильевского острова» Страхов переехал «в середине 1865 г.» [Бурмистров: 170]. В таком случае с Долгомостьевым они должны были жить в одной квартире именно здесь, а позже Иван Григорьевич переехал в меблированные номера дома Кохендорфера на Невском проспекте. Представляется, что, пока не обнаружены новые документы, обе версии имеют право на существование.

¹⁹ Здесь фамилия зарегистрирована неточно: «Долгомостов, Иван Григ. Невск. пр. д. 77. Переводчик». Дом Кохендорфера постройки 1851 г. и поныне сохраняет свой исторический облик (см.: [Гинзбург, Кириков: 92]).

²⁰ Построенный в 1842 г. дом Цеэ также сохранил поныне свой исторический вид (см.: [Гинзбург, Кириков: 319]).

В письме от 12 апреля 1871 г. Страхов сообщал Достоевскому: «Нынешнее лето я думаю провести в Киеве. <...> Но до Июня, конечно, останусь в Петербурге, и даже в том же доме Тура, который еще не собрался покинуть, хотя квартира теперь дорога не по доходу» (Страхов, 1940: 271). А 4–8 июня 1871 г., перед отъездом в Киев, писал тому же корреспонденту: «Квартиру я бросаю. Приедете в Петербург, найдете Майкова, а я, когда вернусь, через него тотчас отыщу Вас» (Страхов, 1940: 274).

В период проживания в домах А. Цез и К. Тура Н. Н. Страхов был поглощен редакторской деятельностью в журнале «Заря», который с начала 1869 г. издавался на средства дворянина-бессребреника В. В. Кашпирёва, заложившего, как говорили, для этого литературного предприятия свое имение (см.: Авсеенко: 440). Кашпирёв числился и издателем, и главным редактором, но фактически направление журнала, в значительной степени славянофильское, близкое по духу журналам братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», определял Страхов. Редакция «Зари» находилась в квартире Кашпирёвых в Саперном переулке, в доме коллежского секретаря Ивана Мельникова, № 19 (соврем. № 21)²¹. Здесь на редакционные «среды», кроме издателя Василия Владимировича Кашпирёва, его жены Софьи Сергеевны (урожд. княжны Урусовой) и Н. Н. Страхова собирались сотрудники «Зари» В. Г. Авсеенко, Д. В. Аверкиев, Г. П. Данилевский, Ф. Берг, Вс. Крестовский, Ап. Майков, часто наезжавший из Москвы А. Ф. Писемский (см.: Авсеенко: 439–451). В первое время, пока не рассорился с Кашпирёвым, приходил и Н. С. Лесков. «Заря» прекратила свое существование в начале 1872 г. В это время и Н. Н. Страхов меняет свое местожительство.

Если два предшествующих адреса критика известны из его писем к Достоевскому, то новый адрес, наоборот, мы узнаём из письма к нему Достоевского (от 3 мая 1872 г.)²². На сохранившемся конверте рукой адресанта сделана надпись: «Его высокоблагородию Николаю Николаевичу Страхову. У Певческого моста, дом № 20 (Калугина), квартира № 28. Здесь» (Д30; т. 29₁: 236)²³.

²¹ Адрес установлен по изд.: (Русский календарь, 1872: 382). Ошибка в фамилии домовладельца («Меньшиков») исправлена по изд.: (Всеобщая адресная книга; отд. 3: 311; отд. 5: 50) и рекламному объявлению журнала «Семейные вечера» (1871. № 10, задняя обложка), который с 1870 г. издавала С. С. Кашпирёва, жена издателя «Зари». Саперный переулок называет в своих воспоминаниях и В. Г. Авсеенко (см.: Авсеенко: 439).

²² В это время и Достоевский, и Страхов являлись участниками кружка, который собирался в салоне князя В. П. Мещерского, предпринявшего в 1872 г. издание еженедельника «Гражданин». Встречи, в которых также принимали участие К. П. Победоносцев, Н. Я. Данилевский, Н. С. Лесков, Т. И. Филиппов, А. Н. Майков, Вс. Крестовский, проходили в квартире князя Мещерского, который с середины 1870 г. жил на Невском проспекте в доме архитектора Константина Кохендорфера, № 77 (соврем. № 81) (см.: Мещерский: 227, 427). За ценные указания в разработке этого адреса, весьма неточно представленного в краеведческой литературе (см., например: [Саруханян: 203, 206]), сердечно благодарю Т. В. Панюкову.

²³ Еще раньше этот адрес фигурирует на открытке, отправленной Страхову Львом Толстым из Ясной Поляны 8 апреля 1872 г. (см.: Толстой, Страхов; т. 1: 29).

Бывший дом почетного гражданина Дмитрия Калугина сегодня имеет № 22²⁴. Поселился по этому адресу Страхов в период между августом 1871²⁵ и апрелем 1872 г.²⁶

Из того же источника узнаём, что и через два года Страхов по-прежнему жил у Певческого моста. В записке от 9 февраля 1874 г. Достоевский писал ему: «Очень бы желал Вас как-нибудь увидеть. Никак не предполагал, что Вы живете всё еще в доме Калугина» (*Д30*; т. 29₁: 313).

Тут, однако, для полноты картины надо отметить одно важное обстоятельство. 1 августа 1873 г. Страхов вновь поступил на государственную службу — библиотекарем юридического отдела Императорской публичной библиотеки. Здесь он прослужил 12 лет, выйдя в отставку 14 декабря 1885 г. в чине действительного статского советника²⁷. С 1814 г. Публичная библиотека находилась на своем всем известном месте, на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Этот служебный адрес также необходимо отметить на карте страховского Петербурга. Так, например, на протяжении десяти лет, с середины 1870-х гг., Лев Толстой, состоявший в переписке со Страховым с марта 1870 г., направлял свои письма ему преимущественно на адрес Публичной библиотеки. И Николай Николаевич получал их, приходя на службу, «на вешалке» (*Толстой, Страхов*; т. 1: 213, 473).

²⁴ Построенный в 1852–1853 гг. дом Калугиных и сегодня выглядит так же, как во времена Н. Н. Страхова (см.: [Гинзбург, Кириков: 77]). Подчеркну особо, что в краеведческих исследованиях важно отмечать как исторические, так и соответствующие им современные адреса. Например, краевед А. С. Бурмистров (см.: [Бурмистров: 171]) абсолютно точно указывает современный номер дома на набережной Мойки, где жил Н. Н. Страхов в 1872–1874 гг. (№ 22). Но если читатель сам обратится к названному письму Достоевского, где указан № 20, то может заключить, что краевед ошибся. Однако дело в том, что в 1887 г. по всему Петербургу происходило упорядочивание уличных номеров и на данном участке набережной Мойки произошло смещение нумерации на один номер в сторону увеличения.

²⁵ «В Киеве пробуду месяца полтора или два, — писал Страхов Достоевскому, — и в половине Августа уже без сомнения буду в Петербурге» (*Страхов, 1940*: 272). На обратном пути, в середине августа, он посетил Льва Толстого в Ясной Поляне (см.: [Гусев: 382]).

²⁶ Сохранился загадочный документ: двойной лист, вырванный или выпавший из записной книжки Достоевского 1870–1871 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5), на котором рукой А. Г. Достоевской записаны адреса: «Н. Н. Страховъ *Офицерская* 8. 8 / *Полонский [Ц]* *Обухов<ский> просп.* № 6» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29617. Л. 2). Наиболее вероятно, что эта запись сделана вскоре после возвращения Достоевских в июле 1871 г. в Петербург из Западной Европы (Я. П. Полонский поселился по указанному адресу как раз во второй половине 1871 г.; см.: [Полоцкая: 237]). В таком случае можно предположить, что после возвращения из Киева Страхов короткое время, до переезда в дом Дм. Калугина, жил в маленьком деревянном домике купца 2-й гильдии Христиана Мантке на *Офицерской* (ныне *Декабристов*) улице, № 8, в кв. 8 (см.: *Нейдгардт, 1869*: 43). В противном случае придется допустить (что маловероятно), что в доме Хр. Мантке он квартировал во второй половине 1874 г. За другие периоды первой половины 1870-х гг. мы располагаем твердыми данными об адресах критика.

²⁷ Производство состоялось 1 января 1886 г. (см.: *ЖМНП, 1886*: 61).

С 24 июля 1863 г. Императорская публичная библиотека, последние тринадцать лет числившаяся по ведомству Министерства Императорского двора, была высочайшим указом передана в ведомство Министерства народного просвещения. Уже состоя на службе в библиотеке, Страхов в 1874 г. получил по министерству еще одну весьма почетную должность²⁸. 23 февраля 1874 г. был издан приказ № 4 Министра народного просвещения, который гласил: «*Определяется библиотекарь Императорской публичной библиотеки, коллежский асессор Страхов — членом ученого комитета министерства народного просвещения, с оставлением на службе при сей библиотеке*» (*ЖМНП*, 1874: 152). В числе основных задач Ученого комитета был выбор, составление и распространение учебных книг и пособий. Также им рассматривались, по поручению министра, различные поступающие в министерство педагогические вопросы и предположения, проекты учреждения ученых обществ и т. п. Страхов числился членом Ученого комитета до конца своей жизни. Комитет располагался в здании Министерства народного просвещения. Хотя главный его фасад выходил на Чернышеву (ныне Ломоносова) площадь, примыкавшую к набережной Фонтанки, и министерство и Ученый комитет значились в официальных документах по адресу: Чернышев переулок, № 9 (иногда, впрочем, указывалось просто: у Чернышева моста). Ныне в этом здании размещен Комитет по градостроительству и архитектуре Правительства С.-Петербурга (пл. Ломоносова, № 2). Учтем и этот важный служебный адрес Страхова²⁹.

В письме Льву Толстому от 10 мая 1874 г. Страхов сообщал о намерении переменить квартиру (напомню: в доме Калугина у Певческого моста). Когда точно это произошло, неизвестно³⁰. В письме к Н. Я. Данилевскому от 6 января 1874 г., с одной стороны, сетуя на «дороговизну квартиры», в которой он живет, а с другой — сообщая о сделанном ему предложении поступить на службу в Ученый комитет с годовым жалованьем в 1000 руб., Страхов писал: «К концу года, надеюсь, у меня будет своя квартира и не будет долгов» (*Страхов*, 1901: 132). Комментаторы Полного собрания переписки

²⁸ «...Я по службе делаю успехи, — писал Страхов Н. Я. Данилевскому 6 января 1874 г. — Я вижу теперь, что стоит получить одно место, другие места так и полезут. Старший библиотекарь Публичной Библиотеки есть, видите ли, лицо почтенное, на которое можно положиться. Это не какой-то литератор Страхов. <...> ...приехал ко мне в библиотеку сам А. И. Георгиевский и предложил мне место в Ученом Комитете, разбирать учебники по естественным наукам, 1000 р. в год. Я... согласился» (*Страхов*, 1901: 132). Действительный статский советник Александр Иванович Георгиевский состоял членом Совета министра народного просвещения и с 30 апреля 1873 г. являлся председателем Ученого комитета.

²⁹ Отмечу также, что после увольнения из Публичной библиотеки, с 19 октября 1885 г. по 10 апреля 1887 г., Н. Н. Страхов служил в Комитете иностранной цензуры, цензурируя периодические издания на английском и французском языках (см.: [Гринченко, Патрушева: 99]). Располагался Комитет иностранной цензуры в середине 1880-х гг. на площади Александринского театра, в здании МВД (см.: *Справочная книжка*, 1886: 188) (соврем. адрес: пл. Островского, № 11).

³⁰ См. также выше примеч. 26.

Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова указывают, что вселение в новую квартиру произошло в конце 1874 г. (см.: *Толстой, Страхов*; т. 1: 203, примеч.). Намерение философа, высказанное в письмах к Данилевскому и Толстому, этому как будто вполне соответствует. Однако в биографических сведениях, составленных в конце жизни, Страхов сообщал, что поселился по новому адресу вместе с семьей литератора Дмитрия Стахеева в 1875 г. (см.: *Никольский*: 261). Общую квартиру они делили до сентября 1891 г. (см.: *Толстой, Страхов*; т. 2: 877). После смерти жены Д. И. Стахеева, Любоми Константиновны, скончавшейся в июне 1891 г., Страхов писал Льву Толстому, что они вместе прожили 16 лет в одной квартире (см.: *Толстой, Страхов*; т. 2: 866)³¹. Если взять это указание за точку отсчета, то начало совместной жизни Стахеевых и Страхова надо датировать серединой 1875 г.³²

Среди адресных записей в рабочей тетради Достоевского 1875–1876 гг. мы обнаруживаем этот новый адрес Страхова, по которому Николай Николаевич прожил последние двадцать с небольшим лет своей жизни: «Н. Н. Страхов. Крюков канал, дом Стерлигова, № 2/5, у Торгового моста, вход с канавы, по парадной, № кв. 19, 5-й этаж» (цит. по: [Тихомиров, 2017: 103])³³. Современный адрес бывшего дома поручика Ивана Стерлигова: набережная Крюкова канала, дом № 7, угол улицы Союза Печатников (бывш. Торговой), № 2³⁴. Дом этот капитально перестраивался именно в 1874 г. (до этого он принадлежал гласному Думы Павлу Вигилянскому). Значит, Страхов вселился в него вскоре после перестройки³⁵.

³¹ Д. И. Стахеев, вернувшись в Петербург после смерти в Крыму его жены, съехал с квартиры на Крюковом канале около 10 сентября 1891 г. (см.: *Толстой, Страхов*; т. 2: 877). Сам он, в противоречии со свидетельством Страхова, утверждал, что они «прожили в одной квартире восемнадцать лет» (*Стахеев*: 85).

³² 1875 годом датирует переезд философа и современный биограф Н. Н. Страхова (см.: [Фатеев: 168]).

³³ В примечаниях к переписке Страхова и Льва Толстого номер квартиры (№ 19) в доме Стерлигова был ошибочно принят за номер дома (см.: *Толстой, Страхов*; т. 1: 99).

³⁴ В публикации переписки Н. Н. Страхова с великим князем Константином Романовым (примеч. к письму К. Р. от 20 августа 1893 г.) указан адрес Страхова: «...у Торгового моста на Ново-Петергофской улице, в доме № 16, принадлежавшем Петру Егоровичу Стерлигову» (*Русская литература*. 1993. № 2. С. 163). В указании этом содержится сугубая путаница. В Северной столице никогда не было Ново-Петергофской улицы, а был Ново-Петергофский проспект (1871–1912), вошедший позднее в состав современного Лермонтовского проспекта. Находился он, однако, не у Торгового моста, а в другой части города, проходя от набережной Фонтанки до Обводного канала. Дом, в котором квартировал Страхов, имел до 1887 г. № 5/2 (5а/2), после 1887 г. — № 7/2. И новым его домовладельцем в 1893 г. явился И. Ф. Оношкович-Яцына (прежний хозяин И. Ф. Стерлигов продолжал квартировать в этом же доме). Стерлигов Петр Егорович появился в адресных книгах С.-Петербурга только в начале XX в., он действительно жил (и владел здесь магазином по продаже гармоней) на Ново-Петергофском просп., № 16 (угол 9-й роты Измайловского полка, № 23), но отнюдь не был домовладельцем.

³⁵ Бывший дом Стерлигова сохраняет и поныне исторический облик, который он приобрел в 1874 г. (см.: [Гинзбург, Кириков: 150]).

«Живу я по-прежнему в известных Вам комнатах, подобных чердаку», — писал Страхов 12 марта 1885 г. П. Д. Голохвастову (цит. по: [Мотовникова, Ольхов: 119]). Может быть, и поэтому Достоевский бывал здесь у него нечасто, не более десяти раз за всё время (см.: *Стахеев*: 86). С его эмфиземой подъем так высоко по лестнице, на пятый этаж, требовал колоссальной затраты сил.

О том, что этот адрес был последним, свидетельствуют письма и открытки Льва Толстого к Николаю Страхову 1880–1890-х гг. На конверте последнего письма от середины января 1896 г., написанного буквально за неделю до смерти философа, означен адрес: «У Торгового моста, д. Стерлигова» (*Толстой, Страхов*; т. 2: 1029). Подтверждается этот факт и адресной книгой С.-Петербурга за 1896 г. (см.: *Весь Петербург, 1896*: 301, 2-я араб. паг.), обращение к которой одновременно заставляет внести корректив в уже известный адрес: в 1888 г. у дома сменился хозяин, вместо поручика Стерлигова домовладельцем стал действительный статский советник Осип Феликсович Оношкович-Яцына (см.: *Табель, 1888*: 59, 148). О смене домовладельца Н. Н. Страхов, очевидно, не поставил Л. Н. Толстого в известность³⁶.

27 мая 1895 г. Страхов перенес онкологическую операцию в Николаевском военно-сухопутном госпитале, расположенном на Слоновой улице (соврем. адрес: Суворовский просп., № 63; 442-й окружной военный клинический госпиталь им. З. П. Соловьева), его оперировал хирург Помпей Яковлевич Мультиановский (см.: *Толстой, Страхов*; т. 2: 1002, 1003, примеч.). «Это давало 6–8 месяцев жизни и, главное, — кончину без тех ужасных мучений, какими осложняется рак полости рта в случае, если операция отсутствовала» (*Розанов*: 213).

Скончался Николай Николаевич Страхов в среду, 24 января 1896 г., в возрасте шестидесяти семи лет. Хоронили его, как и положено, на третий день. «Похоронная процессия от Крюкова канала до далекого Новодевичьего монастыря шла в сопровождении небольшого числа верных друзей покойного. Похороны писателя на Новодевичьем кладбище, как и вся его жизнь, были скромными. Присутствовали лишь близкие ему люди, в том числе В. В. Розанов, П. А. Кусков, Б. В. Никольский. Речей было сказано не много, но они были проникновенны и искренни» [Фатеев: 169–170]. Прощание с Н. Н. Страховым на кладбище у раскрытой могилы подробно описал В. В. Розанов в журнале «Русское обозрение» (см.: *Розанов*: 221–222).

Современный адрес последнего упокоения философа: Московский проспект, № 100, Новодевичье кладбище. «Верхняя полоса, между дорожками 17 и 18. Мраморный обелиск в ограде» [Кобак, Пирютко: 397]. До недавнего

³⁶ Сам Страхов и позднее именует свою квартиру «Стерлиговские верха» (ср. в письме к А. А. Фету от 10 ноября 1889 г.: «Стахеевы, наконец, оба приехали <...>. Были тут у нас переговоры, из которых вышло взаимное обещание — жить на Стерлиговских верхах до смерти, и как должно похоронить того, кто первый умрет» (*Фет, Страхов*: 487).

времени могила Н. Н. Страхова с надгробным памятником на ней находилась в запущенном и воистину плачевном состоянии. Но благодаря усилиям инициативной группы, в которую входили сотрудники ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского университета, Государственного музея Л. Н. Толстого, ИМЛИ РАН им. А. М. Горького и Научно-исследовательского центра памяти Н. Н. Страхова в Белгороде, к 28 октября 2021 г., дню рождения мыслителя, при содействии Министерства культуры Российской Федерации на Новодевичьем кладбище были проведены реставрационные работы и памятник на могиле Н. Н. Страхова спасен от разрушения и забвения (см.: [Фатеев: 170–173]).

Источники

Авсеенко — Авсеенко В. Г. Кружок // Исторический Вестник: историко-литературный журнал. 1909. Т. CXVI. № 5. С. 438–451.

Весь Петербург, 1896 — Весь Петербург на 1896 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.]: Изд. А. С. Суворина, [1896]. 504 с., 1350 стб.; ил., пл.

Всеобщая адресная книга — Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд. / [И. И. Рынкевич; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда]. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. 987 с. разд. паг.

Греч, 1851 — Греч А. Н. Весь Петербург в кармане: справочная книга для столичных жителей и приезжих, с планами Санктпетербурга и 4-х театров / сост. Алексеем Гречем. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: В тип. Н. Греча, 1851. VI, 630 с., 5 л. пл.

Григорьев — Григорьев А. А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 473 с., [1] л. портр. (Сер.: Лит. памятники.)

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

ЖМНП, 1874 — Журнал министерства народного просвещения. 1874. Четвертое десятилетие. Ч. CLXXIII, Май. 883 с. разд. паг.

ЖМНП, 1886 — Журнал министерства народного просвещения. 1886. Шестое десятилетие. Ч. CCXLIII, Февраль. 848 с. разд. паг.

Курганович, Круглый — [Курганович А. В., Круглый А. О.] Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии / по поручению пед. совета гимназии сост. преподаватели А. В. Курганович и А. О. Круглый. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1894. Ч. 2: 1831–1880. IV, VI, 431 с., 1 л. пл.

Матвеев, 1853 — [Матвеев В. М.] 60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия, 1854: [в 2 ч. / сост. В. М. Матвеев]. СПб.: Тип. К. Вингебера, ценз. 1853. VIII, 240, 71 с.

Мещерский — Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878 / публ., предисл. и комм. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Нейдгардт, 1869 — Нейдгардт П. П. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам / сост. П. Нейдгардт. СПб.: С.-Петерб. столич. и губ. стат. ком., 1869. [4], 552 с.

Никольский — Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов: критико-биографический очерк // Исторический Вестник: историко-литературный журнал. 1896. Т. LXIV. № 4. С. 215–268.

Нистрем, 1844 — [Нистрем К. М.] Адрес-календарь санктпетербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом: в 3 т. СПб.: В тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1844.

Розанов — Розанов В. В. Н. Н. Страхов (ум. 24 января 1896 г.) // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Росток, 2015. Т. 2: О писателях и писательстве: литературные очерки. Тайна. С. 199–223. (Сер.: Литература и искусство: в 7 т.)

Русский календарь, 1872 — Русский календарь на 1872 год. А. Суворина. Первый год. СПб., 1872. 432, [22] с.

Справочная книжка, 1886 — Справочная книжка «Русского календаря» на 1886 год // Русский календарь на 1886 год А. С. Суворина. Пятнадцатый год. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. С. 1–210 (2-я паг.).

Стахеев — Стахеев Д. И. Группы и портреты: листочки воспоминаний // Исторический Вестник. 1907. Т. CVII. № 1. С. 81–91.

Страхов, 1864 — Страхов Н. Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве // Эпоха: журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. 1864. № 9. С. 1–50 (отд. паг.).

Страхов, 1883 — Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского: в 14 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. С. 177–332 (1-я паг.) [с. 180–192 ошибочно пронумерованы: 170, 271, 172, 273, 174, 275, 176, 277, 178, 279, 180, 281, 182].

Страхов, 1897 — Страхов Н. Н. Воспоминания о ходе философской литературы // Исторический Вестник: историко-литературный журнал. 1897. Т. LXVIII. № 5. С. 423–434.

Страхов, 1901 — Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901. № 1. С. 127–142.

Страхов, 1940 — Страхов Н. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы и общественному движению / под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 255–280.

Страхов, Скивский — Н. Н. Страхов — архимандрит Иоанн (Скивский). Переписка. 1844–1849 // Полухин О. Н., Щербакова М. И., Ольхов П. А., Мотовникова О. Н., Сорокина Д. Д., Масалов А. Г. Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: начало: альбом-биография к 190-летию со дня рождения. Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 60–99.

Табель, 1888 — Табель домов и улиц города С.-Петербурга, с Васильевским Островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами, Охтою, Лесным, Петергофским, Полюстровским и Шлиссельбургским участками, с указанием частей, полицейских

и мировых участков, пожарных сигналов, номеров телефонных аппаратов и домов, в которых проживают доктора. 4-е изд., вполне передел. и доп. СПб.: Г. Гоппе, 1888. [4], 244 с., 1 л. пл.

Тимофеев — [Тимофеев В.] Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского института 1837–1887: исторический очерк / сост. инспектор классов С.-Петербургского Николаевского сиротского ин-та В. Тимофеев. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1887. 294 с. разд. паг.

Толстой, Страхов — Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки / ред. А. А. Донсков; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова [=Leo Tolstoy & Nikolaj Strakhov. Complete Correspondence / Ed. A. A. Donskov; comp. by L. D. Gromova & T. G. Nikiforova]: в 2 т. Ottawa; М., 2003. I–LXX, 1080 с. (сквозная паг.) (Tolstoy Series; № 7.)

Фет, Страхов — Фет А. А. Переписка с Н. Н. Страховым (1877–1892) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. П. Генераловой // А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 233–550. (Сер.: Лит. наследство; т. 103, кн. 2.)

Цылов, 1849 — [Цылов Н. И.] Атлас 13-ти частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов / сост. Н. Цылов. [Репр. воспроизведение изд. 1849 г.] М.: Центрполиграф, 2003. [398] л., [324] с. разд. паг.; ил.

Цылов, 1862 — [Цылов Н. И.] Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году / сост. Н. Цылов. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1862. [2], XX, 456 с.

Список литературы

1. Бройтман Л. И. Улица Казанская. М.: Центрполиграф, 2008. 317, [3] с.
2. Бурмистров А. С. Петербург Николая Николаевича Страхова // Вече: альманах русской философии и культуры. 1995. № 4. С. 165–174.
3. [Гинзбург А. М., Кириков Б. М.] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков. СПб.: Пилигрим, 1996. 398 с.
4. [Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.] Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы / сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева. СПб., 2006. 264 с.
5. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М.: ГИХЛ, 1958. 839 с.
6. [Кобак А. В., Пирютко Ю. М.] Исторические кладбища Петербурга: справочник-путеводитель / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. 640 с.
7. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864 / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская. 544 с.
8. Мотовникова Е. Н., Ольхов П. А. Кредо Н. Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П. Д. Голохвастовым) // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 114–128 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1241 (24.08.2023).

9. Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район: энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб.: Белое и черное, 2002. 535 с.
10. Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 247–262.
11. [Полоцкая Э. А.] Письма Я. П. Полонского (1857–1873) / статья и публ. Э. А. Полоцкой // Из парижского архива И. С. Тургенева: [в 2 кн.]. М.: Наука, 1964. Кн. 2: Из неизданной переписки. С. 195–248. (Сер: Лит. наследство; т. 73, кн. 2.)
12. Полухин О. Н., Щербакова М. И., Ольхов П. А. и др. Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: начало: альбом-биография к 190-летию со дня рождения. Белгород: Константа, 2018. 124 с. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/23210/1/Strahov_Zhiznennyy%20put%20nachalo.pdf (24.08.2023).
13. [Потемкин Е. Л.] Высшие чины Российской империи (22.10.1721 — 2.03.1917): в 4 т. / сост. Е. Л. Потемкин. М.: [Б. и.], 2019. Т. 2: Д–Л. 645 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009994160?page=645&rotate=0&theme=white> (24.08.2023).
14. Привалов В. Улицы Петроградской стороны: дома и люди. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2015. 748, [1] с.; ил.
15. Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. [Л.]: Лениздат, 1972. 280 с.
16. Сорокина Д. Д. Творческое наследие Н. Н. Страхова 1840–1850-х гг.: формирование литературного критика и философа: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 269 с.
17. Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шиля...»: адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: исследование. СПб.: Серебряный век, 2016. 152 с.
18. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского: к проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 4. С. 90–140 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (24.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361
19. Тихомиров Б. Н. Жил ли философ Николай Страхов на Петроградской стороне?: из казусов петербургской топонимики // Топонимический Альманах. 2018. № 2 (8). С. 15–18.
20. Фатеев В. А. 125-я годовщина кончины Н. Н. Страхова // Словесность и история. 2021. № 4. С. 167–173. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-167-174
21. Щербакова М. И. Рифы юности: дополнения к ранней биографии Н. Н. Страхова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. № 4. С. 4–10 [Электронный ресурс]. URL: http://rrhumanities.ru/media/humanities/2018/4/1._Щербакова.pdf (24.08.2023). DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-1

References

1. Broytman L. I. *Ulitsa Kazanskaya [Kazanskaya Street]*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 317 p. (In Russ.)
2. Burmistrov A. S. Petersburg of Nikolai Nikolaevich Strakhov. In: *Veche: al'manakh russkoy filosofii i kul'tury [Veche: Almanac of Russian Philosophy and Culture]*, 1995, no. 4, pp. 165–174. (In Russ.)
3. Ginzburg A. M., Kirikov B. M. *Arkhtektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX — nachala XX veka: spravochnik [Architects-Builders of St. Petersburg in the Middle of the 19th and Beginning of the 20th Century: A Directory]*. St. Petersburg, Pilgrim Publ., 1996. 398 p. (In Russ.)

4. Grinchenko N. A., Patrusheva N. G. *Komitet tsenzury inostrannoy v Peterburge, 1828–1917: dokumenty i materialy* [Foreign Censorship Committee in St. Petersburg, 1828–1917: Documents and Materials]. St. Petersburg, 2006. 264 p. (In Russ.)
5. Gusev N. N. *Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo. 1828–1890* [Chronicle of the Life and Works of Leo Nikolaevich Tolstoy. 1828–1890]. Moscow, The State Publishing House of Fiction Publ., 1958. 839 p. (In Russ.)
6. Kobak A. V., Piryutko Yu. M. *Istoricheskie kladbishcha Peterburga: spravochnik-putevoditel'* [Historical Cemeteries of St. Petersburg: Reference Book Guide]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Chernysheva Publ., 1993. 640 p. (In Russ.)
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
8. Motovnikova E. N., Ol'khov P. A. Credo of Nikolai N. Strakhov (Experience of Self-Understanding in Correspondence with Pavel D. Golokhvastov). In: *Voprosy filosofii*, 2015, no. 9, pp. 114–128. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1241 (accessed on August 24, 2023). (In Russ.)
9. Nikitenko G. Yu., Sobol' V. D. *Vasileostrovskiy rayon: entsiklopediya ulits Sankt-Peterburga* [Vasileostrovsky District: Encyclopedia of St. Petersburg Streets]. St. Petersburg, Beloe i chernoe Publ., 2002. 535 p. (In Russ.)
10. Ornatskaya T. I. Editorial Literary Circle of Fyodor and Mikhail Dostoevsky (1860–1865). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka, 1988, vol. 8, pp. 247–262. (In Russ.)
11. Polotskaya E. A. Letters from Ya. P. Polonsky (1857–1873). In: *Iz parizhskogo arkhiva I. S. Turgeneva: v 2 knigakh* [From the Parisian Archive of I. S. Turgenev: in 2 Books]. Moscow, Nauka Publ., 1964, book 2: From Unpublished Correspondence, pp. 195–248. (Ser.: Literary Heritage; vol. 73, book 2.) (In Russ.)
12. Polukhin O. N., Shcherbakova M. I., Ol'khov P. A. and Others. *Nikolay Nikolaevich Strakhov. Zhiznennyy put': nachalo: al'bom-biografiya k 190-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolai Nikolaevich Strakhov. Life Way: the Beginning: Biography Album for the 190th Anniversary of His Birth]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018. 124 p. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/23210/1/Strahov_Zhiznennyyj%20put%20nachalo.pdf (accessed on August 24, 2023). (In Russ.)
13. Potemkin E. L. *Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721 — 2.03.1917): v 4 tomakh* [Higher Ranks of the Russian Empire (October 22, 1721 — March 2, 1917): in 4 Vols]. Moscow, 2019, vol. 2. 645 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009994160?page=645&rotate=0&theme=white> (accessed on August 24, 2023). (In Russ.)
14. Privalov V. *Ulitsy Petrogradskoy storony: doma i lyudi* [Streets of the Petrograd Side: Houses and People]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., St. Petersburg, Russkaya troyka Publ., 2015. 748 p. (In Russ.)
15. Sarukhanyan E. P. *Dostoevskiy v Peterburge* [Dostoevsky in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1972. 280 p. (In Russ.)
16. Sorokina D. D. *Tvorcheskoe nasledie N. N. Strakhova 1840–1850-kh gg.: formirovanie literaturnogo kritika i filosofa: dis. ... kand. filol. nauk* [The Creative Heritage of N. N. Strakhov in the 1840s — 1850s: the Formation of a Literary Critic and Philosopher. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 269 p. (In Russ.)

17. Tikhomirov B. N. "A zhivu v dome Shilya...": adresa F. M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: issledovanie ["I Live in the House of Shil...": Addresses of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg, Known and Unknown. 1837–1881: Research]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 152 p. (In Russ.)
18. Tikhomirov B. N. Did the Philosopher Nikolai Strakhov Live on the Petrograd Side?: from the Incidents of St. Petersburg Toponymy. In: *Toponimicheskiy Al'manakh* [Toponymic Almanac], 2018, no. 2 (8), pp. 15–18. (In Russ.)
19. Tikhomirov B. N. St. Petersburg Addresses and Dostoevsky's Addressees: on the Problem of Regional Commentaries on Address Books of the Writer. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, vol. 4, no. 4, pp. 90–140. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (accessed on August 24, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361 (In Russ.)
20. Fateev V. A. 125th Anniversary of the Death of N. N. Strakhov. In: *Slovesnost' i istoriya* [Texts and History], 2021, no. 4, pp. 167–173. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-167-174 (In Russ.)
21. Shcherbakova M. I. Reefs of Youth. Additions to the Early Biography of Nikolai Strakhov. In: *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2018, vol. 4, no. 4, pp. 4–10. Available at: http://rrhumanities.ru/media/humanities/2018/4/1._Щербакова.pdf (accessed on August 24, 2023). DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-1 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихомиров Борис Николаевич, доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Boris N. Tikhomirov, PhD (Philology), the President of the Russian Dostoevsky Society, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.11.2023

Принята к публикации / Accepted 15.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7001

EDN: SLKUHL

Терминологический тезаурус М. М. Бахтина в современном российском достоевсковедении

С. С. Шаулов

Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля

Дом-музей М. Ю. Лермонтова

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: sschaulov@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены методологические аспекты использования терминологического тезауруса М. М. Бахтина в современном достоевсковедении. Преимущественное внимание обращено на инструментальное применение характерных «бахтинских формул» — таких как полифония, концепция жанров, исповедальность слова героя у Достоевского, хронотоп, контекст понимания, мениппея и др. Отмечено, что некоторые из них используются дискретно, то есть вне своих системных связей с бахтинским наследием в целом. В той или иной мере они учитываются в русле отечественной этнопоэтики, в которой проблема Бахтина актуализируется в православном контексте русской культуры; отмечено, что «Бахтин» служит связью Достоевского с религиозно-философской традицией. Несмотря на то, что дискурс ряда работ провоцирует возможный выход на бахтинский контекст понимания Достоевского, в них значимо и «отсутствие» Бахтина наряду с его ритуальным цитированием. Бахтинское наследие остается в российском литературоведении важным философским и культурологическим этапом изучения Достоевского.

Ключевые слова: российское достоевсковедение, историческая поэтика, этнопоэтика, Бахтин, терминологический тезаурус

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00833 «Терминологический словарь-тезаурус "евангельского текста" Ф. М. Достоевского», <https://rscf.ru/project/22-28-00833/>).

Для цитирования: Шаулов С. С. Терминологический тезаурус М. М. Бахтина в современном российском достоевсковедении // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 176–194. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7001. EDN: SLKUHL

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7001

EDN: SLKUHL

The Terminological Thesaurus by M. M. Bakhtin in Modern Russian Dostoevsky Studies

Sergey S. Shaulov

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

House-Museum of M. Yu. Lermontov

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: sschaulov@gmail.com

Abstract. The article examines the methodological aspects of the use of M. M. Bakhtin's terminological thesaurus in modern Dostoevsky studies. The principal focus is on the instrumental

application of the typical “Bakhtin formulas”: polyphony, the concept of genres, the confessional character of Dostoevsky’s word, chronotope, context of understanding, menippea, etc. It is noted that some of them are used discretely, that is, outside of their systemic connections with Bakhtin’s heritage as a whole. To one degree or another, they are taken into account in line with Russian ethnopoetics, in which the Bakhtin problem is actualized in the Orthodox context of Russian culture; it is noted that “Bakhtin” serves as the connection between Dostoevsky and the religious and philosophical tradition. Despite the fact that the discourse of a number of works provokes a possible transition to Bakhtin’s context of understanding Dostoevsky, the “absence” of Bakhtin is also significant in them, along with his ritual quoting. Bakhtin’s legacy remains an important philosophical and cultural stage in the study of Dostoevsky in Russian literary studies.

Keywords: Russian Dostoevsky studies, historical poetics, ethnopoetics, Bakhtin, terminological thesaurus

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (project number 22-28-00833 “Terminological Dictionary-Thesaurus of the “Gospel text” of F. M. Dostoevsky”, <https://rscf.ru/project/22-28-00833/>).

For citation: Shaulov S. S. The Terminological Thesaurus by M. M. Bakhtin in Modern Russian Dostoevsky Studies. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 176–194. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7001. EDN: SLKUHL (In Russ.)

Методологическая и теоретическая рефлексия приобрела на современном этапе развития литературоведческой науки особое значение, фактически превратившись едва ли не в основной инструмент верификации научного знания, что подтверждается, например, результатами целевого тематического конкурса РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре», в рамках которого были изданы 30 коллективных научных монографий к 200-летию писателя (см.: [След, оставленный на века: 5–9, 15–42]).

В этом плане проблема развития наследия М. М. Бахтина в достоевсковедении (и в системе гуманитарного знания в целом) — в некотором смысле уникальный пример: понятийный комплекс бахтинского наследия начал активно использоваться в литературоведении (причем, именно в методологическом ключе) практически сразу после второго издания книги о Достоевском [Бахтин, 1963], книги о Рабле [Бахтин, 1965] и двух сборников теоретических и историко-литературных работ [Бахтин, 1975, 1979]. Наиболее активно этот процесс шел именно в достоевсковедении. При этом даже ключевые элементы бахтинской концепции и по сей день остаются объектом активной полемики: это прежде всего понятия полифонии [Днепров: 335–336], диалога, хронотопа, мениппеи и др. (см.: [Гаспаров], [Днепров: 335–336], [Корман], [Назирова, 1976, 1985], [Панков: 176–177, 193]). Сама по себе бахтинология уже давно превратилась в самостоятельную гуманитарную дисциплину на стыке филологии и философии.

Задача предлагаемой статьи — описать ключевые проблемы методологического обращения к наследию Бахтина в современных исследованиях о Достоевском. Декларируемый в заголовке тезаурусный подход означает,

что мы последовательно сосредоточимся на некоторых ключевых понятиях, генетически восходящих к книге ученого о Достоевском и некоторым другим работам, которые в том или ином виде востребованы современным достоевсковедением. При этом учитывается ряд предшествующих работ, использующих *тезаурусную* методологию в применении к наследию Бахтина и к современной науке о Достоевском [Борисова, Шаулов], [Захаров Н. В.], [Корман], [Орехов, 2015, 2016, 2018], [Бахтинский тезаурус], [Луков Вал. А., Луков Вл. А.], [Луков Вл.], [Степанов].

Однако полное описание бахтинского субстрата в современном достоевсковедческом тезаурусе, на наш взгляд, невозможно: слишком многие термины уже оторвались от своего бахтинского корня (самый яркий пример — понятие «диалог»), другие — стали полемичны по отношению к своему источнику. Поэтому мы ограничились в обзоре наиболее репрезентативными работами, в которых фактически эксплицированы актуальные методологические проблемы и новые подходы к изучению жизни и творчества Достоевского.

При этом ключевой проблемой достоевсковедческой рефлексии остается именно бахтинская традиция, которая превратилась в развитый дискурс, альтернативный по отношению к собственно советской методологии. Следует, однако, признать, что далеко не все современное достоевсковедение нуждается в бахтинском наследии. Речь не только о вполне очевидных источниковедческих, архивно-биографических разысканиях, но и о собственно историко-литературных исследованиях, отмеченных принципиальным отказом от бахтинского наследия.

Обратимся, например, к статье С. А. Кибальника «Спор о церковном суде в романе "Братья Карамазовы" (Ф. М. Достоевский и Вл. С. Соловьев)» [Кибальник]. Дискурс этой статьи, включающий в сферу литературоведческой мысли философскую проблематику, вполне очевидным образом провоцирует возможный «выход» на бахтинские контексты понимания Достоевского. К примеру, С. А. Кибальник опирается, в числе прочих источников, на статью Э. Л. Радлова «Соловьев и Достоевский». При этом положения философа начала XX в. используются для описания категориальной пары «индивидуальное — коллективное». Содержательно эти понятия вполне четко ассоциируются и с концепцией «карнавальной» коллективности, и с представлениями об индивидуации и «овнешнении» человека в концепции Бахтина, тем более что Радлов как представитель русского неокантианства — один из ближайших «соседей» Бахтина в истории русской философии. Переход к Бахтину в рамках развернутой С. А. Кибальником исторической литературно-философской парадигмы был бы вполне оправдан, но его нет¹.

¹ Здесь и далее автор статьи нередко упрекает коллег в том, что они не используют категории и концепции Бахтина, которые вошли в научный обиход в 1960–1980-х гг. Отметим, что традиция изучения и сами категории поэтики сложились помимо и задолго до Бахтина (*прим. ред.*).

Статья С. А. Кибальника в контексте нашей темы — далеко не единственный пример. Так, значимое аналогичное «отсутствие» Бахтина можно отметить и в работах О. В. Захаровой [Захарова], Т. С. Карпачевой [Карпачева]. Очевидно, что существенные категории бахтинского тезауруса не вполне удобны для инструментального использования в рамках современного достоевсковедения, поскольку в силу своего культурного «веса» и «объема» они грозят превратиться из инструмента исследования в его объект.

С этой точки зрения целесообразно обратиться именно к инструментальному применению характерных «бахтинских формул». Наиболее показательными представляются случаи терминологического словоупотребления. К примеру, в статье М. А. Шалиной «Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского» читаем: «Уже в первых произведениях Достоевского намечены два основных направления, по которым будет происходить разделение героев писателя. М. Бахтин назовет их "категориями самосознания": *бунт* Голядкина и *смирение* Девушкина» [Шалина: 212]. Однако далее, обращаясь к антропологической проблематике на материале Достоевского, исследовательница концептуально восходит к работам преп. Иустина Поповича. Сама по себе такая содержательная и методологическая ориентация не вызывает возражений, однако цитирование Бахтина в этом контексте выглядит достаточно ритуальным. Такое использование бахтинского наследия в современном достоевсковедении едва ли не наиболее частотное.

На этом фоне выделяется статья Н. А. Тарасовой «"Воскресение" и "воскрешение" в романе Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание"», в которой бахтинская цитата используется уже как источник конкретной христианской интерпретации одной из значимых деталей романа: «М. М. Бахтин видел в романном сравнении квартиры героя с гробом <...> символическое отражение идеи смерти и последующего возрождения...» [Тарасова: 194].

Здесь очевидно стремление связать бахтинское наследие с традицией православной мысли, о чем в 2016 г. писал К. А. Степанян в своей книге «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени», остро поставив вопрос «Совместим ли "реализм в высшем смысле" с полифонией?» [Степанян: 123]. В последнее время эта проблема плодотворно рассматривается, прежде всего И. А. Есауловым, утверждающим, что Бахтин помогает «читать» Достоевского именно в русле христианской философии.

Однако использование бахтинского наследия в качестве источника конкретных интерпретаций не является бесспорным: именно с этой точки зрения Бахтин-литературовед вызывает споры на протяжении нескольких десятилетий (см.: [М. М. Бахтин: pro et contra], [Бочаров], [Гаспаров], [Захаров, 2008], [Касаткина] и др.). К тому же в ряде случаев цитаты из трудов Бахтина выполняют не означающую, сигнификативную, а указывающую, дейктическую, функцию, маркируя научный характер высказывания и его принадлежность именно к достоевсковедческой отрасли литературоведения. Причем фактическое содержание исследований может разворачиваться

в рамках совершенно независимых друг от друга (и от Бахтина) научных традиций. В этом отношении показательна именно дейктическая «поливалентность» бахтинского тезауруса.

В свою очередь эта практика обусловлена, разумеется, не только социокультурными особенностями современного научного процесса, но и некоторыми свойствами самой бахтинской мысли — тем, что автору «Проблем поэтики Достоевского» удалось указать на такие аспекты текста Достоевского, которые до него не становились и не могли стать объектами комментирования и интерпретации.

Уместно вспомнить, что сам Бахтин начал книгу о Достоевском с утверждения своей позиции в форме ее отделения/отрицания от любой «монологизации» романа Достоевского, развивая идею полифонии, которую И. А. Есаулов в последнее время определяет уже как равенство голосов «перед Богом», утверждая, что Бахтин служит «ключом» или «связью» Достоевского с религиозно-философской традицией [Есаулов, 2011a]. Однако это не исключает проблематический характер восприятия наследия Бахтина в данном контексте.

Если говорить именно о бахтинском тезаурусе современного достоевковедения, то очевидно, что его элементы используются, по большей части, далеко не в терминологическом смысле. Бахтин просто маркирует некий угол зрения на исследуемую проблему, нередко с опорой и на другие источники. Содержательно значимыми оказываются, как правило, наиболее конкретно сформулированные элементы бахтинской концепции.

Так, активно развивается современными исследователями бахтинская концепция жанров. Показательна в этом плане статья В. Н. Захарова «Проблема жанра в "школе" Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов)» [Захаров, 2007].

Убедительным примером инструментального использования одного из ключевых понятий бахтинской концепции культуры для описания конкретной историко-литературной проблемы является статья В. А. Викторovichа «"Выяснение таланта" в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским» [Викторovich], в которой объясняется механизм восприятия и причины острой критики Добролюбовым произведения Достоевского: «В контексте литературной традиции так называемой гоголевской школы, которой критик явно симпатизирует, его претензия к Достоевскому вполне состоятельна, однако она перестает быть таковой за пределами безоговорочно принятого эстетического канона, то есть в каком-то ином контексте. М. М. Бахтин называет это "контекстами понимания"» [Викторovich: 132–133]. Бахтинское понятие «контекст понимания» дает здесь возможность за частными причинами читательского одобрения/неодобрения увидеть общий механизм литературного процесса, точнее описать его историческую динамику.

Продолжая обзор инструментального применения ключевых бахтинских категорий, невозможно обойти вниманием понятие «хронотоп». Один из

примеров его современного функционирования — другая статья В. Н. Захарова — «Поэтика хронотопа в "Зимних заметках о летних впечатлениях" Достоевского» [Захаров, 2013а], развивающая на конкретном литературном материале «травелога» писателя идеи Бахтина о конкретно-содержательной наполненности хронотопа русской классической литературы [Захаров, 2011], которые, в свою очередь, восходят к положениям ученого о жанровой и ценностной природе хронотопа. В. Н. Захаровым последовательно проводится авторское (бахтинское) разделение понятий хронотопа как внутритекстуальной, собственно *художественной* категории и времени и пространства как элементов конкретно-исторического контекста: «Все его путешествия проходили в реальном историческом времени и пространстве. Одно из них — еще и в художественном хронотопе...» [Захаров, 2013а: 181].

Возвращаясь к описанию литературоведческой инструментализации бахтинского терминологического тезауруса в его современном виде, приведем еще один пример продуктивного использования представления о власти идеи как «овнешняющей» и «завершающей натуру человека» силы (по Бахтину) в статье Ю. Н. Сытиной «"Математическая" проблема в "Подростке" Достоевского» [Сытина]. С одной стороны, здесь исследователь укрепляет конкретным текстуальным примером мысль, которую Бахтин несколько умозрительно высказал в работе «Формы времени и хронотопа в романе». С другой же — показывает, как в интерпретации Достоевского может плодотворно работать отдельное бахтинское понятие.

Также в современном достоевковедении разрабатывается восходящая к Бахтину концепция исповедальности слова героя у Достоевского. Здесь заметны две тенденции:

— попытки углубить понимание Достоевского с помощью бахтинского понятия «форма исповедального самовысказывания», попутно поставив его на почву реального анализа художественного текста [Андрианова], [Гаврилова];

— стремление вписать Бахтина в методологический контекст современных подходов к анализу нарративных форм и субъектно-речевых точек зрения [Габдуллина, 2011, 2019], [Якубова].

В отвлечении от обсуждения проблемы эффективного и адекватного соответствия бахтинского тезауруса современным научным задачам отметим, что в приведенных выше случаях он используется следующим образом: то или иное понятие по преимуществу функционирует *вне своих системных связей* с остальным «телом» бахтинского интеллектуального наследия для решения конкретной историко-литературной или методологической задачи. Сложнее обстоит дело с использованием в современном достоевковедении ключевых для Бахтина категорий: их внутрисистемные концептуальные связи оказываются слишком прочны, что не позволяет их использовать дискретно (см. об этом: [Шаулов]).

Сложности, возникающие при отрыве бахтинских терминов от «родной» для них системы представлений, и возможности, открывающиеся при попытке сохранить эти внутрисистемные связи в современном литературоведческом дискурсе, отчетливо видны при обращении к Бахтину как к одному из классиков отечественной исторической поэтики, с которой генетически связана этнопоэтика. Теоретико-методологическое обоснование нового варианта исторической поэтики — «этнопоэтики» дается прежде всего в трудах В. Н. Захарова [Захаров, 1992, 1994, 1998, 2011, 2018, 2020]. Эволюцию исторической поэтики он описывает как целостный процесс: «Обозначим его основные вехи: книги В. Я. Проппа об исторических корнях волшебной сказки (1946) <...> и Е. М. Мелетинского о герое волшебной сказки <...>, работы Д. С. Лихачева о поэтике древнерусской литературы <...>, книги М. М. Бахтина о Достоевском и Рабле, С. Г. Бочарова о поэтике Пушкина <...>, Ю. В. Манна о поэтике русского романтизма и поэтике Гоголя <...>, С. С. Аверинцева о поэтике ранневизантийской литературы <...>, концепция исторической эстетики реализована в трудах А. Ф. Loseва по истории античной, средневековой и ренессансной эстетики <...>, в его исследовании поэтики Аристотеля в контексте исторической эстетики...» [Захаров, 2018: 10]. При этом ученый отмечает разновекторную направленность эволюции А. Ф. Loseва (от исторической эстетики к исторической поэтике, что случилось за сто лет до того в научной биографии А. Н. Веселовского) и М. М. Бахтина (от исторической поэтики к исторической эстетике).

У А. Н. Веселовского история литературы, по сути, — история изменений литературной формы (в широком смысле *собственно* литературы). У более поздних его продолжателей эта динамика до некоторой степени увязывается с историей других аспектов человеческого бытия (ср. «этнографическое» и «культурологическое» измерение концепции В. Я. Проппа в «Исторических корнях волшебной сказки»), культурологический и историко-религиозный аспекты исследований С. С. Аверинцева [Аверинцев, 1977] и Д. С. Лихачева [Лихачев] и т. д. Между тем у Бахтина история литературы и история как таковая разворачиваются в главном измерении «большого времени», в котором живут великие литературные тексты.

В современных исследованиях это понятие используется в значении времени, идущем в христианских координатах. На этой позиции стоит, например, И. А. Есаулов, в трудах которого бахтинское «большое время» однозначно совпадает с христианским, православным «культурным бессознательным» [Есаулов, 2011b]. Это пример последовательной методологической опоры на предшественника и развитие его идей.

Определенные сложности возникают при необходимости соединить эту точку зрения с конкретно-частным историческим, социологическим, формальным ракурсом исследования. Историзм исторической поэтики в ее бахтинском варианте не совпадает с большинством вариантов современного

понимания историзма: он слабо совмещается с любыми вариациями социологических подходов, плохо соотносится с конкретной историей литературной формы (отсюда критика Бахтина М. Л. Гаспаровым [Гаспаров]), а попытки соединить бахтинскую традицию со структурным подходом [Назиров, 1982] не получили широкого распространения в отечественном достоевсковедении.

Со времени и с подачи Бахтина одним из понятий, описывающим суть творчества Достоевского, собственно «достоевское» в Достоевском, стала мениппея. С разных сторон «мениппейность» Достоевского сопоставляется и с особенностями его «реализма» («реализм в высшем смысле», «христианский реализм»), сюжета («мистический сюжет»), характерологии (парадоксальность психических реакций его персонажей), даже стиля (почти мгновенный переход от «низкого» к «высокому»). Такая поливалентность понятия, на наш взгляд, означает, что в современном достоевсковедении его значение, беспредельно расширяясь, утрачивает необходимую для научного дискурса определенность.

Вот к какому выводу приходит, например, Е. П. Литинская в финале статьи «Проблема мениппеи в поэтике Ф. М. Достоевского»: «Достоевский ломает рамки классического романа, интуитивно используя, наряду с иными жанрами, такую особенность менипповой сатиры, как смешение, оксюморонность и парадоксальность в широком смысле, что является непременным условием развития литературы» [Литинская: 115]. Это утверждение, с одной стороны, совершенно бесспорно, с другой же — превращает мениппею и «мениппейность» в одну из общих констант литературного процесса (собственно, его «условие»). Остается ли при этом нужда именно в таком термине (учитывая его проблематичную историко-литературную соотнесенность)? На наш взгляд, нет.

Этот тезис подтверждается статьей В. Н. Захарова «Госпитальные сцены в "Записках из Мертвого Дома" Достоевского» [Захаров, 2022], в которой анализируются как раз те аспекты, которые позволяют отнести «Записки...» именно к мениппейной традиции. Вместе с тем В. Н. Захаров, как и другие исследователи, вовсе обходится без этого термина (см.: [Габдуллина, 2011, 2019], [Гаричева], [Дергачева], [Тарасова], [Федорова] и др.).

Подобный ракурс обращения к тексту Достоевского, актуализирующий смешение, оксюморонность и парадоксальность в широком смысле, проявляется при обращении не только к поэтике, но и к антропологии Достоевского. Так, например, в другой статье В. Н. Захарова «Художественная антропология Достоевского» речь идет о парадоксальном совмещении в героях Достоевского «сокровенности» и «откровенности», «тайны» и открытости христианской любви. В финале статьи ученый приходит к определению «христианского реализма» Достоевского как «полного реализма», «при котором неблагообразие мира и мрак в душе грешников ("един Бог без греха") озарены светом Благой Вести Христа» [Захаров, 2013b: 162].

На уровне сюжета такая двуплановость проявляется как принципиальный дуализм художественного мира, момент перехода героя (и взгляда рассказчика) через границу планов, мистический и даже мистериальный характер сюжета. Эти свойства художественного текста Достоевского — постоянный предмет достоевсковедческих исследований. Так, в статье Т. А. Кошемчук «Раскольников, Ставрогин, Верховенский, Иван Карамазов — старец Зосима: атеистическая идея в свете христианского сознания» [Кошемчук] акцентируется именно философско-идеологический конфликт романа — неразрешимый в «сфере сознания» («контексте понимания») героев-идеологов, но абсолютно ясно разрешаемый (по мысли автора статьи) в «иерархической соотнесенности точек зрения», проявляющейся в тексте Достоевского «вопреки Бахтину» [Кошемчук: 214]. Здесь налицо открытое противопоставление современной интерпретации Бахтину, концепция которого в данном случае понимается как декларация «внеиерархического» прочтения Достоевского. Очевидно, что анализ сходных с «мениппеей» свойств художественного текста возможен не только вне бахтинской традиции, но и в открытом противопоставлении с ней.

Показательно, что авторы перечисленных выше статей, так или иначе, обращаются к христианскому претексту и контексту произведений Достоевского. Объяснение этому в отечественном достоевсковедении уже есть, его с достаточной четкостью сформулировал В. В. Иванов в статье «"Вопрошание идеального образа" как поэтический принцип христоцентризма у Ф. М. Достоевского»: «С разновидностями античной мениппеи непосредственное и теснее всего Достоевский был связан через древнехристианскую литературу (то есть через "евангелия", "апокалипсис", "жития" и другие) <...>. Однако среди этого обширного и многообразного перечня поэтических образцов одному из них по справедливости приходится отдать пальму первенства. Это канонический евангельский текст» [Иванов: 325]. К этой формулировке стоит добавить, что собственно «евангельский текст», если подойти к нему с формальной точки зрения, действительно обнаруживает все характерные признаки жанра мениппеи в его бахтинском определении, претерпевающим, однако, концептуальную метаморфозу.

В аналогичном ключе, существенно трансформируясь, используются такие понятия Бахтина, как карнавал, карнавализация, смех (см., например: [Аверинцев, 1992], [Кунильский], [Малкольм]), шутовство и юродство, принципиальным образом разведенные, например, И. А. Есауловым [Есаулов, 2004].

Отсюда напрашивается вывод, что в данном случае «мениппея» (точнее, «мениппейность») — всего лишь один из вариантов определения религиозного, мистического, сверхреального, а в наиболее точном смысле слова — христианского плана в реалистическом повествовании Достоевского. То есть на современном этапе развития науки о Достоевском нет нужды в использовании понятия «мениппея» и методологическом обращении

к нему для формулировки ключевых историко-литературных и историко-культурных связей наследия Достоевского.

Тем не менее это не означает, что современному достоевсковедению следует отказаться от бахтинского наследия. На наш взгляд, наиболее плодотворным было бы его включение в «орбиту» современного изучения Достоевского не в качестве методологического инструментария, а в качестве объекта (на наш взгляд, ключевого и, может быть, наиболее философски и культурологически значимого) истории восприятия Достоевского в XXI в.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ: [сб. ст.]. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
3. Андрианова И. С. Образ стенографа в «фантастическом рассказе» Ф. М. Достоевского «Кроткая» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 155–172 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936023.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4941
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 527 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
8. Бахтинский тезаурус: мат-лы и исслед.: сб. ст. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. 183 с.
9. Борисова В. В., Шаулов С. С. Терминологический тезаурус «евангельского текста» Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 2. С. 117–136 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGZH
10. Бочаров С. Г. О религиозной филологии // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 585–600. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура.)
11. Викторovich В. А. «Выяснение таланта» в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 129–143 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593888946.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8042
12. Габдуллина В. И. Притчевая стратегия авторского дискурса в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 191–200 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312393.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.316
13. Габдуллина В. И. Рукопись Ипполита Терентьева в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: жанр и нарративные стратегии // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 129–148 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568199113.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5901
14. Гаврилова Л. А. Коммуникативные стратегии и евангельская цитата в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во

- ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 287–303 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449862951.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2653
15. Гаричева Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 188–195 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958592.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.350
 16. Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2. С. 494–496. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура.)
 17. Дергачева И. В. Танатологический дискурс в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 175–191 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562073465.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6782
 18. Днепров В. Д. Идеи, страсти, поступки: из художественного опыта Достоевского. Л.: Сов. писатель, 1978. 382 с.
 19. Есаулов И. А. Юродство и шутовство в русской литературе // Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. С. 155–185.
 20. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 5–23 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.333 (a)
 21. Есаулов И. А. Культурное бессознательное и воскресение России // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 389–407 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1455537052.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300 (b)
 22. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355
 23. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370
 24. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
 25. Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Русская литература. СПб.: Наука, 2007. № 3. С. 19–30.
 26. Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2008. № 24. С. 43–53.
 27. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 24–37 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301
 28. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11.

- С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379 (a)
29. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 164–150 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (b)
30. Захаров В. Н. Снова о перспективах изучения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 7–16 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522935865.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5021
31. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
32. Захаров В. Н. Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 304–323 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1658823847.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY
33. Захаров Н. В. Православный тезаурус русской классической литературы // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. Вып. 10. С. 3–9.
34. Захарова О. В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 143–162 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.347
35. Иванов В. В. «Вопрошание идеального образа» как поэтический принцип христоцентризма у Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 326–332 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2672> (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2672
36. Карпачева Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 252–264 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429622552.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2014.745
37. Касаткина Т. А. К вопросу о полифонии Бахтина и полифонии Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2008. № 24. С. 36–43.
38. Кибальник С. А. Спор о церковном суде в романе «Братья Карамазовы» (Ф. М. Достоевский и Вл. С. Соловьев) // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 141–157 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530270003.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5222
39. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина // Проблема автора в русской литературе XIX–XX веков: межвуз. сб. Ижевск: Удм. ун-т, 1978. С. 184–181.
40. Кошемчук Т. А. Раскольников, Ставрогин, Верховенский, Иван Карамазов — старец Зосима: атеистическая идея в свете христианского сознания // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 203–215 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457959968.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.352
41. Кунильский А. Е. Смех Достоевского: прав ли Бахтин? // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 148–154.

42. Литинская Е. П. Проблема мениппеи в поэтике Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 101–121 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1670230646.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122. EDN: KBWRDN
43. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 373 с.
44. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание, понимание, умение. 2004. № 1. С. 93–100.
45. Луков Вл. А. Основные особенности русской литературы (к характеристике русского тезауруса) // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 14–17.
46. Малкольм В. Дж. Достоевский после Бахтина: исследование фантастического реализма Достоевского. СПб.: Акад. проект., 1998. 252 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
47. М. М. Бахтин: pro et contra: личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли: антология. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. Т. 2. 712 с.
48. Назиров Р. Г. О выражении авторской позиции в романах Достоевского // Проблемы типологии реализма. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1976. С. 102–116.
49. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.
50. Назиров Р. Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева, 1985. С. 24–41.
51. Орехов Б. В. Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов // Назировский архив. 2015. № 2 (8). С. 118–131.
52. Орехов Б. В. Гуманитарная терминология как сеть: теория графов о закономерностях научного стиля // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 94–101 [Электронный ресурс]. URL: <https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/article.php?id=418> (10.08.2023).
53. Орехов Б. В. В сети терминов М. М. Бахтина: теория графов о диалоге, карнавале и хронотопе // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018. № 1 (45). С. 105–115 [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/dkx/pdf/n45-105-115.pdf> (10.08.2023).
54. Панков А. Разгадка М. Бахтина. М.: Информатик, 1995. 256 с.
55. След, оставленный на века: к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского: аннотированный каталог изданий и исследований, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1995–2021 годах. М.: РФФИ, 2021. 120 с.
56. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 982 с.
57. Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2016. 296 с.
58. Сытина Ю. Н. «Математическая» проблема в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 144–170 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742
59. Тарасова Н. А. «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 190–216 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591724740.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962
60. Федорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы истори-

- ческой поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 258–282 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182
61. Шалина М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 209–220 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044
62. Шаулов С. С. Заметки о поэтике «Проблем поэтики...» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2011. № 1–2. С. 79–87 [Электронный ресурс]. URL: http://nevmenandr.net/dkx/pdf/dkh3_txt-79-87.pdf (10.08.2023).
63. Якубова Р. Х. Диалогическая конвергенция библейских и литературных фабул в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 173–187 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958310.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.349

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 320 p. (In Russ.)
2. Averintsev S. S. Bakhtin, Laughter, Christian Culture. In: M. M. Bakhtin kak filosof: sbornik statey [M. M. Bakhtin as a Philosopher: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 7–19. (In Russ.)
3. Andrianova I. S. The Image of a Stenographer in the “Fantastic Story” “A Gentle Spirit” by Fedor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 155–172. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936023.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4941 (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 363 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa* [Francois Rabelais' Works and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 527 p. (In Russ.)
6. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p. (In Russ.)
7. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (In Russ.)
8. *Bakhtinskiy tezaurus: materialy i issledovaniya: sbornik statey* [Bakhtin Thesaurus: Materials and Research: Collection of Articles]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1997. 183 p. (In Russ.)
9. Borisova V. V., Shaurov S. S. Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 2, pp. 117–136. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ (In Russ.)
10. Bocharov S. G. About Religious Philology. In: *Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury* [Bocharov S. G. Plots of Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 585–600. (Ser.: Language. Semiotics. Culture.) (In Russ.)
11. Viktorovich V. A. “Investigation of Talent” in the Debate of Nikolay Dobrolyubov with Fedor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020,

- vol. 18, no. 3, pp. 129–143. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593888946.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8042 (In Russ.)
12. Gabdullina V. I. Parable Strategy of the Author's Discourse in the Novel "The Gambler" by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, vol. 9, pp. 191–200. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312393.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.316 (In Russ.)
13. Gabdullina V. I. The Manuscript of Ippolit Terentyev in the Novel "The Idiot" by F. M. Dostoevsky: Genre and Narrative Strategies. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 129–148. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568199113.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5901 (In Russ.)
14. Gavrilova L. A. Communication Strategies and a Evangelical Quote in "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, vol. 13, pp. 287–303. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449862951.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2653 (In Russ.)
15. Garicheva E. A. The Gospel Text and the Traditions of Old Russian Literature in Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 188–195. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958592.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.350 (In Russ.)
16. Gasparov M. L. M. M. Bakhtin in Russian Culture of the 20th Century. In: *Gasparov M. L. Izbrannye trudy: v 4 tomakh [Gasparov M. L. Selected Works: in 4 Vols]*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, vol. 2, pp. 494–496. (Ser.: Language. Semiotics. Culture.) (In Russ.)
17. Dergacheva I. V. The Thanatological Discourse in Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 175–191. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562073465.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6782 (In Russ.)
18. Dneprov V. D. *Idei, strasti, postupki: iz khudozhestvennogo opyta Dostoevskogo [Ideas, Passions, Actions: from Dostoevsky's Artistic Experience]*. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1978. 382 p. (In Russ.)
19. Esaulov I. A. Foolishness and Buffoonery in Russian Literature. In: *Esaulov I. A. Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Esaulov I. A. Paskhal'nost' of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2004, pp. 155–185. (In Russ.)
20. Esaulov I. A. Gospel Text in Russian Culture and Modern Science. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, vol. 9, pp. 5–23. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.333 (In Russ.) (a)
21. Esaulov I. A. The Cultural Unconscious and Resurrection of Russia. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, vol. 9, pp. 389–407. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1455537052.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300 (In Russ.) (b)
22. Zakharov V. N. Historical Poetics and Its Category. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, vol. 2, pp. 3–9. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355 (In Russ.)

23. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.)
24. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, vol. 5, pp. 5–30. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
25. Zakharov V. N. The Problem of the Genre in Bakhtin's "School" (M. M. Bakhtin, P. N. Medvedev, V. N. Voloshinov). In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, no. 3, pp. 19–30. (In Russ.)
26. Zakharov V. N. Dostoevsky and Bakhtin in the Modern Scientific Paradigm. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2008, no. 24, pp. 43–53. (In Russ.)
27. Zakharov V. N. "The Eternal Gospel" in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, vol. 9, pp. 24–37. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301 (In Russ.)
28. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in "Winter Notes on Summer Impressions" by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379 (In Russ.) (a)
29. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 164–150. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (In Russ.) (b)
30. Zakharov V. N. One More Time About the Perspectives of the Study of Historical Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522935865.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5021 (In Russ.)
31. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)
32. Zakharov V. N. Hospital Scenes in Dostoevsky's "Notes from a Dead House". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 2, pp. 304–323. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1658823847.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY (In Russ.)
33. Zakharov N. V. Orthodox Thesaurus of Russian Classical Literature. In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [*Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works*]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2007, issue 10, pp. 3–9. (In Russ.)
34. Zakharova O. V. Polemic with Dostoevsky on "Demons": the Problem of Misunderstanding of the Novel in the Lifetime Criticism (1871–1873). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012,

- vol. 10, pp. 143–162. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.347 (In Russ.)
35. Ivanov V. V. Questioning the Perfection as a Poetic Principle of Fyodor Dostoevsky's Christocentrism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 7, pp. 326–332. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2672> (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2672 (In Russ.)
 36. Karpacheva T. S. Images of Cult Followers in Dostoevsky's a Writer's Diary. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, vol. 12, pp. 252–264. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429622552.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2014.745 (In Russ.)
 37. Kasatkina T. A. To the Question of Bakhtin's and Dostoevsky's Polyphony. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2008, no. 24, pp. 36–43. (In Russ.)
 38. Кибальник С. А. The Dispute About Church Court in the Novel "The Brothers Karamazov" (F. M. Dostoevsky and V. S. Solovyov). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 141–157. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530270003.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5222 (In Russ.)
 39. Korman B. O. From Observations on the Terminology of M. M. Bakhtin. In: *Problema avtora v russkoy literature XIX–XX vekov: mezhvuzovskiy sbornik [The Problem of the Author in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: Interuniversity Collection]*. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1978, pp. 184–181. (In Russ.)
 40. Koshemchuk T. A. Raskolnikov, Stavrogin, Verkhovensky, Ivan Karamazov — Elder Zosima: the Atheistic Idea in the Light of the Christian Consciousness. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 203–215. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457959968.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.352 (In Russ.)
 41. Kunil'skiy A. E. Dostoevsky's Laughter: Is Bakhtin Right? In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2007, no. 4, pp. 148–154. (In Russ.)
 42. Litinskaya E. P. The Menippea Problem in F. M. Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 101–121. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1670230646.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122. EDN: KBWRDN (In Russ.)
 43. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of Old Russian Literature]*. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 373 p. (In Russ.)
 44. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesaurus Approach in the Humanities. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2004, no. 1, pp. 93–100. (In Russ.)
 45. Lukov Vl. A. The Main Features of Russian Literature (to the Characteristics of the Russian Thesaurus). In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov [Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works]*. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2006, issue 3, pp. 14–17. (In Russ.)
 46. Malkol'm V. Dzh. *Dostoevskiy posle Bakhtina: issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo [Dostoevsky After Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism]*. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1998. 252 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)

47. M. M. Bakhtin: *pro et contra: lichnost' i tvorchestvo* M. M. Bakhtina v otsenke russkoy i mirovoy gumanitarnoy mysli: antologiya [M. M. Bakhtin: *Pro et Contra: The Personality and M.M. Bakhtin's Works According to Russian and International Humanities Studies: an Anthology*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2002, vol. 2. 712 p. (In Russ.)
48. Nazirov R. G. On the Expression of the Author's Position in Dostoevsky's Novels. In: *Problemy tipologii realizma* [Problems of the Typology of Realism]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1976, pp. 102–116. (In Russ.)
49. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative Principles of F. M. Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
50. Nazirov R. G. Equality of the Author and the Hero in the Works of Dostoevsky (to the Concept of a Polyphonic Novel). In: *Problemy nauchnogo naslediya M. M. Bakhtina: mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of the Scientific Heritage of M. M. Bakhtin: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Saransk, Mordovian State University Named After N. P. Ogarrev Publ., 1985, pp. 24–41. (In Russ.)
51. Orekhov B. V. Modeling the Terminological Thesaurus of Works by R. G. Nazirov on Mythology and the History of Folklore Plots. In: *Nazirovskiy arkhiv* [Archive of Nazirov], 2015, no. 2 (8), pp. 118–131. (In Russ.)
52. Orekhov B. V. Humanitarian Terminology as a Network: Graph Theory About the Regularities of Scientific Style. In: *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2016, no. 2, pp. 94–101. Available at: <https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/article.php?id=418> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
53. Orekhov B. V. In the Network of Terms of M. M. Bakhtin: Graph Theory About Dialogue, Carnival and Chronotope. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 2018, no. 1 (45), pp. 105–115. Available at: <http://nevmenandr.net/dkx/pdf/n45-105-115.pdf> (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
54. Pankov A. *Razgadka M. Bakhtina* [Solution of M. Bakhtin]. Moscow, Informatik Publ., 1995. 256 p. (In Russ.)
55. *Sled, ostavlenyy na veka: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya F. M. Dostoevskogo: annotirovannyi katalog izdaniy i issledovaniy, osushchestvlenykh pri finansovoy podderzhke Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy v 1995–2021 godakh* [A Trace Left for Centuries: to the 200th Anniversary of the Birth of F. M. Dostoevsky: an Annotated Catalog of Publications and Research Carried out with the Financial Support of the Russian Foundation for Basic Research in 1995–2021]. Moscow, Russian Foundation for Basic Research Publ., 2021. 120 p. (In Russ.)
56. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2004. 982 p. (In Russ.)
57. Stepanyan K. A. *Shekspir, Bakhtin i Dostoevskiy: geroi i avtory v bol'shom vremeni* [Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: Heroes and Authors in Great Time]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2016. 296 p. (In Russ.)
58. Sytina Yu. N. A “Mathematical” Problem in Dostoevsky's “The Raw Youth”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 144–170. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742 (In Russ.)
59. Tarasova N. A. “Voskresenie” and “Voskreshenie” in Fedor Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 2, pp. 190–216. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591724740.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962 (In Russ.)

60. Fedorova E. A. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel “The Raw Youth” and “A Writer’s Diary” (1876) by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 258–282. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182 (In Russ.)
61. Shalina M. A. Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky’s Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 209–220. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044 (In Russ.)
62. Shaulov S. S. Notes on Poetics “Problems of Poetics...”. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [*Dialogue. Carnival. Chronotope*], 2011, no. 1–2, pp. 79–87. Available at: http://nevmenandr.net/dkx/pdf/dkh3_txt-79-87.pdf (accessed on August 10, 2023). (In Russ.)
63. Yakubova R. Kh. Dialogic Convergence of Biblical and Literary Fabulas in “The Raw Youth” by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 173–187. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958310.pdf (accessed on August 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.349 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаулов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, зав. отделом, Дом-музей М. Ю. Лермонтова, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3931-1714>; e-mail: sschaulov@gmail.com.

Sergey S. Shaulov, PhD (Philology), Head, House-Museum of M. Yu. Lermontov, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3931-1714>; e-mail: sschaulov@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 02.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.11.2023

Принята к публикации / Accepted 06.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6881

EDN: POKENB

Достоевский в Нагое: XVIII Симпозиум Международного общества Достоевского

В. В. Борисова

*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Музейный центр «Московский дом Достоевского»)*

(г. Москва, Российская Федерация)

Московский государственный лингвистический университет

(г. Москва, Российская Федерация)

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. На пять дней японский город Нагоя стал мировой столицей Достоевского. Здесь с 24 по 28 августа 2023 г. проходил XVIII Симпозиум Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS). Впервые за все время существования IDS (с 1971 г.) он состоялся в Азии. Это произошло вопреки пандемии и обострению международных проблем и благодаря большим усилиям организаторов из Нагойского университета иностранных исследований, тщательно продумавших программу мероприятия. Участники Симпозиума со всего мира, представившие несколько исследовательских поколений и научных школ, продемонстрировали разнообразие подходов к изучению научной биографии и творчества классика русской и мировой литературы. XVIII Симпозиум был посвящен 150-летию романа «Бесы», самого политического и религиозного произведения великого русского писателя, изданного в 1871–1872 гг. Поэтому главным в работе Симпозиума стало направление ««Бесы» в свое время и 150 лет спустя». Значительное внимание участники научного форума уделили теме «Достоевский в искусстве (музыке, кино, театре, живописи)». Среди других актуальных вопросов современного достоевведения на Симпозиуме были рассмотрены новые методы изучения творчества писателя, в том числе связанные с развитием цифрового Достоевского (Digital Dostoevsky), проблемы поэтики и текстологии его наследия, новые биографические исследования и архивные материалы, Достоевский в работах М. М. Бахтина, рецепция Достоевского в Азии и влияние его идей и образов на азиатскую культуру и литературу. Заключительным мероприятием в работе Симпозиума стал круглый стол «Достоевский и современные японские писатели», на котором выступили популярные прозаики Фуминори Накамура, Риса Ватая и Кейитиро Хирано. Каждый из них говорил о влиянии творчества русского писателя на свои произведения, рассуждал о популярности идей Достоевского в сегодняшнем мире. В данной статье представлен обзор докладов, мероприятий и основных результатов XVIII Симпозиума Международного общества Достоевского в Нагое.

Ключевые слова: Япония, Нагоя, Международное общество Достоевского, симпозиум, мировая достоевистика

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Терминологический словарь-тезаурус "евангельского текста" Ф. М. Достоевского» (проект № 22-28-00833, <https://rscf.ru/project/22-28-00833/>). Автор также выражает благодарность организаторам XVIII Симпозиума Международного общества Достоевского.

Для цитирования: Борисова В. В. Достоевский в Нагое: XVIII Симпозиум Международного общества Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 195–220. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6881. EDN: POKENB

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6881

EDN: POKENB

Dostoevsky in Nagoya: The XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society

Valentina V. Borisova

*V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Museum Center "Moscow House of Dostoevsky")*

(Moscow, Russian Federation)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation)

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. For five days, the Japanese city of Nagoya became the world's Dostoevsky capital. The XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society (IDS) was held here on August 24–28, 2023. For the first time since the establishment of the IDS in 1971, it took place in Asia. This happened despite the pandemic and the aggravation of international problems and thanks to the great efforts of the organizers from Nagoya University of Foreign Studies, who carefully thought out the program of the event, as well as of the Symposium participants from all over the world, who represented several research generations and scientific schools and demonstrated a variety of approaches to the study of scientific biography and creative work of the classic of Russian and world literature. The XVIII Symposium was dedicated to the 150th anniversary of the novel "Demons," the most political and religious work of the great Russian writer, published in 1871–1872. Therefore, the main focus of the Symposium was "Demons" in their time and 150 years later." The participants of the scientific forum paid considerable attention to the topic "Dostoevsky in art (music, cinema, theater, painting)." Among other topical issues of modern Dostoevsky studies, the following were considered at the Symposium: new methods of studying the writer's work, including those related to the development of Digital Dostoevsky, problems of poetics and textual criticism of his legacy, new biographical studies and archival materials, Dostoevsky in the works of M. M. Bakhtin and, of course, Dostoevsky's reception in Asia and the influence of his ideas and images on Asian culture and literature. The final event of the Symposium was the round table "Dostoevsky and modern Japanese writers," at which popular prose writers Fuminori Nakamura, Risa Wataya and Keiichiro Hirano spoke. Each of them spoke about the influence of the Russian writer's work on his texts and discussed the incredible popularity of Dostoevsky's ideas in today's world. This article provides an overview of the reports, cultural events and the main results of the XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society in Nagoya.

Keywords: Japan, Nagoya, International Dostoevsky Society, symposium, researcher of Dostoevsky's life and work

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (project number 22-28-00833 "Terminological Dictionary-Thesaurus of the "Gospel text" of F. M. Dostoevsky", <https://rscf.ru/project/22-28-00833/>). The author also expresses gratitude to the organizers of the XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society.

For citation: Borisova V. V. Dostoevsky in Nagoya: The XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 195–220. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6881. EDN: POKENB (In Russ.)

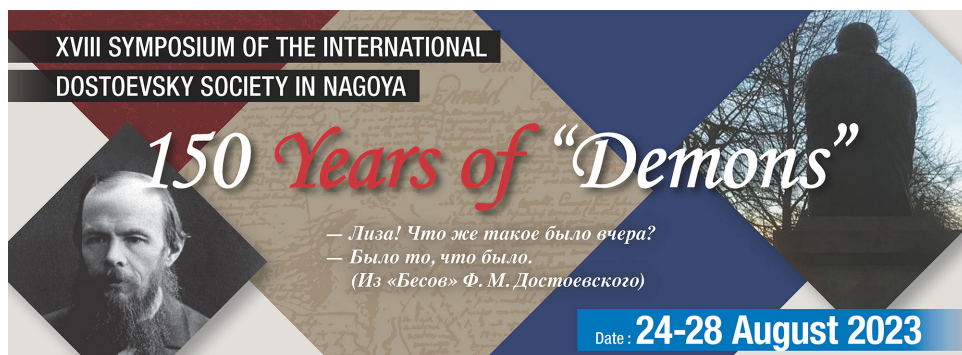
«— Лиза, что же такое было вчера?

— Было то, что было».

(Цитата из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского
на афише Симпозиума в Нагое)

С 24 по 28 августа 2023 г. в Нагое, одном из крупнейших японских городов, состоялся XVIII Симпозиум Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS). Впервые за все время существования IDS (с 1971 г.) этот научный форум принимала Азия: предыдущие семнадцать симпозиумов проходили в Европе, Америке и России с периодичностью раз в три года.

Очередной международный симпозиум состоялся вопреки прошедшей пандемии и обострению международных проблем, но благодаря значительным усилиям организаторов из Нагойского университета иностранных исследований, тщательно продумавших программу мероприятия. Это профессор Икуо Камеяма — председатель оргкомитета, ректор университета, переводчик, писатель и ученый; профессор Тэцую Мотидзуки — руководитель офиса XVIII Симпозиума; члены оргкомитета Наохито Саису, Сатоси Бамба и др. Сознывая важность научного общения и сотрудничества исследователей Достоевского, организаторы Симпозиума создали благоприятные условия для этого.

Илл. 1. Афиша XVIII Симпозиума Международного общества Достоевского

Fig. 1. Poster of the XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society

В Нагое собрались исследователи Достоевского из разных стран мира: Японии, России, США, Канады, Великобритании, Швеции, Бельгии, Германии, Хорватии, Сербии, Болгарии, Турции, Испании, Италии, Франции, Польши, Греции, Китая, Тайваня, Бразилии, Южной Кореи. Представители нескольких исследовательских поколений и научных школ продемонстрировали

разнообразие подходов к изучению научной биографии и творчества классика русской и мировой литературы.

Симпозиум был приурочен к 150-летию романа «Бесы», самого политического и религиозного произведения Достоевского. Во время приветственного слова, обращенного к участникам форума, Кэрол Аполлонио (Carol Apollonio), президент IDS с 2019 по 2023 г.¹, назвала роман ярким примером переплетения самобытного литературного мира с реальным политическим контекстом.

Как известно, «бесами» писатель назвал революционеров своего времени, членов террористического кружка «Народная расправа», которые, исходя из идей «Катехизиса революционера», оправдывали любой аморализм, если он служил целям революции. Достоевский увидел в этом страшную подмену христианского катехизиса:

«...если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства».

Поэтому всех героев романа он словно проверяет:

«Како веруеши, али вовсе не веруеши»?²

Здесь важен и первый вопрос «как веруешь» — проверяющий силу и степень веры, и второй — выявляющий полное безверие.

Соответственно главной в работе Симпозиума стала тема “*“Demons” in Its Time and 150 Years Later*” («*“Бесы” в свое время и 150 лет спустя*»). Наряду с политической подоплекой романа обсуждалось и религиозное содержание «Бесов».

Американская исследовательница жизни и творчества Достоевского **Элизабет Блейк** (Elizabeth Blake) в докладе “*On the Siberian Origins of Dostoevsky’s Revolutionaries in “Besy”*” («*О сибирских корнях революционеров Достоевского в “Бесах”*»), открывшем научную часть Симпозиума, отметила особенности видения Сибири Достоевским в «Записках из Мертвого Дома». Для писателя Сибирь, по мнению Блейк, определяется русской крестьянской жизнью, декабристами, петрашевцами и военными. Она сопоставила этот взгляд с воспоминаниями поляков Юзефа Богуславского и Бронислава Залесского, отбывавших срок в Омске и Семипалатинске вместе с писателем³. Блейк предположила, что Достоевский использовал свой опыт встреч с революционерами в Сибири, чтобы в дальнейшем воплотить его в «Бесах» — романе о заговорах.

¹ Новым президентом IDS на XVIII Симпозиуме был избран исследователь творчества Достоевского из Вероны (Италия) Стефано Алоэ.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 213. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

³ См. монографию: [Blake], а также: [Новикова], [Подрябинкина].

Творчество Достоевского, вдохновляюще емкое и универсальное, давно перестало быть достоянием только узких специалистов. Так, **Эми Роннер** (Amy Ronner, США) в докладе "*Kirillov: The Anomic-Egoistic-Altruistic Pursuit of Self-Annihilation*" («Кириллов: патологически и эгоистически альтруистическое стремление к самоуничтожению») рассмотрела изображение самоубийства в «Записках из Мертвого Дома», «Преступлении и Наказании», «Идиоте», «Бесах» и «Братьях Карамазовых» как прообраз социологии Эмиля Дюркгейма, а также теорий других выдающихся суицидологов, подчеркнув, что Достоевский во многом предвосхитил открытия современной социологии, антропологии и психологии (см. также: [Ronner]).

Виктория Торстенссон (Victoria Thorstensson, США) в докладе "*Nihilists as Demons in Dostoevsky's Novel and in Polemical Novels of the 1860s — 1870s*" («Нигилисты-бесы в романе Достоевского и полемических романах 1860–1870-х гг.»), с целью протестировать новые подходы к изучению творчества Достоевского, проанализировала «Бесы» в контексте других полемических романов XIX в.: «На ножах» Н. Лескова, вышедшего одновременно с «Бесами» в «Русском Вестнике», «Обрыв» И. Гончарова (1869), «Панургово стадо» Вс. Крестовского (1869), «Вне колеи» (1882) К. Головина (псев. Орловский), «Бездна» (1883–1884) Б. Маркевича. Введение нереалистичных элементов и демонизация персонажей-нигилистов, появившихся в романах Достоевского и Лескова, считает исследовательница, было новым явлением для жанра полемического романа XIX в.

Питер Вински (Peter Winsky, США) в докладе "*Where Is the Man Seated at Foot of Christ?: On the Exorcism of the Retired Bishop Tikhon and Dostoevsky's Failed Hesychasm in "Demons"*" («Где человек, сидящий у ног Христа? Об экзорцизме бывшего архиерея Тихона и неудавшемся исихазме Достоевского в "Бесах"») обратился к ненапечатанной при жизни писателя главе «У Тихона». Говоря о верности Достоевского христианскому мировоззрению, Вински исследовал значение зашифрованной в жизни и деяниях Тихона христианской практики исихазма. По мнению ученого, она была предложена Ставрогину в качестве альтернативы публичной исповеди.

Алина Вайман (Alina Wyman, США) назвала свое выступление "*Of Pride and Other Demons: Sacrificial Crisis in Dostoevsky's "Besy"*" («О гордости и прочих демонах: кризис жертвенности в "Бесах" Достоевского») и рассмотрела концепт жертвенности в романе. Она обратилась к символическому названию текста и к мистической мифологии Ставрогина, содержащей в себе элементы дохристианского мифического мировоззрения, которое основано на церемониальном жертвоприношении ради всеобщего блага. В романе Достоевского Петр Верховенский преклоняется перед Ставрогиным словно перед языческим «идолом», а Кириллов совершает «антихристианское самопожертвование».

Катя Джордан (Katya Jourdan, США) представила Степана Трофимовича Верховенского как антипода Христа, исходя из того, что Достоевский намеревался изобразить в этом персонаже пародию на Спасителя. По ее

мнению, писатель структурирует роман «Бесы» как хронику, в рамках которой сюжетная линия Верховенского содержит некоторые агиографические элементы, и изображает жизнь святого в светском мире. Многие действия старшего Верховенского являются аллюзиями на дела Христа, часто приобретая негативную окраску, и герой, терпящий неудачу как отец и учитель, в конце концов становится противоположностью образа Христа. При этом исследовательница проигнорировала духовную эволюцию героя, умирающего на пороге воскресения, подобно Шатову.

В целом можно констатировать преимущественное внимание современных исследователей к Евангельскому Слову, Святоотеческому наследию и Священному Преданию, присутствующим в текстах Достоевского. Многие ученые из разных стран мира были единодушны в том, что сформулировала на Симпозиуме Эми Роннер (США): «В мире Достоевского всегда присутствует луч света, разгоняющий мрак зла». Это подчеркнула и **Е. А. Федорова** (Россия, Ярославль) в докладе «*Концепция личности в романе "Бесы" в свете этического учения А. А. Ухтомского*» (Россия, Ярославль). По ее словам, «значение романа "Бесы" заключается не только в предупреждении о разрушительных процессах, которые происходят в обществе и в человеке, но и в изображении путей выхода из кризиса и восстановления личности» [Федорова].

Во всем мире сохраняется исследовательский интерес к наследию М. М. Бахтина. На Симпозиуме **Т. В. Ковалевская** (Россия, Москва), полемизируя с идеей полифонического романа Достоевского, предложила его новое определение как «апатетический роман». По Бахтину, «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского» [Бахтин: 7]. Вслед за В. Е. Ветловской, Т. В. Ковалевская оценила такую полифонию как обычный релятивизм, или плюрализм равнозначных идей, ни одна из которых не может претендовать на окончательную истинность и абсолютность. Для православного человека подобный тип воззрения невозможен, ибо абсолютность Истины, данной в Откровении Божиим, для всякого верующего несомненна. Поэтому «in the apatetic reading of Dostoevsky's poetics, false ideas mimic the right ones <...> but they are not equal since one truth is opposed to a host of lies» («в апатетическом рассмотрении поэтики Достоевского ложные идеи имитируют правильные <...>, однако они не равны, потому что одна правда противостоит множеству лжи») [Kovalevskaya].

Методологически значимым стал и доклад **И. А. Есаулова** (Россия, Москва) «*Иерархия (героев) и полифония (голосов) в художественном мире Достоевского: возможно ли историческое примирение?*». Ученый рассмотрел принципы иерархии и полифонии в русле идей Бахтина как символические доминанты «вертикали», неотделимой от веры в «существование Божие», и «горизонтالي» — с учетом ее соборной основы. Такой «крест», по мнению

ученого, адекватно выражает авторскую интенцию. В контексте данного понимания действительно оказывается возможным примирение разных подходов к изучению произведений писателя.

На заседаниях секции *“Actual Topics Relevant to Dostoevsky”* («Актуальные темы в достоевведении») были рассмотрены новые методы изучения творчества писателя, в том числе связанные с развитием цифрового Достоевского (Digital Dostoevsky), проблемы поэтики и текстологии его наследия, новые биографические исследования и архивные материалы.

Илл. 2. Заседание в Нагойском университете иностранных исследований

Fig. 2. Meeting at Nagoya University of Foreign Studies

Проблемы текстологии и поэтики романа «Бесы» были рассмотрены в докладе **В. Н. Захарова** (Россия, Москва, Петрозаводск) «Текст как проблема романа Достоевского “Бесы”». Исследователь проанализировал историю издания произведения, начиная с публикации главы «У Тихона» вдовой писателя А. Г. Достоевской в 1906 г., затем контаминации двух редакций главы, сделанной в 1935 г. Л. П. Гроссманом. Нельзя не согласиться с В. Н. Захаровым в том, что мы имеем три варианта романа: первый напечатан в журнале «Русский Вестник» (1871–1872), второй — в прижизненном писателю книжном издании 1873 г. (оба издания без 9-й главы «У Тихона»), а третью версию «выдумывают» исследователи, вставляющие пропущенную

главу в романый текст или помещая ее в приложение. Поделившись собственным опытом издания «Бесов», ученый заключил, что контекст и замысел больше текста романа, и это необходимо учитывать при решении сложной проблемы его публикации.

Оригинальный взгляд на роман «Бесы», подвергшийся редакторской цензуре М. Каткова, представила **Джунна Хирамацу** (Junna Hiramatsu, Япония) в докладе *"Productive Censorship and the Modern Self in 'Demons'"* («Продуктивная цензура и современная личность в "Бесах"»). Она опиралась на новое, продуктивное, понимание цензуры, представленное Мишелем Фуко, который утверждал, что цензура не заставляет замолчать, а побуждает писателей высказать скрытую правду о себе. По ее мнению, цензура повлияла на включение в структуру романа мотивов молчания и секретов, отличающих поведение персонажей.

Эрика Дреннан (Erica Drennan, США) в докладе *"The Many Trials of Dostoevsky's 'Demons'"* («Судебные процессы над "Бесами" Достоевского») подчеркнула, что, хотя «Бесы» заканчиваются до суда над преступниками, сама книга и ее герои много раз представляли перед судом. Первый суд над романом состоялся до первой публикации произведения, когда издатель Михаил Катков отказался публиковать главу «У Тихона», вынудив Достоевского переписать отдельные части романа. Глава, которая подверглась цензуре, является своего рода «текстологическим судом»: исповедь Ставрогина стала основой для суда и приговора Тихона. К другим видам осуждения «Бесов» исследовательница отнесла работы советских и эмигрантских критиков, вступивших в диалог с романом, который сам «отвечает» на их внетекстовые выпады.

Предметом полемики стал доклад **К. А. Баршта** (Россия, Санкт-Петербург) «О новых методах датировки и публикации черновых рукописей Ф. М. Достоевского», в котором в качестве основного текстологического источника романа «Бесы» были рассмотрены четыре записные книжки писателя, содержащие большое количество различных графических изображений. Безусловно, публикация таких рукописных документов требует предельной точности в воспроизведении всех элементов. И это, по мнению К. Баршта, достижимо с помощью т. н. «дипломатической транскрипции», позволяющей благодаря цифровым технологиям с максимальной полнотой воспроизвести идеографические записи Достоевского. Однако такой подход, как было отмечено в ходе дискуссии, должен предполагать и точность расшифровки записей, корректного текстологического прочтения.

Ряд сообщений на Симпозиуме был связан с осмыслением творчества русского писателя в разнообразных научных контекстах, в том числе в философском.

Пол Фанг (Paul Fung, Гонконг) в докладе *"The Demon of Irony: Rethinking Evil and the Will in Dostoevsky's Novels"* («Бес иронии: переосмысление зла и воли в романах Достоевского») согласился с итальянским философом Симоной

Форти, автором книги “New Demons: Rethinking Power and Evil Today”, 2015 («Новые бесы: переосмысление власти и зла сегодня»), отметившей, что романы Достоевского прокладывают новое направление в понимании зла как выражения абсолютной человеческой свободы, «воли ко злу», очень похожей на иронию как способ существования, ведущий к беспорядку. В «Бесах» в этом смысле изображается высший пример проявления радикального зла, которому, по Достоевскому, противостоит христианская мораль.

В докладе **Арпи Мовсесян** (Arpi Movsesian, США) “*Bored Demons and Conscience-Stricken Holy Fools*” («Скучающие бесы и мучимые совестью юродивые») был рассмотрен феномен скуки как философская и этическая проблема в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы». Скучающим героям Достоевского, этим «русским Гамлетам» на последней стадии их развития, по мысли исследователя, противопоставлена сила юродства, играющая роль спускового механизма для совести.

Даниэла Лугарич Вукас (Danijela Lugarić Vukas, Хорватия) представила доклад “*The Literature of Illness and Embodied Abnormality: Dostoevsky’s “Demons” and Petrushevskaya’s “The Time Night” and “Our Circle” in a Dialogue*” («Литература болезни и воплощенной ненормальности: “Бесы” Достоевского и “Время ночь” и “Свой круг” Петрушевской в диалоге»). Исследовательница предложила новое прочтение произведения Достоевского как «патографии» (рассказ о болезни), рассмотрев его в двух контекстах — повествовательном (эстетическом) и культурном (этическом и философском) — и сравнив с произведениями Л. Петрушевской, в которых феномен безумия и болезни не менее значим.

В русле философии знания **Брайан Армстронг** (Brian Armstrong, США) в докладе “*Epistemic Weakness in Dostoevsky’s “Besy”*” («Эпистемологическая слабость в “Бесах” Достоевского») провел сравнительный анализ жажды истины Ставрогина, чувства «эпистемологического долга» у хроникера и «эпистемологического нигилизма» Петра Верховенского.

Джордан Брайан (Jordan Bryan, США) в докладе “*Incompleteness and the Underground*” («Незавершенность и подполье») провел параллели между аргументами подпольного человека против рационалистической программы Чернышевского и математической логикой Гёделя. Исследователь пришел к парадоксальному утверждению философии подпольного человека как сверхрационализма и в то же время антирациональности.

Сатое Нагата (Satoe Nagata, Токио) исследовала повесть «Село Степанчиково и его обитатели» по методу аффективной теории и с этой точки зрения интересно проанализировала проявления аффекта в поведении персонажей, проживающих в усадьбе.

Мария Кандида Гидини (Maria Candida Ghidini, Италия) представила опыт изучения творчества Достоевского в биомедицинском позитивистском

дискурсе XX в., анализируя типы безумцев и преступников в работах Чезаре Ломброзо и последующей итальянской психиатрии.

Ани Кокобобо (Ani Kokobobo, США), исследуя опыт борьбы Достоевского с эпилепсией, попыталась рассмотреть понимание писателем различий и предпочтений между умственной и физической инвалидностью на примере романов «Бесы» и «Братья Карамазовы».

О гениальном и интуитивном предвосхищении Достоевским положений современной психопатии и теории развития личности убедительно говорил **Марцин Боровски** (Marcin Borowski, Польша), актуализируя их на примере образов героев романа «Бесы». В их характере и поведении проявляются издержки отсутствия семейной любви, тех сердечных отношений между родителями и детьми, которые сам писатель считал фундаментом жизни человечества.

Вклад Достоевского в экзистенциальную и феноменологическую теорию интерсубъективности в XX в. (от посткантианского немецкого идеализма до современных философских штудий) отметил **Орхан Аслан** (Orhan Aslan, Турция) в докладе *"Freedom, Intersubjectivity and the Problem of Evil in Dostoevsky's 'Demons'"* («Свобода, интерсубъективность и проблема зла в "Бесах" Достоевского»). По словам исследователя, Достоевского отличало уникальное понимание онтологических основ свободы, с одной стороны, и позитивной силы зла в мире, с другой. Вслед за Бёме и Шеллингом он полагал, что зло является неотъемлемой частью человеческой реальности, и противопоставлял философский натурализм и социализм человеческой свободе.

Джулия Джиганте (Giulia Gigante, Италия), анализируя мотив ментального и социального одиночества героев в романе «Бесы», связала его с философией солипсизма и назвала Ставрогина и Кириллова солипсическими персонажами, ставшими заложниками собственной непроницаемости.

Го Кошино (Go Koshino, Япония) в лингвистическом докладе *"The Language of Pandemics in 'Demons'"* («Язык пандемии в "Бесах"») отметил, что начиная с XIX в. слово «эпидемия» часто использовалось как метафора революций и бунтов, проанализировал язык пандемии как «словесную холеру». Листовки и сплетни, как идейная зараза, распространяются по городу, вызывая беспорядки на фабрике Шпигулина. Эта сцена основана на реальных событиях, связанных с холерным бунтом, который произошел на Сенной площади в Петербурге в 1831 г.

Традиционен интерес современных исследователей к поэтике писателя. В фокусе их внимания по-прежнему остается смысловой и композиционный анализ ряда образов и мотивов, художественного времени-пространства и сюжета в произведениях Достоевского.

Например, **Рассел Скотт Валентино** (Russell Scott Valentino, США) в докладе *"Framing Sense in Dostoevsky's 'Demons'"* («Образ оконной рамы в "Бесах" Достоевского») выделил сцены в произведениях русского писателя с образом

окна, сделав убедительные наблюдения. Голядкину за окном мерещится Клара Олсуфьевна, которая будто бы смотрит на него — так символически представлен пристальный взгляд общества на героя. В эпилоге «Преступления и Наказания» Соня Мармеладова смотрит через решетчатое окно тюремного лазарета на Раскольникова: «Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце; он вздрогнул и поскорее отошел от окна» (ДЗ0; т. 6: 420). В сюжете «Кроткой» в раме окна, вызывающей ассоциации с крестом, стоит героиня с крестообразно сложенными руками, прижимая к груди икону. В главе «Последнее странствие Степана Трофимовича» сцена с окном служит обрамлением финального прозрения героя.

Зора Кадырбекова (Zora Kadyrbekova, Канада) в докладе с провокационным названием *“Of Mice, Spiders, and Men in Dostoevsky’s “Demons”* («О мышах, пауках и людях в “Бесах” Достоевского») справедливо отметила, что в произведениях Достоевского достаточно много образов животных⁴. В «Бесах» это пауки и мыши, большинством ученых рассмотренные как inferнальные существа согласно фольклорно-мифологической традиции. По мнению исследовательницы, их значение может быть раскрыто и в контексте понимания Достоевским Божьего творения.

Кейт Холланд (Kate Holland, Канада) в докладе *“The Crisis of Realist Temporality in “Demons”* («Кризис реалистической темпоральности в “Бесах”») представила этот роман как протомодернистский текст, отмеченный распадом связей между романскими прошлым, настоящим и будущим, «провалами» в сюжете и в переживании времени героями. Этот кризис темпоральности проявляется, в частности, в дезориентации рассказчика, в его попытках обосновать повествование с исторической и временной точек зрения, в котором, тем не менее, нарушается причинно-следственная связь: хроникер рассказывает о положении Степана Трофимовича в городе и истории, оставляя больше тайн, чем объяснений.

Кэтрин Бауэрс (Katherine Bowers, Канада) в докладе *“Dostoevsky, Bronte, and the Creation of the Femele Subject”* («Достоевский, Бронте и создание женского персонажа») отметила влияние романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте на «Неточку Незванову» Достоевского, проанализировав уникальный женский дискурс в сопоставлении с повествованием от лица рассказчиков-мужчин.

Ключевой на Симпозиуме стала тема рецепции Достоевского в Азии и его влияния на азиатскую культуру и литературу (*“Reception of Dostoevsky in Asia”*), которая несомненно связана с одной из принципиально важных идей в историософии самого писателя, имеющей не только геополитическое значение. Об огромной роли Азии в судьбе России, ее истории и культуры Достоевский писал в «Дневнике Писателя» за январь 1881 г. («Геок-Тепе. Что

⁴ В российском достоеведении эта тема разрабатывалась В. П. Владимирцевым [Владимирцев, 1977, 1999, 2007].

такое для нас Азия?»). Спустя почти 150 лет пророчески исполнились его слова о необходимости поворота на Восток, «нового на него взгляда», «стремления в Азию» (Д30; т. 27: 33). В наше время диалог с ней, в том числе научный и культурный, развивается в высшей степени плодотворно.

Отрадно было видеть и слушать на Симпозиуме японских и китайских ученых, затронувших множество актуальных вопросов, в том числе о месте Достоевского в культуре и литературе Азии. При этом очевиден их интерес к тому, что и как пишут сегодня о писателе в России. В. Н. Захаров справедливо подчеркнул, что в Нагое мы узнали «японского Достоевского» [Захаров: 170].

Илл. 3. Издания Достоевского на русском и японском языках в библиотеке Нагойского университета иностранных исследований

Fig. 3. Russian and Japanese editions of Dostoevsky in the library of Nagoya University of Foreign Studies

Так, выступление **Норико Хираиши** (Noriko Hiraishi, Япония) "*Crime and Punishment*" and *Japanese Manga: Dostoevsky in Contemporary Japanese Popular Culture*" («Преступление и Наказание» и японская манга: Достоевский в современной японской популярной культуре») содержало анализ японских экранизаций произведений Достоевского. О русском авторе узнали в Японии в 1889 г., а первый сокращенный перевод «Преступления и Наказания» был опубликован в 1892 г. В XX в. произведения Достоевского были адаптированы в жанре манга. Осаму Тэдзука, ставший ведущей фигурой сюжетной манги в послевоенной Японии, опубликовал свою манга-версию «Преступления и Наказания» в 1953 г. Всемирную известность в начале

XXI в. приобрела манга «Тетрадь смерти» Цугуми Обы и Такэси Обаты по роману «Преступление и Наказание». В 2007 г. Наоюки Отиаи выпустил мультсериал по этому произведению Достоевского, перенеся место действия в современную Японию.

Ряд докладов японских исследователей был посвящен сравнительному анализу творчества Достоевского и японских писателей. **Мицүёси Нумано** (Mitsuyoshi Numano, Япония) рассмотрел отсылки к Достоевскому в романах Харуки Мураками («Слушай песню ветра» и др.) в качестве постмодернистского приема. Исследователь отметил сильнейшее влияние творчества великого русского писателя на романы Кэндзабуро Оэ («Поток вторгается в мою душу» и др.). Тексты Достоевского стали для Оэ, с одной стороны, источником литературных приемов, таких как полифония и карнавализация (в 1970-е гг. японский писатель прочитал работы М. М. Бахтина), с другой, Достоевский был им воспринят как художник, глубоко осмысливший проблему терроризма.

Кана Мацүэда (Kana Matsueda, Кюсю) посвятила свой доклад восприятию Достоевского японскими писателями и критиками XX в. (Гото Мэйсэй, Оэ Кэндзабуро, Есимото Такааки, Хания Ютака), выступившими спустя 100 лет после кончины русского писателя в Токийском соборе Яматэ в феврале 1981 г. Их речи вошли в книгу «Достоевский в наше время» (Токио, 1981).

Тошико Эллис (Toshiko Ellis, Нагоя) привела яркие примеры того, какое место занимает Достоевский в современном японском поэтическом пространстве. Так, Сакутаро Хагивара, основатель японской разговорной поэзии и один из самых популярных литераторов первой половины XX в. в Стране восходящего солнца, написал несколько эссе о Достоевском, отмечая его влияние на свое творчество. В уникальных поэтических сборниках Сакутаро Хагивары («Вой на луну», «Исландия» и др.) ожила философия экзистенциализма Достоевского, отражающая внутренний мир одинокого человека.

Мария Чалукова (Токио) выделила проявления многоликого модернизма (отчуждение и кризис личности) в произведениях Достоевского и японского писателя Нацумэ Сосэки (1876–1916), внимательно прочитавшего романы «Идиот» и «Братья Карамазовы». По мнению исследовательницы, очевидна потрясающая взаимосвязь, синергия мысли обоих художников.

Другие японские ученые обратились к исследованию различных аспектов поэтики Достоевского. Так, **Сатоси Бамба** (Satoshi Bamba, Нагоя) в докладе *"The Generation and Suspension of Meaning in "Demons" (Поколение и подавление смысла в "Бесах")* по-новому рассмотрел конфликт отцов и детей в романе Достоевского, подчеркнув, что Степан Трофимович, являясь отцом и учителем всех бесов (Петра Верховенского, Ставрогина, Шатова, Кириллова), в то же время сам — «выдумка» Варвары Петровны. Подобным образом Ставрогин, влияющий на своих «учеников», стал выдумкой Петра Степановича еще со времени пребывания героя за границей.

Особенно примечателен интерес японских исследователей к христианской проблематике произведений Достоевского. Значение святоотеческой идеи исихазма для Достоевского раскрыл патриарх японского достоевведения **Тоёфуса Киносита** (Toyofusa Kinoshita, Токио) в докладе *«Значение ретроспективного подхода в противоположности хронологически перспективного подхода к жизнеописанию Ф. М. Достоевского»*.

Сусуму Нонака (Susumu Nonaka, Сайтама) рассказал участникам Симпозиума, как В. Розанов сделал Достоевского писателем XX в., написав книгу «Легенда о Великом инквизиторе».

Илл. 4. Японские коллеги, организаторы и участники Симпозиума в Нагое

Fig. 4. Japanese colleagues, organizers and participants of the Nagoya Symposium

Перспективные молодые японские ученые **Наохито Саису** (Naohito Saisu, Нагоя), **Шинго Шимидзу** (Shingo Shimizu, Токио), **Кодаи Мачида** (Kodai Machida, Токио) последовательно рассмотрели историческое назначение главного героя в романе «Бесы» в контексте деятельности святого Феодосия Печерского; двойственность красоты Настасьи Филипповны в свете христианской аксиологии; амбивалентные образы черта Ивана Карамазова и «сатаны» в Книге Иова как отражение двойственности зла в «Братьях Карамазовых».

Тэцую Мотидзуки (Tetsuo Mochizuki, Нагоя) в докладе *“Forms of Apology and Forgiveness: Akul’ka and Nastasia Filippovna”* («Формы извинения и всепрощения: Акулька и Настасья Филипповна») назвал сакральный акт извинения и прощения между мучителями и жертвами одним из основных для персонажей Достоевского. Так, Настасья Филипповна не только не изживает собственную историю унижения с Тоцким, но и воспроизводит ее в отношениях с Рогожиным и Аглаей. Противоположным образом ученый интерпретировал историю об Акулькином муже в «Записках из Мертвого Дома» и сцены прощения в романе «Братья Карамазовы». В них сюжет о покаянии завершается катарсическим жестом поклона, когда жертва принимает извинения мучителя и прощает его. По мнению японского ученого, этот христианский ритуал извинения и прощения способствует очищению и возрождению человека.

Итоговое обсуждение рецепции творчества Достоевского в литературе Японии состоялось на круглом столе «Достоевский и современные японские писатели», проведенном в последний день работы Симпозиума. Перед полным залом слушателей выступили популярные в Японии писатели Фуминори Накамура, Риса Ватая, Кейитиро Хирано, которые говорили о влиянии литературного наследия русского писателя на их жизнь и тексты, рассуждали о невероятной популярности идей Достоевского в сегодняшнем мире.

В настоящее время изучение идей и взглядов Достоевского в областях философии, литературы, религии, социологии и психологии активно развивается в Китае, что доказали исследователи из этой страны, выступившие на Симпозиуме.

Существенным вкладом в развитие научного направления “Digital Dostoevsky” стал доклад **Лю На** (Liu Na, Пекин) «Большие данные и достоевсковедение: новая парадигма в изучении истории достоевсковедения». Автор с помощью цифровых технологий проанализировала 22 521 научную работу и наглядно представила этапы развития достоевведения в России в линейных графиках, диаграммах и графовых моделях (“knowledge graph”). Опираясь на значительный круг источников (хотя, конечно, он нуждается в расширении), Лю На дополнила статистический анализ добротным комментарием фактов из истории русского достоевведения за 177 лет.

Чжоу Цичао (Zhou Qichao, Чжэцзянский университет) в докладе *«Интерпретации романа "Бесы" современными китайскими переводчиками и учеными»* выделил четыре перевода произведения Достоевского (в пекинском, шанхайском, нанкинском и шицзячжуанском изданиях) с учетом эволюции его восприятия в Китае. В первом прямом переводе, осуществленном Нань Цзяном (Пекин, 1983), название романа звучит как «Цюнь Мо» («Дьяволы»). Переводчик охарактеризовал «Бесы» как политический роман с реакционными идеями, но художественно талантливый. Новое издание романа «Бесы» вышло в 2001 г. в Шанхае. Лоу Цзилян перевел его название как «Гуй» («Черти»). В нанкинском однотомном издании (2002) переводчик Цзан Чжунлунь сохранил название романа «Цюнь Мо» («Дьяволы»). Данный перевод обрамлен предисловием и послесловием Пэн Чжэнем, подчеркнувшего, что «Бесы» — это политический роман, направленный против «нечаевщины», но его содержание гораздо глубже и шире. Примечательно, что в послесловии, чтобы продемонстрировать острую политическую проницательность Достоевского, многократно цитируются Маркс и Энгельс, критиковавшие нечаевщину. В шицзячжуанском издании (переводчик Фэн Чжаоюй) «Бесы» представлены не только как «политический роман», в свое время воспринятый как клевета, но и как «роман-трагедия», в фокусе которого — философский и религиозный смысл образа Ставрогина. По словам исследователя, «Бесы» воспринимаются в современном Китае как политический, детективный и психологический роман и как «роман-трагедия».

Ван Цзунху (Wang Zonghu, Пекин) в докладе *«Достоевский в восприятии Лу Синя»* рассказал о восприятии идей Достоевского знаменитым китайским писателем Лу Синем. Он — один из первых исследователей творчества Достоевского в Китае, написавший две статьи («Предисловие к роману "Бедные люди"» и «О Достоевском») и упомянувший произведения Достоевского не менее 50 раз в других своих работах. Отношение Лу Синя к Достоевскому было как положительным, так и отрицательным. Лу Синь высоко оценивал способность Достоевского к психологическому анализу и называл его действительно «жестоким талантом» и «великим судьей человеческой души». При этом китайский писатель указал на трудность понимания азиатским читателем идей страдания, смирения и терпения, лежащих в основе творчества русского писателя. Лу Синь отмечал, что в китайской культурной традиции господствует конфуцианство, согласно которому люди обращают большее внимание на реальную жизнь, норму воспитания, не знают понятия вечной души и первородного греха, и это мешает китайским читателям правильно понять смысл этических исканий героев Достоевского.

Хоу Чжаоян (Hou Zhaoyang), обратившись к проблеме чтения и письма в «Бесах», отметил, что практически все герои романа одновременно вовлечены в чтение и письмо. Это состояние характерно и для самого Достоевского как «гениального читателя» и писателя.

Чжан Бьянге (Zhang Biange, Пекин), рассмотрев скрытые повествовательные ходы в рассказе Достоевского «Вечный муж», связала их с развертыванием эксплицитного сюжета, в основе которого — параллельные напряженные нарративы, связанные с духовным ростом любовника-обидчика и мужа-жертвы.

Молодой ученый **Сюйян Ми** (Suyang Mi, Тайвань) в докладе «*Судьба и влияние романа Ф. М. Достоевского "Бесы" в Китае*» раскрыл историю переводов романа «Бесы» на китайский язык в XX и XXI вв., рассказав о драматической судьбе романа «Бесы» и его влиянии на китайскую литературу. В Китае, как вначале и в СССР, уклонялись от упоминания романа «Бесы». Попытки российских литературоведов реабилитировать его вызвали неоднозначную реакцию китайских русистов, которые до сих пор по преимуществу воспринимают «Бесы» как политизированное произведение. Тем не менее, по мнению Сюйян Ми, романы ряда современных писателей («Вихрь» Цзяна Гуя, 1957, «Твердый как вода» Яня Лянькэ, 2001 и «Мох» Чжоу Кая, 2019) имеют параллели с «Бесами». Кроме того, книга Достоевского интересует современных китайских философов У Фэя, Лю Сяофэна, которых привлекают образ Кириллова и философская коннотация самоубийства.

Ученые из Латинской Америки и Европы преимущественно рассматривали вопросы поэтики Достоевского.

Сюзана Карнейро Фуэнтес (Susana Carneiro Fuentes, Бразилия) обратилась к одной из самых серьезных проблем общества всех времен — проблеме насилия над детьми и женщинами — в докладе «*Матрёша и ее ошеломляющий жест — от беспомощности к борьбе*» («*Matriocha and Her Overwhelming Gesture — From Helplessness to Fight*»). Исследовательница проследила, как угрожающий жест беззащитной девочки Матрешки подействовал на совесть Ставрогина, однако, проведя, на наш взгляд, совершенно некорректную параллель с движением за права трансгендеров в Бразилии.

Фатима Бианчи (Fatima Bianchi, Бразилия) проанализировала технику повествования в повести «Хозяйка». Бразильская исследовательница рассмотрела точку зрения «мечтателя» Ордынова как продуктивный нарративный прием Достоевского.

Моника Пуглия (Monica Puglia, Италия) представила «Бесы» как «роман-протодистопию», в котором писатель проверяет две утопии — социализм как шигалевщину и христианство, по-разному их отклоняя. Отметим, что тезис докладчицы о том, что «христианская утопия, с ее обещаниями рая и спасения, полностью опровергается писателем», достаточно спорный.

Стефано Алое (Stefano Aloe, Италия), выявляя первостепенную роль ономастической инвенции в романе «Бесы», подчеркнул, что имена героев выступают как «лица идей», и провел функциональный анализ ономастического Достоевского в этом произведении.

Сесилия Дилворт (Cecilia Dilworth, Швеция) в докладе «*Victim and Executioner in "Notes from the House of the Dead"*» («*Жертва и палач в "Записках из Мертвого Дома"*») назвала произведение Достоевского «тюремной летописью», в которой размыты границы между палачом и жертвой.

Илл. 5. Заседание в Нагойском университете иностранных исследований

Fig. 5. Meeting at Nagoya University of Foreign Studies

Жорди Морильяс (Jordi Morillas, Испания), развернув обзор переводов, дискуссионных интерпретаций романа «Бесы» в Испании, отметил интерес исследователей и читателей к пророческой, политической стороне романа «Бесы».

Большой интерес участников Симпозиума вызвал доклад **Ясмینی Войводич** (Jasmina Voljvodić, Хорватия) «Костюм Степана Трофимовича». Рассматривая эволюцию героя и смену его социальных ролей (отец, вдовец, друг, профессор, жених, оратор), исследовательница показала, какую смысловую нагрузку имеет костюм старшего Верховенского и как он соотносится с переменами в его жизни. Точным оказалось ее наблюдение, что для Степана Трофимовича характерно то, что не он сам выбирает свою одежду, а его одевают: Варвара Петровна «сочинила» ему костюм (черный сюртук, шляпа с широкими полями, белый батистовый галстук, трость с серебряным набалдашником), а под конец жизни Софья Матвеевна накрывает героя своим одеялом.

Корнелия Ицин (Kornelija Icin, Сербия) исследовала «отголоски» примитивной поэзии капитана Лебядкина в творчестве русских поэтов XX–XXI вв. В центре ее внимания оказались обэриуты Хармс, Введенский, Олейников, Заболоцкий, Бахтерев, а также Николай Глазков, Олег Григорьев, Владимир

Эрля, Владлен Гаврильчик и современные поэты Герман Лукомников, Евгений Ключев, Всеволод Емелин, Алексей Сальников, которые в своем творчестве по-новому осмыслили примитивно-абсурдную традицию капитана Лебядкина.

Тамара Джерманович (Tamara Djermanovic, Испания) рассмотрела волновавшую Достоевского тему «Россия и Запад» на примере романа «Бесы», интерпретируя смысл эпиграфа как нашествие бесов в Россию под влиянием ветров, дующих из Западной Европы. Исследовательница выделила основной вопрос «Бесов», который назвала пророческим: должна ли Россия в своем развитии следовать западным путем или найти свой собственный?

Заметными на Симпозиуме были выступления российских ученых, представивших доклады во всех секциях. **У. П. Стрижак** (Москва, Высшая школа экономики) провела сравнение творчества Достоевского и японского восприятия мира на основе качественного и количественного видов анализа русско-японских параллелей в текстовой базе данных по романам «Идиот» и «Преступление и Наказание». Она сделала акцент на лингвистической модели агентивности и показала, как через параллели и расхождения в «параллельных текстах» Достоевского проявляется национально-культурная специфика в восприятии образов и ментального пространства.

О. В. Марченко (Россия, Москва) рассмотрел «проект-прогноз сюжета» и сам сюжет в структуре романа «Бесы» как способы выражения авторской позиции (вслед за М. М. Бахтиным и Б. О. Корманом). Выявив несовпадение рассказов с точки зрения хроникера и Степана Трофимовича Верховенского в произведении Достоевского, ученый, в частности, представил «предисловный рассказ» как «прогноз и проект сюжета», не совпадающий с сюжетом-реализацией.

О. А. Богданова (Россия, Москва) исследовала топику усадьбы и провинциального города в романах Достоевского «Бесы» и Г. И. Чулкова «Сатана». Она отметила влияние топики Достоевского на семиотику пространства в литературе Серебряного века, назвав роман Чулкова «демонстративным ремейком» «Бесов».

Новый взгляд на лермонтовский контекст романа «Бесы» представил **С. С. Шаулов** (Россия, Москва). Обратившись к неисследованным аспектам неоднозначного отношения Достоевского к личности и творчеству поэта, он подчеркнул, что писатель воспринимал биографический образ Лермонтова сквозь призму его литературного наследия. Генезис образа Ставрогина, помимо традиционно выделяемой генетической связи с Печориным, включает в себя и это сложное впечатление.

Важную роль «евангельского текста» в произведениях Достоевского в целом и в романе «Бесы» в частности показала **В. В. Борисова** (Россия, Москва, Уфа) на примере словарной статьи «Всечеловек» из тезауруса Достоевского,

являющего собой новый тип терминологического словаря, составленного на основе корпусного анализа и имеющего прикладное значение⁵.

О. В. Золотько (Россия, Москва) отметила ключевые особенности поэтики фантастического в рассказе «Сон смешного человека», в том числе соотношение точки зрения и сознания персонажа с сюжетом и композицией произведения, его художественной картиной мира в целом.

А. В. Тоичкина (Россия, Санкт-Петербург) прокомментировала «присутствие» идей Н. Н. Страхова и Достоевского в исследованиях Д. И. Чижевского, подчеркнув при этом значимость работ «философского информатора» для автора «великого пятикнижия».

О. В. Захарова (Россия, Петрозаводск) прокомментировала новые факты биографии и творчества Достоевского, взятые из забытых источников — карикатур из русских периодических изданий 1870-х гг., в которых автор «Бесов» нередко подвергался осмеянию.

И. Л. Волгин (Россия, Москва) назвал смерть Достоевского событием общенационального масштаба, показав на материале российской прессы того времени, как похороны писателя стали крупнейшей политической демонстрацией русского XIX столетия, собравшей все общественные силы.

И. С. Андрианова (Россия, Петрозаводск) раскрыла большое историко-литературное значение практически не исследованных записных книжек и тетрадей А. Г. Достоевской как важного источника научной биографии писателя, которая создается сегодня усилиями российских ученых.

Показательным в программе Симпозиума стало направление *“Dostoevsky and Music/Cinema/Theatre/Painting”* («Достоевский в музыке / кино / театре / живописи»). Так, **Дэвид Молина** (David Molina, США) исследовал влияние таких произведений, как «Преступление и Наказание», «Двойник» и «Идиот» на кинематографическую деятельность советского режиссера Кира Муратовой. Исследователь в докладе *“On Doubles and Deaths: Kira Muratova and Fyodor Dostoevsky”* («О двойниках и смертях: Кира Муратова и Федор Достоевский») показал, что на создание образов двойников и сюжетов таких фильмов, как «Настройщик» (2004), «Письмо в Америку» (1999) и «Два в одном» (2007) режиссера вдохновило творчество Достоевского.

Фиона Белл (Fiona Bell, США) привела примеры художественной «анти-театральности» в «Бесах»: Варвара Петровна иронически сравнивает Степана Трофимовича с французской актрисой, хроникер называет Петра Степановича плохим актером, а лицо Ставрогина описывается как «маска». Используя «театр», Достоевский, считает исследовательница, показал своих героев как артистов мелодрамы или комедии.

⁵ См.: Терминологический словарь-тезаурус «евангельского текста» Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/> (15.09.2023).

Илл. 6. Российские участники Симпозиума и японские коллеги

Fig. 6. Russian Symposium participants and Japanese colleagues

Денис Жерноклеев (Denis Zhernokleev, США) представил фильм Анджея Вайды «Настасья» как адаптацию романа Достоевского в стиле классического японского театра Кабуки.

Масако Умегаки (Masako Umegaki, Япония) на примере картин Альфреда Хичкока и его последователей оценил экранизации Достоевского как феномен культурной адаптации в XX в.

Ацуси Саканива (Atsushi Sakaniwa, Япония), сравнивая фильм Андрея Тарковского «Жертвоприношение» и роман «Идиот», выявил их диалогическую соотнесенность.

Такахаси Сейитиро (Takahashi Seiichiro, Япония) говорил об отражении мотивов и образов «Преступления и Наказания» в мультфильме Хаяо Миядзаки «Навсикая из Долины ветров» (1984).

Другие доклады также были посвящены новому азиатскому кино. **Наталья Хохолова** (Natalya Khokholova, Американский университет в Центральной Азии) представила современную интерпретацию наследия Достоевского — южнокорейский фильм Пона Чжун Хо «Паразиты» (2019) и социальную драму «Магазинные воришки» (2018) японского режиссера Хирокадзу Корээда, в которых изображены жители городских задворков и подвалов.

Как концептуально значимый был принят доклад **Людмила Димитрова** (Болгария), который назвал «Бесы» театральным романом в широком интермедийальном смысле или романом-медиа. Центром анализа ученого стала «Исповедь» Ставрогина, рассмотренная как конфессиональный дискурс,

построенный на драматическом принципе и представляющий собой инверсию сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова» Пушкина (не случайно Хромоножка называет Ставрогина «самозванцем» и «Гришкой Отрепьевым»).

Кристиан Фейгельсон (Kristian Feigelson, Франция), анализируя фильм «Братья Карамазовы» Ивана Пырьева (1968), обратился к проблемам киноадаптации романа Достоевского, созданной с помощью цветного и динамического монтажа в духе массовой культуры советского времени, а также рассказал о том, что в 2018 г. этот фильм был выпущен во Франции на DVD.

Мицухико Миура (Mitsuhiko Miura, Япония) провела сравнительный анализ произведений Достоевского и фильмов французского режиссера Робера Брессона («Четыре ночи мечтателя» (1971), основанные на романе Достоевского «Белые ночи», и экранизации повести «Кроткая»).

Ольга Соловьева (США) представила фильм Акира Куросавы по роману Достоевского «Идиот» как яркий пример встречи Востока с Западом, показательный для японской культуры после Второй мировой войны. По мнению исследовательницы, кинематографическое посредничество Куросавы между Западом и Востоком началось с этически пересмотренной «травмы» военного времени, что привело знаменитого режиссера к идее исторической совести.

Была отмечена на Симпозиуме и связь творчества Достоевского с современным театром. Свой «театральный» Достоевский есть, например, у греческих зрителей. По словам переводчика Ареса Александру, русский писатель подобен древнегреческим драматургам. Об этом говорила **Кристина Каракепели** (Kristina Caraceli, Греция), представив обзор сценических постановок Достоевского в Греции и отметив, что они не сходят со сцены с конца XIX в. Роли по романам русского классика играют известные греческие актеры, а театральная адаптация «Бесов», которая впервые состоялась в 1964 г., включена в программу престижного Афинского кинофестиваля.

Ирина Симпсон (Москва, Россия), говоря о спектакле «Бесы», поставленном на сцене Константином Богомоловым, одним из самых скандальных интерпретаторов творчества Достоевского, оценила театральную версию романа как новый результат режиссерского прочтения и полемики постановщика с автором. Она подчеркнула, что в целом это постмодернистская деконструкция произведения Достоевского. Пьеса карнавализует его героев и идеи, смешивает высокие и низкие жанры, предельно модернизируя фигуры персонажей произведения. Тем не менее, по мнению Ирины Симпсон, такая театральная практика способствует собственному диалогу зрителя с романом Достоевского.

Связь творчества Достоевского и музыки показал **Ичиро Ито** (Ichiro Ito, Япония), проанализировав эту тему в четырех аспектах: музыка в жизни Достоевского, музыка в произведениях Достоевского, Достоевский в музыке, роман Достоевского как «полифония», рассмотренный одновременно и как музыкальная форма, и как феномен субъектных голосов.

Несколько докладов было посвящено отражению образов и мотивов Достоевского в живописи. **Гун Цинцин** (Gong Qingqing, Китай) проанализировала «достоевское настроение» в живописи Эдварда Мунка. Подчеркивая типологическое сходство созданных художниками образов (например, «Крик» воспринимается как крик бесов), она сделала вывод о том, что творчество Мунка — это иллюстрация к произведениям Достоевского.

На одном из последних заседаний Симпозиума сделал доклад **Павел Фокин** (Россия, ГМИРЛИ), сказавший о том, почему мы сегодня продолжаем читать произведения Достоевского. Его творчество — актуальный культурный феномен современности. И духовная основа художественного мира Достоевского (вне его конфессиональной, национальной и идеологической идентичности) — это личностная взаимосвязь всего и всех: «Мир личностей, взаимосвязанных между собой, способен пережить любые кризисы» [Фокин]. Думается, эти слова в полной мере выражают надежды и пафос выступлений участников Симпозиума.

Илл. 7. Участники Симпозиума возле Киотского университета

Fig. 7. Symposium participants near Kyoto University

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.
2. Владимирцев В. П. Бестиарий // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1977. С. 141.
3. Владимирцев В. П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Раритет–Классика плюс, 1999. № 12. С. 120–134.
4. Владимирцев В. П. Достоевский народный. Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: статьи, очерки, этюды, комплекс историко-литературных исследований. Иркутск: ИГУ, 2007. 458 с.
5. Захаров В. Н. XVIII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского (Нагоя, Япония, 24–28 августа 2023 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3 (114). С. 167–172.
6. Новикова Е. Г. Дорогами Ф. М. Достоевского: поляки в Сибири // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 190–197. Рец. на кн.: Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles / Elizabeth A. Blake. Boston: Academic Studies Press, 2019. 226 p. [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758386.pdf (01.09.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4281
7. Подрябинкина А. Г. Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 51–68 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587678576.pdf (01.09.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421
8. Федорова Е. Концепция личности в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of “Demons”: Book of Abstracts. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. P. 84.
9. Фокин П. Феномен Достоевского. Почему мы сегодня продолжаем читать его произведения? // XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of “Demons”: Book of Abstracts. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. P. 73–74.
10. Blake E. Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles. Boston: Academic Studies Press, 2019. 212 p.
11. Kovalevskaya T. Dostoevsky and the Apatetic Novel // XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of “Demons”: Book of Abstracts. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. P. 33–34.
12. Ronner Amy D. Dostoevsky as Suicidologist: Self-Destruction and the Creative Process (Crosscurrents: Russia's Literature in Context). Lanham: Lexington Books, 2021. 356 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 470 p. (In Russ.)
2. Vladimirtsev V. P. Bestiary. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1977, p. 141. (In Russ.)
3. Vladimirtsev V. P. Dostoevsky's Poetic Bestiary. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, Raritet–Klassika plus Publ., 1999, no. 12, pp. 120–134. (In Russ.)

4. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskiy narodnyy. F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: stat'i, ocherki, etudy, kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy* [Folk Dostoevsky. F. M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Articles. Essays. Sketches, the Complex of Historical and Literary Studies]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2007. 458 p. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. The 18th Symposium of the International Society of F. M. Dostoevsky (Nagoya, Japan, August 24–28, 2023). In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences], 2023, no. 3 (114), pp. 167–172. (In Russ.)
6. Novikova E. G. Following F. M. Dostoevsky's Ways: the Poles in Siberia. The Review of the Book Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles / by Elizabeth A. Blake (Boston 2019). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 190–197. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758386.pdf (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4281 (In Russ.)
7. Podryabinkina A. G. What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fedor Dostoevsky in "Siberian Diary"? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 51–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587678576.pdf (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421 (In Russ.)
8. Fedorova E. The Concept of Personality in the Novel "Demons" by F. M. Dostoevsky in the Light of the Ethical Teachings of A. A. Ukhtomsky. In: *The 18th Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of "Demons": Book of Abstracts*. Nagoya, Nagoya University of Foreign Studies Publ., 2023, p. 84. (In Russ.)
9. Fokin P. The Phenomenon of Dostoevsky. Why do We Continue to Read His Works Today? In: *The 18th Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of "Demons": Book of Abstracts*. Nagoya, Nagoya University of Foreign Studies Publ., 2023, pp. 73–74. (In Russ.)
10. Blake E. *Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2019. 212 p. (In English)
11. Kovalevskaya T. Dostoevsky and the Apatetic Novel. In: *The 18th Symposium of the International Dostoevsky Society. The 150 Years of "Demons": Book of Abstracts*. Nagoya, Nagoya University of Foreign Studies Publ., 2023, pp. 33–34. (In English)
12. Ronner Amy D. *Dostoevsky as Suicidologist: Self-Destruction and the Creative Process (Crosscurrents: Russia's Literature in Context)*. Lanham, Lexington Books Publ., 2021. 356 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Literature, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolyutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.11.2023

Принята к публикации / Accepted 10.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023

В оформлении обложки использован рисунок
Китами Такаши

The cover design uses a drawing artist by Kitami Takashi

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова,
Л. В. Алексеева, Д. Д. Бучнева, Е. Н. Вяль

Компьютерная верстка: М. В. Заваркина, В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль

Перевод: Я. И. Соломинская

Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:

**185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ**

Address of the Editorial Staff:

**185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University**

Tel. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

<http://unknown-dostoevsky.ru>